

Хроники Нордланда

Кровь Лары

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Свидрицкая Н.

18+

Наталья Свидрицкая

Хроники Нордланда: Кровь Лары

«Автор»

2018

Свидрицкая Н.

Хроники Нордланда: Кровь Лары / Н. Свидрицкая — «Автор», 2018

События в Нордланде развиваются не совсем так, как планировали их инициаторы, но для Хлорингов крахом грозит любое их развитие. Враги интригуют, вступая в противоречие друг с другом, убийства, предательства, клевета и роковые промахи следуют одно за другим. Обо всем этом, а так же о детях, эльфах, ведьмах, драконах и одной очень умной собаке - 3 книга цикла "Хроники Нордланда". Изображения на обложке и иллюстрации сгенерированы нейросетью Кандинский 2.1 Содержит нецензурную брань.

© Свидрицкая Н., 2018

© Автор, 2018

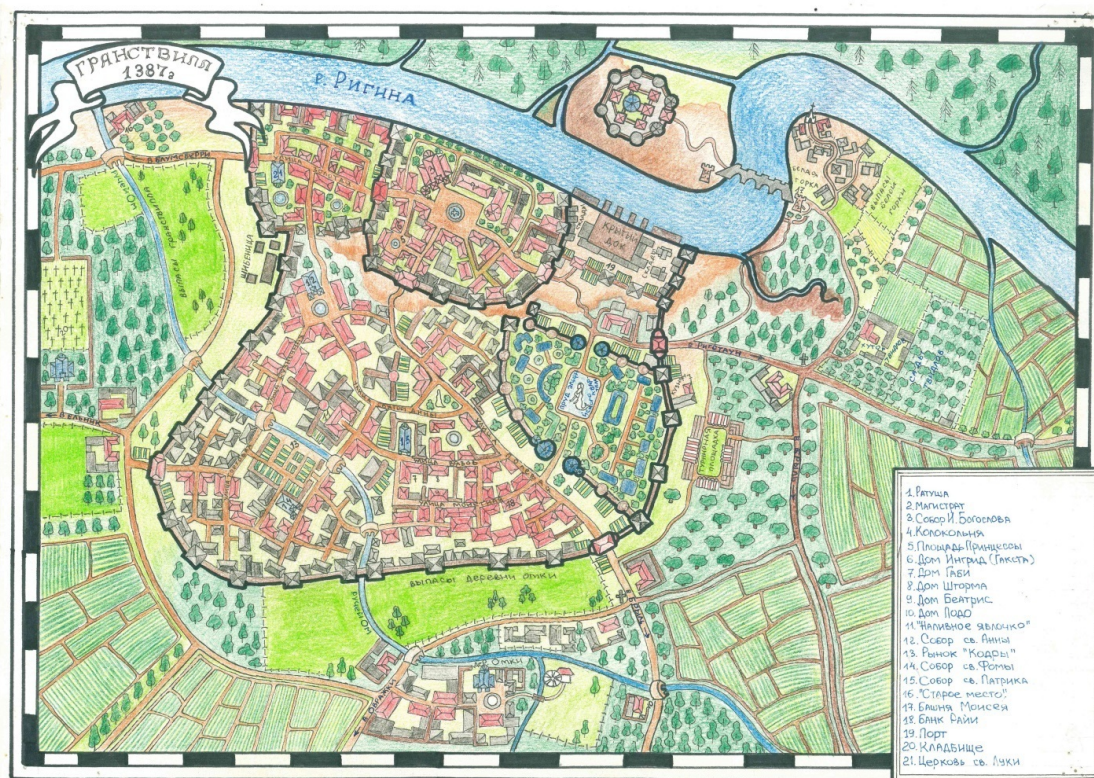
Содержание

Книга третья: Кровь Лары	5
глава первая: Сын шлюхи	8
Глава вторая: Ссора	24
Глава третья: Следствие	44
Глава четвёртая: Принцесса эльфов	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Наталья Свидрицкая

Хроники Нордланда: Кровь Лары

Книга третья: Кровь Лары

*Я бояться отвык голубого клинка,
И стрелы с тетивы за четыре шага.
Я боюсь одного: умереть до прыжка,
Не услышав, как хрустнет хребет у врага.
«Песнь волка», Мария Семенова.*

1.

И снова мне хочется сделать паузу, посмотреть в окно, подумать о прошедшем. Такой путь пройден! Я думаю о тех днях: да это же было – то всего... И вдруг понимаю, что прошёл уже не год и не два... И для тех, кто моложе меня, это уже прошлое, которое никого больше не волнует.

Но как же это всё живо для меня! Когда я начала писать, мне казалось, что я не вспомню деталей каких-то, что-то пропущу... Но вот начала – и оказалось, что в памяти моей хранятся даже такие мелочи, как улочки на стенах, рябь от ливня на воде, прошедшего так давно, но в моей памяти идущего и сейчас.

Но ярче всего оживляют память запахи. Не замечали?... Повеет чем-то знакомым-знакомым, и ты на какие-то мгновения вдруг оказываешься в прошлом, порой в таком далёком, что даже странно, и испытываешь массу забытых эмоций. Когда пахнет цветами рябины,

я вспоминаю Элодисский лес, плеск воды Фьяллара, крики чаек над плёсами. А запах ясеня... Ох, этот запах!

Я оставила своих героев в сложный для них момент, и всё же, это было не худшее время их жизни. Почти все они очутились на распутье: оглядываясь назад, я ясно вижу, что это был миг, когда ещё можно было чего-то избежать, что-то изменить, от чего-то спастись... и погибнуть, тоже. Всё было так хрупко. Великое Летнее Полнолуние, день, когда полнолуние совпадает с солнцестоянием, священный эльфийский праздник, цветение папоротника. Все пути начинались в тот миг прямо у наших ног, на выбор. Все мы могли пойти любым путём – кроме Гэбриэла. Он никогда не колебался на развилках, ни тогда, ни теперь. Для него выбор был сделан, возможно, ещё до его рождения; он знал это, даже не подозревая об этом. И ещё я думаю о том, как повезло всем нам, знавшим его. Такие люди – это событие, целая эпоха в жизни. Как объяснить?.. Живя обычной жизнью, среди обычных людей, постепенно начинаешь считать, что яркие поступки, яркие характеры и великие события – это бывает только в романах, а в жизни всё проще и ровнее. И такой человек, появившись, переворачивает твоё восприятие мира, озаряет его особым светом, доказывая самим фактом своего существования, что жизнь более захватывающая вещь, чем любой роман. Его судьба, его любовь, его война – всё это по сей день внушает мне благоговейное восхищение. Я преклоняюсь перед ним, я обожаю его. И этот мой труд – дань этому преклонению. Но спросите любого в этом городе: преувеличиваю ли я, льщу ли я ему?.. И даже дети скажут вам, что это невозможно.

Часть первая: Южные пустоши

глава первая: Сын шлюхи

– Рыцарь Бергстрем! – Изабелла величественно выпрямилась. – Ваша королева вами недовольна! – Её сапфировые глаза, как и голос, были холодны, как лед. – Мои подданные из Анвила, Дракенфельда и окрестных деревень прислали мне жалобу на вашего сына, эрла Андерса. Вступая на престол, я пообещала моему народу, что никогда огонь инквизиции не коснётся Нордланда и моих подданных! И что же?! Ваш сын жжёт живьём молодых беременных девушек! Объяснитесь, сэр Бергстрем, немедленно!

– Ваше величество! – Бергстрем приложил руку к сердцу. – Я состою в постоянной переписке с сыном, и он тоже озабочен создавшейся ситуацией. Зачинщик этих бесчеловечных казней не Андерс, Боже упаси! Это духовное лицо, некий доминиканец, брат Корнелий. Люди озлоблены, положение в Междуречье тяжёлое, вспыхивают быстро. А этот Корнелий, по словам Андерса, мастак толпу заводить. Андерс же не может духовному лицу ни приказывать, ни, Боже упаси, насилие над ним учинить какое. Тут вопрос, скорее, к его высокопреосвященству... А кстати, где он?

Лицо королевы стало ещё холоднее и непроницаемое. Она прекрасно сознавала, что Бергстрем просто издевается над нею. Да, формально Андерс не мог тронуть доминиканца. А на самом деле – сколько этих монахов и попикив сгинули, перебежав дорогу и менее значительным персонам?! Да против эрла Бергстрема этот Корнелий, кто бы он ни был, слова бы не сказал! Но что она могла поделать?! Она была одна, одна! И всё, что ей оставалось – это сделать хорошую мину. Придворные с любопытством наблюдали за их беседой, и Изабелла сделала вид, будто приняла оправдания Бергстрема – старшего.

– Я попрошу его высокопреосвященство вызвать этого Корнелия сюда, чтобы тот ответил за свои преступления. Но ваш сын не так бесправен и беспомощен, как вы пытаетесь показать! Приговоры суда инквизиции недействительны, пока их не подтвердит светская власть.

– А это уже к герцогу Элодисскому! – Вновь приложил руку к сердцу Бергстрем, почти не скрывая усмешки. – Если ему вообще есть до этого какое-то дело! А то, говорят, они всё празднуют, фейерверки запускают, а до своих подданных им и дела нет...

– Сэр Бергстрем! – Гневно перебила его королева. – Когда я слышу, как сплетничает мужчина, мне хочется спросить: «Кто из нас баба?!». Я сама никогда не опускаюсь до сплетен, и из уст своих подданных слышать их не желаю! Герцог Элодисский объяснится передо мной в свой срок, будьте уверены! И я обязательно дам ему своих гвардейцев, чтобы он раз и навсегда навёл порядок в вашем Междуречье!

– Ваше величество... – Бергстрем аж побагровел, еле сдерживаясь перед придворными.

– Аудиенция закончена! – Перебила его Изабелла. Она прекрасно осознавала, что ничего она не сделает, и Гарет, скорее всего, тоже. Но унижаться перед этим выскочкой?! Сдаться на милость этих скотов и вилять перед ними хвостом?! Никогда! У Изабеллы ещё оставался последний козырь, но зато какой! И Бергстрем это знал прекрасно, и пока что вынужден был принимать её правила игры. В целом он не верил, что Изабелла способна на такое безрассудство, как предъявление этого козыря, но в глубине души сомнение всё же шевелилось: а вдруг? Кто её знает, эту бабу бешеную?.. Все Хлоринги бешеные, у них в роду через одного берсеркеры, им даже настоячку из мухоморов пить не требуется, они чокнутые и так. Поэтому открыто бросать ей вызов себе дороже. Есть и другие способы.

Изабелла прошла к себе, вне себя от ярости наорала на прислуживающую ей даму Шелли, прогнав прочь. Взвизгнув, сами смылись любимые левретки, шмыгнул куда-то любимый карлик Наф-Наф. Расхаживая по своим покоям, Изабелла с силой растирала ладони одна о другую. О, игру Бергстремов она раскусила мгновенно, как только узнала о бесчинствах того попа! Им нужно выманить мальчишек из Элодисского леса, где они в безопасности, и натравить на

них чернь. Или сами убьют, списав всё на чернь, не существенно. Гибель Гарета будет катастрофой! Не сейчас, только не сейчас... Сколько страшных дней и ночей Изабелла провела, каждую минуту ожидая известие о смерти брата?.. Удар неизлечим и обязательно повторится рано или поздно. Королева отлично понимала, что сама жива и при короне только потому, что брата любят народ и знать, его знают и ценят в Европе и даже в Византии. Открытая попытка сейчас напасть на него и членов его семьи вызовет бурю возмущения в Европе и на Острове. Конечно, и датчане, и англичане в таком случае станут грести под себя, не говоря уже о Риме, но это без разницы, местным гости из-за моря не нужны в любом случае. И на здоровье принца Элодисского сейчас держится всё, даже жизнь и корона самой Изабеллы. Узнав, что с возвращением сына Гарольд чуть ли не на поправку пошёл, Изабелла испытала такое облегчение! Ей показалось, что опасность немного отступила, у них появилась возможность упрочить свои позиции, выгодно выдав замуж Габи и женив Гарета. Королева и невесту присмотрела, кузину английского короля, Элизабет Стюарт, девчонку родовитую, отличных кровей, но небогатую. Впрочем, это даже лучше: быстрее удастся сговориться. Девчонка вполне созрела, ей четырнадцать, рожать уже способна, до Нордланда доберётся быстро, полгода на всё про всё уйдёт, не больше... И с виду не дурна, если верить послу и портрету, переданному послом. Рыжая и белокожая, худущая, но это от того, что ещё молода. К двадцати годам оформится и пополнеет, будет хороша. И тут такое... Проклятье! Если хоть одного из мальчишек убьют, брат этого не переживёт. Повторный удар и смерть... И конец всему.

– Консорта ко мне! – Рывкнула Изабелла.

Явился. Беспечный, нарядный, с кульком вишни. Плюется косточками, румянец во всю смазливую немецкую рожу... Господи! Вот ведь... существо!..

– Послезавтра в Хефлинуэлл едет посол Нидерландов с женой. – Голосом скучающим и как бы утомлённым по-немецки протянула королева, отвернувшись, чтобы не видеть эту довольную... рожу. – Поедешь с ними. Скажешь моему брату, что всё в письме.

– В каком? – Сплюнув пару косточек и закинув в румяный рот ещё несколько вишен, спросил Фридрих.

– В письме! – Повысила голос королева. – Его высочество поймёт. А твоя задача при дворе моего брата – соблазнить мою племянницу.

– Что?! – Фридрих не донёс до рта очередную порцию вишенек.

– Соблазнить Габриэлла Ульвен, болван!

– Но, моя королева...

– Заткнись! Это приказ твоей королевы. Девочка очень красива, это будет легко. Габи бредит Европой, особенно Бургундией. Сыграй на этом. Рассказывай ей то, что она хочет услышать. Ты, конечно, умом не блещешь, но и она не Премудрость Божия. Соблазни её и уговори на бегство в Элиот с тобой. Я сначала сделаю вид, что разгневана, а потом дам тебе развод. Ты станешь герцогом, Фридрих. – Не менее утомлённым, чем голос, жестом Изабелла стянула с чёрных волос алмазную диадему, и волосы её рассыпались по плечам и спине блестящими шелковыми прядями. Консорт, глядя на это, сглотнул и сделал произвольное движение к королеве. Как бы он её не ненавидел, что бы про неё не говорил своей любовнице Амалии, но Изабелла неизменно вызывала в нём, наряду с бурей противоречивых чувств, сильнейшее желание.

– Оставь! – Изабелла, даже не глядя на него, верно угадала его порыв, и выдала сакральное:

– У меня голова болит. А тебе пора собираться в дорогу. Потрахаешь моих фрейлин, хоть на это они сгодятся.

– Я ненавижу тебя. – По-немецки произнёс консорт. Изабелла легко повела плечом:

– А мне плевать.

– Когда-нибудь я убью тебя, Бель.

– Не верю. – Кисло поморщилась королева. – Я сказала: иди. Ступай!!! – Повысила голос, лицо исказилось, стало некрасивым. – Пошёл вон!!!

– Ты сейчас ужасно уродлива. – С тоской глядя на неё, сказал Фридрих, не трогаясь с места. – От тебя дурно пахнет, ты стара.

– Вот и вали отсюда. – Огрызнулась Изабелла.

– Я знал, что ты это скажешь...

– Тогда какого чёрта напрашиваешься?! Вон! Вали в Гранствилл, и без Габи не возвращайся!!!

Консорт вышел, швырнув на пол кулёк с вишней и сильно хлопнув дверью. Королева длинно вздохнула, пряча лицо в ладони. Как она устала... Как все Хлоринги, она была отважна, безрассудна и несгибаема, словно внутри неё был стержень или клинок из лучшей стали. Дурные или хорошие, Хлоринги были сильными людьми, яркими, необычными. Единицы из них прожили тихую и спокойную жизнь, все остальные вечно искали каких-то приключений и опасностей на свою пятую точку, всегда находили и, что тоже являлось фамильной чертой, почти всегда успешно выходили из всех передряг. Но бывали и катастрофы, как и вся их жизнь, весьма и весьма яркие. Как смерть Алисандры, королевы-отравительницы, успешно отравившей трёх мужей и уничтожившей одним махом пятьдесят эльфийских князей со всеми их соратниками, которые только что помогли ей избежать плахи. Единственный выживший в учинённой по её приказу бойне, король эльфов Кину Ол Таэр снёс ей голову прямо на ступенях собора Марии-на-водах, где Алисандра только что обвенчалась со своим избранником, которому и сделала подарок в виде мёртвых эльфов. Об этом до сих пор рассказывали сказки, сочиняли баллады и канцоны и пели на площадях. Возможно, устало подумала Изабелла, крах их семьи будет таким же ярким и незабываемым... Какое, однако, слабое утешение!

Внешне такая же, как всегда, то есть, сварливая, раздражительная, надменная и язвительная, Изабелла внутри была страшно напряжена и уже начала чувствовать сильную усталость. Она даже похудела, что в её время отнюдь не считалось красивым и не радовало женщину, к которой это относилось, ничуть. Ей казалось, что сам воздух в Сансет загустел от скопившегося напряжения, и начал слегка горчить. Улыбающиеся и кланяющиеся фрейлины могли накапать яда или впустить к ней убийцу. То же пажи и герольды. Стражники могли перерезать горло или накинуть удавку на шею. Изабелла дурно спала, ей всё мерещились шаги убийц. Умом она понимала, что пока живы брат и племянник, убивать её бессмысленно и даже опасно, но где гарантия, что они ещё живы?! Может, их уже уничтожили, и убийцы, опережая вести, спешат по её душу? Королева упрямо боролась с паническими атаками, собрав в кулак свою стальную волю, но эта борьба истощала её.

Но пока она жива и борется! Изабелла присела к секретеру и принялась писать. Писала она по-эльфийски – королева отлично говорила и писала на десяти языках, – мелко-мелко, на тонкой бумаге, привозимой из далёкой страны Катай, безумно дорогой и очень редкой. После этого, очень длинного, письма, она написала ещё одно, как положено, на латыни, на обычной бумаге, запечатав это письмо своей гербовой печатью. Второе письмо она отдала пажу, велев ему вручить его Фридриху, а с первым отправилась в конец коридора, где стоял высокий узкий шкаф. Отодвинув намотанные на длинные палки старые пыльные портьеры, Изабелла сдвинула фальшпанель и очутилась на узкой лестнице, ведущей вверх, сначала прямо, а потом по спирали, внутри узкой башенки, снаружи казавшейся просто декоративной пристройкой к фасаду дворца.

Забравшись на самый верх, Изабелла очутилась в очень странном помещении: круглом, узком, и полностью захламлённом, но не хламом, а всяческими дорогими и даже драгоценными вещами. Пробивающиеся через заколоченные узкие длинные окна-щели солнечные лучики освещали груды дорогой посуды из золота, серебра, малахита, янтаря и яшмы, оникса и хрусталя; рулоны драгоценных тканей: парчи, кружева из золотых нитей, паучьего шёлка; книги

в окладах, украшенных неслыханно дорогими и красивыми камнями, чьё мягкое сияние придавало комнатке сказочный и таинственный вид, и множество всяческой драгоценной утвари, вещей, украшений, даже оружия. Где-то вверху ворковали голуби, но на вещах не было и следа голубиного помёта.

– Дядюшка Ю-у-ухан... – Вкрадчиво позвала королева. Что-то еле слышно прошуршало где-то в недрах драгоценного хлама, и стихло.

– Дядюшка! – Повторила королева призыв. Совсем близко от неё вдруг отчаянно разодрались крысы, с шумом, писком, шипением. Изабелла непроизвольно вздрогнула, подождала, пока шум прекратится, вновь позвала:

– Дядюшка Юхан!

Откуда-то вдруг напахнуло сквозняком с привкусом болотной гнили, потом раздалось оглушительное карканье и хлопанье крыльев, словно мимо королевы пронеслась стая ворон, её даже обдало ветром и запахом птичьих гнёзд.

– Ну, прости, дядюшка! – Всё так же умильно попросила королева и вкрадчиво добавила:

– А я тебе кое-что принесла.

– Не надо мне. – Капризно произнёс из темноты скрипучий голос, и Изабелла лукаво улыбнулась.

– Ты же не видел ещё!

– И не показывай, всё равно не буду смотреть. – Говоривший был невидим и говорил, казалось, со всех сторон сразу.

Изабелла, тем не менее, достала из сумочки мешочек из замши, а из мешочка – настоящее чудо. Эльфийской работы букетик из розы и двух ландышей, из малахита, розанита, изумрудов и жемчуга; на широких листьях ландышей лежали алмазные капельки росы.

– Не смотрю-не смотрю! – Капризно пропел скрипучий голос, и почти в тот же миг возле королевы возник карлик, главной деталью внешности которого был нос. Он был таким огромным, что просто не мог принадлежать человеку, даже маленькому, даже каким-то образом изуродованному. Всё остальное: морщинистое лицо, кругленькое, как бочка, тельце и тонкие кривые ножки – уже как-то не бросалось в глаза.

– Дай сюда! – Алчно сверкая глазами, карлик выхватил у королевы букетик и заворковал над ним, запричитал, осматривая, оглаживая короткими пальчиками и даже время от времени касаясь кончиком длинного, узкого и ядовито-красного языка:

– Хороший, хороший... – Ворковал он, – мой, хороший!

– Обмен! – Напомнила королева.

– Куда опять собралась, греховодница? – Поинтересовался карлик ворчливо, пряча драгоценность в большой кошель, висевший у него на поясе, где что-то явственно и очень нежно звякнуло.

– Нужно отправить письмо. Так, чтобы никто не узнал, не увидел и не перехватил.

– Интриги, заговоры... – Фыркнул карлик. – Глупости всё ваши. Толчется мошка, толчется, думает, что правит миром... Ха! Мир мошкары! Руку дай. – Он бесцеремонно схватил изящную ухоженную ручку Изабеллы, ткнул в палец длинной чёрной иглой – Изабелла дрогнула, но стерпела, – и подставил зеркальце под каплю крови. Ударившись о зеркальце, тяжёлая капля взорвалась облачком мельчайшей пыли, и из этого облачка возникло существо – чёрная, крупная летучая мышь с отвратительной мордочкой. Королева вновь чуть заметно вздрогнула, поморщившись.

– Да уж! – Насмешливо фыркнул карлик. – У кого дербник, у кого голубь... У кого-то даже грифон был. Моё зеркало не обманешь! Чего морщишься?.. Это твоя тёмная сторона. Бери и пользуйся!

После некоторых колебаний, пересилив себя, королева пристроила своё послание на шею неприятному созданию, словно кулон. Как бы оно ни выглядело, а кулон доставит только Гарольду и никому другому, и, выполнив свою миссию, бесследно исчезнет.

– Значит, старая интриганка задумала заполучить себе племянницу? – Сцепив вместе кончики пальцев, протянул Дрэд. – Интересно, и не глупо, да, да... Выдаст её за своего никчёмного консорта, и объявит их потомство своими наследниками. За этим породистым жеребцом, не смотря на всю его никчёмность, стоят пять сильнейших королевских семей Европы, да, да... Тронуть его и его семью будет опасно. Умный ход, но такой женский! Придумать такой блестящий ход и довериться никчёмному вертопраху! Ах, женщины! Тварюшки глупые, но забавные! – Он засмеялся, и Амалия тоже улыбнулась, несколько кисловато, развеселив Дрэда ещё больше.

– Поезжайте в Хефлинуэлл, на эту их помолвку. – Отсмеявшись, сказал Дрэд. – Марьяж этот Риму не нужен, но чтобы девица Ульвен покинула Элодисский лес – крайне желательно. Заодно попробуйте там проверить одну из ваших блестящих схем.

– С которым из братьев?

– Предпочтительнее, конечно, герцог, но и второй сгодится, да, да...

– Как скажете! – Преувеличенно-покорно согласилась Амалия, но Дрэд лишь погрозил ей пальцем:

– Шалунья!

Кира была счастлива. Конечно, нормальной девушке её существование показалось бы сплошным ужасом, но после Девичника, после Доктора и гостей, девушке казалось, что она в раю. Любую тоску по новорожденному сыну она привычно трансформировала в заботу о тех, кто был подле неё – теперь, прежде всего, конечно, об Аресе. Он оказался, о чудо, именно таким, каким Кира придумала его себе и полюбила: спокойным, сильным, добродушным и даже заботливым. Доля его заботы доставалась и Кире: он вечером всегда спрашивал, не хочет ли она «жрать», и предлагал помыться в бассейне, менее тёплом и более глубоком, чем бассейн в Девичнике, но Кире нравилось. Здесь всё ей нравилось. Уже одно то, что нет Доктора, делало в её глазах любое место истинным парадизом. В первые часы она всё не могла поверить, что какое-то время (хоть бы больше никогда!) не увидит его мерзкую рожу и не услышит его голос, не почувствует ударов его палки! А потом попыталась осознать и принять то, что видит предмет своего обожания каждый день, слышит его голос, получила право прикоснуться к нему, и даже ощущает его заботу... Это было так немного, но для Киры, три года пробывшей Паскудой, и это было, словно сон наяву. Полюбила Ареса она давно, но теперь и любовь её трансформировалась, превращаясь из идеальной в реальную, и девушка находила в этом источник новых сил жить и даже какого-никакого, но счастья.

Что мучило Киру каждую секунду – это «её девочки», оставшиеся без единственной поддержки, которую получали только от неё. Несколько дней Кира собиралась с духом, чтобы обратиться к Аресу, не смотря на риск такого поступка. Боялась она не побоев – видит Бог, ей это было не впервой, и ради «своих девочек» девушка готова была на любую муку. Чего именно боялась, Кира не смогла бы сама себе толком объяснить, а на самом деле – боялась она того, что её божество, испускавшее свет, который все три года грел её и помогал выжить,отреагирует так, что перестанет быть таковым, и этого краха Кира, если что, наверное, не пережила бы. Девушка боялась и за свою любовь, и за своего кумира тоже... И судьба, решившая, наверное, сжалиться над Кирой, избавила её от сомнений и риска, и помогла ей сама.

Арес, как и Гор когда-то, частенько отправлялся на собачьи бои, но феноменальными силой и скоростью Гора похвастать не мог, и нередко возвращался оттуда чуть живой. Так

получилось и в этот раз: пёс прокусил ему запястье и изодрал когтями живот и бёдра так, что Арес с трудом дополз до Приюта, оставляя повсюду кровавые следы.

– А где Доктор? – Янус помог ему добраться до лежанки и встал рядом в бесплодном сочувствии.

– Уехал Клизма... – Прохрипел Арес, зажимая кровоточащее запястье. – Нету суки...

– Я могу помочь! – Кира метнулась к нему, упав на колени у лежанки и вся дрожа от волнения. Янус замахнулся, чисто машинально даже:

– Ты чё, Чуха...

– Оставь! – Рывкнул Арес. – Она это... Клизме всегда помогала, она знает!

– Надо запястье перетянуть, вот тут, – Кира ловко перехватила запястье, и Арес уступил ей, морщась. Полосой ткани, оторванной от рубашки, она перетянула запястье, наложив тугую повязку.

– Надо в Девичник. – По-прежнему дрожа, сказала Кира. – Я знаю, где у Вонюч...

– Вонючка он, Вонючка! – Добродушно, не смотря на боль и слабость, усмехнулся Арес. – Янус, своди её, пусть это, возьмёт, что надо.

– И можно, – Кира рискнула взглянуть в лицо своему кумиру, быстро, успев увидеть, какого красивого, серого, но тёплого, как речной песок, цвета его большие глаза, – можно, я очень быстро посмотрю девочек?.. – Она задрожала сильнее, но иначе она просто не могла. – Я быстро, только взгляну... Может, им помощь нужна?..

– Можно. – Ответил Арес, и волна такой благодарности, такого восхищения и такого обожания затопила Киру! В этот миг она готова была, стоя на коленях, ноги ему целовать! – Только быстро, это!

В Девичник Кира готова была лететь – и летела бы, если б не боялась заблудиться в лабиринте темных путаных коридоров. Внутри она торопливо указала Янусу, что нужно взять, и, схватив снотворное, обезболивающее и мазь от ушибов, бросилась к «своим девочкам». Приласкала маленькую Клэр, баюкая её, как ребенка, и быстро обещая, что не бросит и всё равно будет приходить и помогать; смазала раны Марии и дала ей снотворное, приободрила и приласкала остальных девочек, называя каждую по имени и целуя, и побежала с Янусом обратно – Арес нуждался сейчас в ней больше.

Пока она обрабатывала его раны, Янус возмущённо поведал ему, что Паскуда, оказывается, нарушает все запреты и табу уже давно... И услышал в ответ:

– А тебе что, жалко? – Морщась, сказал Арес. – Молодец она, чё? Они хоть и Чухи, а живые тоже, и это... мы-то тоже нарушаем, потихоньку можно. Может, из-за неё они дольше проживут, тебе чё, жалко?

– Нет, но... – Янус смешался. А в самом деле, чего он?.. Янус был довольно бесцветным и не особенно волевым парнишкой, но не злым и не упёртым – это и помогло ему сблизиться с незлобивым Аресом. – Непорядок просто... Узнает кто...

– Ты не скажешь – не узнают. – Арес длинно вздохнул, прикрывая глаза: начало действовать болеутоляющее. Мазь приятно холодила раны, успокаивая боль и жжение. Паскуда зашила самые опасные порезы, действуя так, что Арес почти не чувствовал не только боли, но и особого дискомфорта – у девушки была изумительно лёгкая рука. Наложив пропитанную лекарством ткань, прошептала:

– Постарайся не двигаться и живот не напрягать, не говори громко, не шевелись... К утру станет легче, у нас всё быстро заживает.

– Ну чё... молодец ты, чё. – Вздохнул Арес. – Сиди тут, со мной.

– Да, я посижу. – Кира вновь рискнула быстро взглянуть ему в лицо, поражаясь его чеканной красоте. Нос, лоб, губы, подбородок – всё было вылеплено и очерчено словно бы рукой гениального мастера, безупречное, мужественное, сильное. Напряжение отпускало девушку, она расслаблялась, начиная осознать, что произошло, и полная такой благодарности, такой

любви! Как могла она бояться, как могла сомневаться в своём божестве?! Она переживала своё счастье остро, на грани боли, и сердце её едва вмещало его полноту. Бережно промокая Аресу пот чистой тканью, она иногда приподнимала компресс и заглядывала – не кровоточат ли царапины?.. – но всё было чисто. Арес лежал, закрыв глаза и глубоко дыша, привыкший к боли и почти не замечающий её. Кира понятия пока об этом не имела, а он сквозь опущенные ресницы рассматривал её, и отмечал, что девушка очень красива. Он привык, что она вечно с пузом, где-то в сторонке, стоит, опустив голову, не воспринимал её – а она была как раз такая, как он любил: с белыми волосами, заплетёнными в косу и свёрнутыми в тяжёлый моток на затылке, с точёным носиком и пухлыми губами. Глаза, на миг взглянувшие в его глаза, были удивительные: почти чёрные, блестящие, и что-то в них было такое, что пронзило Ареса насквозь, словно молния. Приют заснул, сгустились сумерки, упала ночь, а Арес всё не мог уснуть, частью от боли, а частью от непонятного волнения, скорее приятного, чем нет. Он не видел девушку, но слышал её лёгкое дыхание и понимал, что она не спит – караулит его, готовая помочь, убрать пот, унять кровь. Это было... приятно.

– Слышь... это... – прошептал он, и Кира дрогнула, ближе склонилась к нему – Арес ощутил её запах, какой-то травно-цветочный, словно увядающее сено. – Тебя как звать? Паскудой это... стрёмно звать-то тебя.

– Кира. – После паузы чуть слышно выдохнула девушка.

– А я Ларс... Надо ж, забыл уже почти! Ты это... не говори никому, поняла? И при всех не давай вида там, что мы с тобой того... общаемся. Поняла?

– да.

– А ты красивая. Я привык, что ты с пузом вечно, а у тебя попка складненькая такая, и сисечки смачные... Распусти волосы, а?..

Девушка послушно распустила косу, и она рассыпалась по плечам волнистыми прядями. Арес здоровой ладонью погладил эти пряди, любовно пропустил их между пальцами:

– Люблю, когда у Чухи волосы светлые и такие, знаешь... волнистые. Как у тебя. И это... обнимашки люблю. Ты любишь?

– Не знаю.

– Ну, ясен пень! – Горько усмехнулся Арес. – Мы тут как эти... тык-тык – сколько хочешь, но не дай боже погладить, а я люблю всё такое. – Он привлёк девушку к себе, и она с наслаждением прижалась к его боку, боясь дышать от счастья. – Ты при всех не подавай виду, – повторил он, – а наедине мы это, по-своему будем делать, да?..

Алиса с утра страшно переживала и готовила всё свое мужество, чтобы обратиться к герцогу со своей просьбой, которая, она знала, ему очень не понравится. Ей показалось неправильным воспользоваться Гэбриэлом и его чувством к ней, особое чувство такта требовало от неё избегать интриг. Поэтому она дождалась прихода братьев и спела для них новую балладу про девушку, превращённую в птицу и сопровождающую повсюду своего возлюбленного, который не догадывался, что она рядом. Лишь в краткий миг, в свете полной луны, девушка могла превратиться в человека и сидела у его постели, пока он спал, целуя его и слыша, как во сне он произносит её имя. Баллада была такая красивая, печальная, пронзительная, что даже Габи едва не прослезилась и тут же рассердилась на себя за это. Кончилось всё тем, что молодой человек выпустил своего ястреба, который схватил птицу – и к ногам его хозяина упала его возлюбленная. Растрогался даже Лучиано, что уж говорить о придворных дамах! Каждая вторая, не скрываясь, прикладывала платочек к глазам.

– Вы сами себя превзошли, дама Алиса! – Улыбнулся ей Гарет. – Это самая прекрасная баллада на нордском, которую я когда-либо слышал. Что скажете, господин Терновник?

– Мало найдётся эльфийских баллад, которые могли бы сравниться с этой по красоте и чувству. – Произнёс эльф, и Алиса порозовела от удовольствия и гордости. И когда Гарет спросил, нет ли у неё каких просьб или желаний, она ответила:

– Есть, милорд! – И Гэбриэл дрогнул, но Гарет движением руки осадил его:

– Так говорите же, дама Алиса. От такой прекрасной госпожи я готов выслушать что угодно, и что угодно исполнить.

– Ловлю вас на слове, милорд! – У Гэбриэла сжалось сердце: Алиса выглядела очень-очень храброй, а это значило, что она ужасно волнуется и даже боится. Даже досадно стало: почему она к нему-то сначала не обратилась?! Неужто он ей бы не помог?!

– Я прошу вас за Альберта Ван Хармена. – Теперь Алиса чуть побледнела, потому, что лицо Гарета мгновенно стало суровым, глаза превратились в синий лёд. – Он хороший и честный человек, и я...

– Этот честный человек предал нас.

– Я в это не верю! – Алиса прижала к груди кулачки с переплетёнными пальчиками – жест, сокрушающий дух Гэбриэла и лишаящий его воли. – Это какое-то недоразумение, я уверена в этом!

– Никто в замке и в этом зале, – Гарет обвёл рукой придворных Девичьей башни, и многие согласно закивали, – не разделяет вашей уверенности и не готов поручиться за этого человека. Я сам в нём не раз сомневался...

– Я готов за него поручиться! – Перебил его Гэбриэл, и Гарет чуть поморщился, не очень хорошо подумав при этом про Алису. Она поняла: покраснела, глаза вспыхнули, она гордо вскинула голову, маленькая, но полная такого достоинства, что не уступила бы любой высокой и статной королеве:

– Я бы не хотела, милорд, жених мой, злоупотреблять вашей добротой и любовью, которую безгранично ценю и за которую очень благодарна. Я сама готова поручиться за господина Ван Хармена и разделить с ним все последствия, если ошиблась.

– Вы отдаёте себе отчёт, дама Алиса, – устало спросил Гарет, страшно недовольный тем, как разворачиваются события, – что делаете и чем рискуете?

– Да. – Просто ответила Алиса. – Но никакого риска нет, милорд. Я верю этому человеку, он не преступник.

– Вы храбрая девушка, дама Алиса. – После небольшой паузы, сказал Гарет, и толпа придворных, среди которых поднялся лёгкий гул, притихла. – Я восхищаюсь вашей храбростью и готовностью защищать своих друзей, что бы ни произошло. Обещаю: я дам Ван Хармену шанс объясниться, и если он сможет развеять мои подозрения – а это, учитывая все обстоятельства, весьма непросто, – я не только помилюю его, но и верну ему должность и состояние.

– А твоя Алиса – молодец. – Заметил Гарет, когда они покинули Девичью башню и шли по галерее. Гэбриэл, который мрачно думал прямо противоположное, встрепенулся:

– Разве?! Ей следовало сказать всё мне, и я бы...

– Вот именно: – хмыкнул Гарет, – и «ты бы». Ты бы бросился ко мне, я сказал бы, что говорить не о чём, мы бы поцапались, я бы стоял на своём, ты тоже, и тайком учудил бы чудь какую-нибудь: побег бы ему устроил, или ещё что. Я не прав?.. Уступить ведь, коли Рыжик попросила, ты не в состоянии даже мне!

– И даже отцу. – Согласился Гэбриэл, задним числом понимая, насколько брат прав.

– Эта девушка даже не золото: она алмаз чистой воды, и поступила идеально. Девятьсот девяносто девять человек из тысячи поступили бы так, как ты сейчас сказал, и только она выбрала вариант единственно верный, не подставив никого.

– И я бы прислушался к её словам. – Заметил молчаливый Терновник. – Она лавви, а лавви не ошибаются в людях. Добро и зло они чувствуют сердцем.

– А ведь верно: она лавви. – Кусая губы, сказал Гарет.

– Так что: мы к нему?! – Подорвался Гэбриэл, и Гарет сморщился:

– Не сейчас.

– Нет, сейчас! Он в тюрьме и не знает, что с ним будет, для него каждая минута – пытка!

Если не хочешь, схожу я...

– Не хочу. – Согласился Гарет. – Я никогда не знал, как с ним говорить; не понимаю я его, честно! Вроде, правильный, вроде, идеальный, но... не то что-то с ним, всё равно: не то! Ну, иди, сходи к нему, но прежде, чем обещать ему что, или решение принимать, ко мне и всё рассказать!

– А может, господин Терновник...

– Нет. – Отрезал эльф. – Без крайней нужды засорять свою память я не стану.

– Но это крайняя нужда!

– Крайняя нужда дайкина? – Приподнял бровь эльф, став вдруг так похож на Гарета, что Гэбриэл даже моргнул, сгоняя наваждение. – Что мне в ней?.. Я бы доверился лавви, но и поговорить не мешает. Эту проблему вы способны решить и без моей помощи.

Войдя в тюремную камеру, Гэбриэл поразился двум вещам: что камера вовсе не походила на таковую, была чистой, опрятной, только что с крохотным решётчатым окошком, но в ней были кровать, два стула, стол и даже ковёр, а ведро для естественных нужд пряталось за кроватью; и тому, что Альберт ничуть не утратил идеальности, только глаза чуть покраснели и глядели устало и обречённо, да воротник белейшей рубашки, больше не накрахмаленный, повис. Гэбриэлу он поклонился по-прежнему:

– Ваше высочество.

– А нормальненько тут у тебя. – Гэбриэл ногой подцепил стул, уселся и кивнул Альберту:

– Садись, садись, приказываю.

– Да, со стен вода не течёт и крысы в соломе не шелестят. – Как-то вымученно усмехнулся Ван Хармен, садясь на краешек стула и держась прямо и принужденно. Все-таки ломать привычку трудно, и сидеть в обществе принца крови ему было некомфортно.

– Крысы в соломе? – Чуть прищурился Гэбриэл. – И такое бывает, да. Я поговорить пришёл. Кое-кто не верит в твою вину, а мы с братом верим этому кое-кому. Ну, и брат даёт тебе шанс оправдаться.

– Я не могу. – С тоской произнёс Ван Хармен, опуская глаза.

– Ты подумай-ка сначала. – Нахмурился Гэбриэл. – Кое-кто поручился за тебя, а ты его подставляешь. Да я тебе за этого поручителя... нос сломаю!

– Ваше высочество! – Волнуясь, Альберт вновь встал. – Клянусь всем, что для меня свято, я не замышлял ничего дурного ни против Хлорингов, ни против герцогства Элодисского! Я был и остаюсь верным вашим слугой! Но я преступен... кое в чём ином. – Голос его сел, он опустил глаза. – Так меня казнят, и так казнят, но – по-разному. И я предпочитаю казнь за измену.

– Насильник, что ли? – Изумился Гэбриэл. Самая позорная и противная казнь в герцогстве Элодисском ожидала именно за изнасилование девственницы, особенно малолетней: насильника топили в сортире.

– Милорд!!! – Возмущение Альберта было так искренне, что Гэбриэл ему поверил. Побарабанил пальцами по колену.

– Ну, говори тогда. Если ты не насильник, не убийца и не предатель, обещаю, дальше меня это не пойдёт. Я по-иному на жизнь смотрю, не так, как брат. Даже если ты содомит, мы и это решим, если ты не борзеешь и не калечишь никого.

– Я не могу. Я не причинил вреда ни одному живому существу, моё преступление – оно в ином... Вы будете презирать меня. Я... я этого не вынесу.

– Вон в чём дело! Такой идеальный, а? В краску меня столько раз вгонял, и вдруг боишься, что я злорадствовать буду?.. – Гэбриэл ухмыльнулся именно злорадно, от души. –

Ну, может, и подавлю лыбу, возьму реванш – всё лучше казни. Но никому ничего не скажу – обещаю.

– Вы необыкновенный человек, ваше высочество. – Помолчав, признался Ван Хармен. – Я никогда не видел таких, как вы. Даже принц Элодисский, которым я восхищаюсь и которого боготворю, кое в чём уступает вам. Я признаюсь. И да поможет мне Бог! – Он набрал в грудь воздуха, прикрыл глаза, смертельно побледнел и отчеканил:

– Я не Ван Хармен.

Повисла пауза, тишину которой слегка разбавляла унылая муха, которая без огонька и пыла сонно бодала окно за решёткой. Гэбриэл приподнял бровь, совсем, как брат:

– И чё?.. Что, в смысле?

Альберт был бледен, как смерть, но стоял прямо, даже гордо. Повторил внятно:

– Я не Ван Хармен. Я никто. Я не дворянин и даже не законнорожденный; я бастард, я сын шлюхи. Мать родила меня в борделе, в Сандвикене, и я с пелёнок рос среди шлюх и сутенёров. Среди её клиентов был Альфред Ван Хармен, и мать часто хвастала, что мой отец – он. Может, так, а может, и нет, сами понимаете. Я присвоил себе имя знатного человека, и за это меня следует поставить к позорному столбу, где меня закидают дерьмом и тухлятиной, потом провезти по улицам верхом на свинье, затем бить плетью и повесить.

– За что? – Не понял Гэбриэл. – За имя?..

– Таков закон.

– Я иначе на законы смотрю. – Повторил Гэбриэл. – Ты садись, надоело мне башку задирать. Я понял кое-что, теперь до конца хочу понять. – Он чуть наклонился вперёд, пока Альберт, бледный, взволнованный до легкой дрожи в руках, вновь усаживался на краешек стула. – Как ты из борделя-то в Хефлинуэлл попал?..

– Я прислуживал гостям в борделе. – Не поднимая глаз, сказал Альберт. – Я был... я с рождения умел хорошо держаться и был очень опрятным. Хозяин борделя начал заводить речь о том, чтобы мне заняться тем же, что и мать, мне было уже десять лет, и я был не дурён собой. Я очень боялся этого. Барону Мерфи, посетившему наш бордель, понравилось, как я прислуживаю ему, он даже сказал, что его собственные пажи так не умеют... И я взмолился, чтобы он забрал меня. Он оказался хорошим человеком и выкупил меня у хозяина за пол дуката. Я стал пажом в его замке. Он никому не говорил, где меня взял; по случайному совпадению, до меня дошёл слух, что Альфред Ван Хармен умер, не оставив наследников и родни, его титул присвоили какому-то очень дальнему родственнику где-то на севере Далвегана. И я назвался его именем. Другие пажи думали, что я в самом деле из бедного дворянского дома. Я учился, много читал; я хотел забыть бордель как можно скорее и вырваться из него душой так, как сделал это телом. И я сумел! – Он вскинул голову, и Гэбриэл наконец-то увидел перед собой не идеал человека, а человека, и это человек ему понравился. – Что бы кто ни говорил, а я горжусь тем, чем стал, не смотря на своё происхождение! Я горжусь тем, что у меня не было ничего, кроме ума, гордости и воли, ничего, что помогает другим добиться успеха! Я горжусь тем, что не поддался судьбе и не стал тем, на что меня обрекали мое происхождение и условия жизни! Барон Мерфи умер, и меня уже никто не мог разоблачить. Из пажей я поднялся до герольда, и в таком качестве попал сюда в свите дамы Вильгельмины Мерфи. Здесь я так же стал герольдом. И можете судить меня, ваше высочество, но я скажу. Да, я совершил преступление. Но я не мог, понимаете? – не мог иначе. Мой ум, мои способности законом были заперты во мне без всякой надежды на что-то лучшее! Но я не просто хотел лучшей доли – моя доля и так была не дурна! Я хотел работать, хотел, чтобы мои способности, мой ум приносили пользу, чтобы они не пропали даром! И даже вы не можете не признать, что я был на своём месте и исполнял свои обязанности идеально!

Гэбриэл откинулся назад, задумчиво глядя на него. Альберт продолжил:

– Я не удержался, и некоторое время назад поинтересовался судьбой своей матери. И узнал, что она больна сифилисом, спилась, её вышвырнули из борделя, и она побирается в доках. Я забрал её сюда, не открывая своего имени, купил ей дом через подставных лиц, она живёт в Гранствилле... За ней присматривают, её лечат. Я порой проводываю её. Она не знает, кто я. Никто не знает... Я так думал.

– Кто-то всё же узнал. – Констатировал Гэбриэл задумчиво. Альберт кивнул:

– Да. Марк Хант, сутенёр, который прикидывается богатым купцом, обратился ко мне и сказал, что всё знает. Я не знаю, откуда, но он действительно знает. Он и свёл меня с Гакстом. Они шантажировали меня.

– И на что ты подписался?

– Я. – Отчеканил Альберт, гордо вскинув голову. – Ни на что. Не. Подписался. Я бастард, я сын шлюхи, но у меня есть и достоинство, и честь! Пусть люди и закон считают меня преступником, но я ЗНАЮ, КТО Я! И никакому грязному шантажисту не утащить меня на дно!..

– И ты согласился на то, чтобы они тебя разоблачили? Не верю. Какой ты есть, ты бы лучше умер.

– И я хотел... я хочу умереть. – Помолчав, признался Альберт. – Я, по сути, умер в тот миг, как Марк обратился ко мне и сказал, что всё знает. Но в последний момент я подумал, что вместо меня они найдут кого-то другого, и этот кто-то не будет столь щепетилен, как я. Признаться вам я не мог... Но и просто так оставить всё судьбе и, возможно, погубить кого-то из вас, или, не дай Бог, его высочество, я тоже не мог. Сначала я хотел написать прощальное письмо прежде, чем выпить яд, который купил в Гранствилле. Но побоялся, что, во-первых, мне просто могут не поверить, во-вторых, сведения у меня самые расплывчатые. Я понял так, что в Хефлинуэлле есть кто-то... какой-то человек, который предал вас и шпионит для кого-то из ваших врагов. Этот человек должен, когда придёт час, обратиться ко мне и дать мне приказ, который я должен буду беспрекословно выполнить, пользуясь вашим доверием ко мне. Слишком неопределённо. Я пока не знаю, ни кто этот человек, ни чего он хочет, ни кто за ним стоит. Я подумал: притворюсь, что согласен, всё выясню, разоблачу его, и покончу с собой. Это будет... достойный финал, красивая смерть.

– М-да-а... – Протянул Гэбриэл, и Альберт, краснея, опустил глаза. – Брат ни за что не поверит. Я, дурачок деревенский, и то как-то... Ну, допустим. Рановато мы Гакста завалили, да. В ярости были оба, не подумали, что надо всё вытрясти из него сначала-то. Ладно. – Гэбриэл встал и прошёлся по камере. – Я тебе поверил и как бы даже зауважал. Плевать я хотел, кто там мать твоя и где ты рос, поверь, это – не важно. Я даже брату не скажу, скажу, что ты мне всё рассказал и что я поклялся не говорить, он поймёт. – Он остановился и посмотрел Альберту прямо в глаза. – Но если окажется, что весь этот пафос твой – обман... то я тебе такое устрою, что ты сам закричишь: «Где там моя свинья, я на виселицу хочу!». Понял меня?

– Спасибо вам, ваше высочество. – Тихо произнёс Альберт, вновь становясь тошно-творно-идеальным, но сильно порадовав тем Гэбриэла, который боялся, что начав благодарить и клясться, типа, «он, да никогда, да ни за что!», Альберт только испортит всё впечатление.

Гарет ожидаемо усомнился во многом, но, к удивлению Гэбриэла, принял версию Альберта быстрее, чем думал его брат.

– Дурь такая, что может, и правда. – Пожал он плечом. – Детство какое-то... так чем там его шантажируют-то?

– Я клятву дал молчать. Ничего там такого нет, что нам бы угрожало, и вообще кому-то, кроме него самого.

– Содомия, поди? – Подмигнул брату Гарет. – Ты их жалеешь, знаю я тебя... Да и хрен с ним. Главное, чтобы пажей и псарёнок не шупал. – Ему приятно было найти в непогрешимом Альберте гнильцу – слишком уж его идеальность раздражала. Настроение, рухнувшее после обращения к нему Алисы, поднялось вновь.

– Ладно. – Повторил он. – Помилую его, как бы... И оставлю в Рыцарской Башне. Думаю, если мы его выгоним прочь, он всякую ценность для нашего Сокола потеряет; он потому и нужен, что близок ко мне, к тебе и отцу. Ты, да наша феечка, вместе вы меня убедили. Ну, почти. Может, и вправду, поймаем Сокола нашего благодаря Альберту?.. Я ему тогда семь грехов прощу. Официально обставим так: дама Алиса Манфред умолила нас и взяла Альберта на поруки. Это и престиж её повысит, и уважать заставит. Пошли, Младший, пообедаем, и сходим к Алисе. Небо заложило так, что ни клочка голубого не видно... Дождь зарядит дня на два, самое малое.

– И уже в который раз ты удивляешь меня, Ангел. – Признал Дрэд, когда Лодо предстал перед ним в образе Лауры. – Не знай я, что это ты, и решил бы, что передо мной женщина... И такая пикантная! И ни грамма грима, да, да... Изумительно!

– Это моё ремесло. – Напомнил Лодо.

– Ремесло, да, да... Ну, так что же? Порадуй меня, мой вестник.

– Я был в Садах Мечты. Все слухи верны и даже хуже того. Это место разврата и самых ужасающих грехов и преступлений. Все самые известные преступники и грешники прошлого и настоящего – дети по сравнению с теми, кто посещает это место. Я, ассасин, почувствовал себя там праведником.

– Замечательно... – пробормотал Дрэд, соединяя вместе кончики пальцев. – Знати там много?

– Они практически все – знать, сеньор. Почти все фамилии Юго-востока, кое-кто из Междуречья. Из самых значительных – графы Кемский и Сандвикенский, старший Бергстрем, епископ Скоггланд, маршал Кюрман, епископ Керн.

– Замечательно! – Дрэд прикрыл глаза. – А Далвеганцы?

– Граф Кенка. – Выдержав паузу, сказал Лодо, и Дрэд широко распахнул глаза, в которых сверкнул огонёк торжества.

– Чем можно доказать их причастность к грехопадению?

– Татуировки и клейма в виде виньетки «СМ» в интимных местах. Ну, и то, что все они посещают в Найнпорте колдунью, знахарку и гадалку Барр, из дома которой есть потайной ход в Редстоун. С парадного входа в замок они благоразумно не показываются, но это не важно. Это можно будет доказать, сеньор.

– Замечательно! – Дрэд даже позволил себе довольную улыбку.

– Вы не спрашиваете о несчастных детях, которые служат там мясом для ужасающих преступлений, сеньор. – Прервал его приятные мысли Лодо.

– Детях? – Искренне удивился Дрэд. – Помилуй, Ангел, тебе ли быть сентиментальным?! И потом, какие дети?! Это эльфийские полукровки, они сами по себе грех и скверна... От них в своё время этот остров нужно будет зачистить особенно тщательно, ибо в них живёт семя греха и свободомыслия, которого не должно быть в кротких. Ты забыл, что есть цель Святого Официума?.. Наша цель – град божий, Небесный Иерусалим, Город Золотой, в котором не будет греха, зла и скверны. Для начала мы должны объединить все страны и народы под сенью Святого Престола, и прекратятся войны и склоки, ибо все станут единым народом, а не станет же нога воевать с рукой?.. И уже в этом новом мире мы будем старательно, как садовники в саду Господнем, выращивать свой вертоград, выкорчёвывая всё, что вредит посевам. Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное! А сон разума порождает чудовищ. Наша цель – истинная, благая и Божья, потому, что мы – против насилия, войн и горя, против зла и слуг Сатаны. Но враг наш коварен, Ангел, силен и безжалостен. И чтобы выстоять против него, должны мы отринуть слабость, жалость и даже сострадание. Ибо Враг будет использовать против нас прежде всего слабости и добродетели наши! Ему есть, что терять, и натиск его будет страшен. Все пороки, все слабости, все сомнения и заблуждения – идут ему на пользу, а

сомнения и заблуждения – свойство лишь просвещённого и ищущего ума. Господь сам называет свою паству овцами; кроткие, послушные, богобоязненные и верные, вот ради кого мы сами все в крови и грязи! Нам с тобой не видать Царствия Небесного, Ангел, но я готов на эту жертву ради тех, кто никогда не испачкается, для чистых, счастливых, мирных и светлых. А с нами лишь вера и твёрдость духа! Мне ли говорить тебе это? Я не знаю никого, кто был бы более твёрд в вере и служении Господу!

– Да, сеньор. – Чуть нагнул голову Лодо.

– Теперь слушай, что ты будешь делать дальше... – Дрэд подошёл к окну, собираясь с мыслями. Ассасину нужно было не только дать задание, но и обосновать его важность... Но оно того стоило! Лучше Лодовико дель Фьоре у него агентов не было.

Габи нашла себе отличную помощницу, хоть и нечистую на руку: нанимая для тайных свиданий Габи и Иво дом, Беатрис не удержалась и надула свою госпожу на три дуката. Отчитываясь, она страшно боялась, что её тут же разоблачат, и на всякий случай приготовила пути отступления, придумав довольно правдоподобную причину своей «забывчивости», но она не понадобилась: Габи даже не поинтересовалась, сколько что стоит. Для неё, принцессы крови, что три дуката, что тридцать, были материей презренной и неинтересной. И Беатрис, сообразив это, расстроилась, что продешевила... Но виду не подала. Дом она сняла, волею каких-то странных хитросплетений сразу нескольких судеб, на улице Полевой, почти соприкасающийся стеной с домом, который снял для Шторма Гакст. И окно комнаты, которую как раз сейчас убирали под любовное гнёздышко, выходило на окно единственной комнаты в пустом доме, где Шторм ночевал, когда приходил сюда. Между домами рос высокий пирамидальный тополь, но сквозь его ветви Шторму было прекрасно видно, что происходит по соседству: в комнате было светло. А вот его из того дома увидеть было невозможно: два других окна были закрыты жалюзи, и в его комнате всегда было полутемно. Когда он заметил, что в доме появились постояльцы, Шторм почувствовал недовольство: ему нравилось одиночество и уединение. Соседний дом был так близко, что он слышал голоса рабочих и уборщиков, наводивших порядок. Но против воли он заинтересовался: пустая и запущенная комната на его глазах преображалась, становилась красивой, уютной, даже роскошной. Ему стало интересно, кто там будет жить?.. Не то, чтобы Шторму хотелось общаться с соседями или интересовала их никчёмная жизнь. Но простых чувств, в том числе любопытства, и он был не лишён. Лил дождь, и он вынужденно проводил много времени в своём доме, где компанию ему составлял рыжий кот, наглец и обаяшка, который приходил, когда хотел, тёрся о ноги, басовито мурлыкал и игнорировал сдержанность и нелюдимость Шторма. И эльдар оттаял: неслыханное дело, но Шторм кота даже гладил порой! Кот был умница и не воровал продукты, предпочитал вымогать всё необходимое, корча сиротинушку, умирающего от голода. Жалобное исчезающее мяуканье, которое он изобрёл издавать своей наглой широченной мордой, вызывало у Шторма усмешку и – тем не менее! – очередную порцию вкусняшек. Сидя у окна и бездумно почёсывая кота за ушком, или поглаживая его подбородок, Шторм смотрел на соседский дом, ожидая постояльцев... И был поражён, в один прекрасный день увидев, как в комнату вошёл Эрот.

Привстал, не веря своим глазам. Нет, это совершенно точно был Эрот! Ну, или как его теперь звали, Иво. Шикарно одетый, сопровождаемый служанкой, он вошёл в комнату, огляделся, взял со стола какое-то лакомство и, подойдя к окну, стал смотреть на тополь и что-то есть. Служанка что-то сказала – Шторм слышал звук её голоса, приторный, заискивающий, но сквозь шум дождя слов было не различить, – и, улыбнувшись призывно на прощанье, вышла. Шторм даже дышать перестал. Видит его Эрот, или нет?.. Кот недовольно мякнул и спрыгнул с его коленей, но Шторм этого даже не заметил. Ноздри его раздувались, сердце билось. Какой удобный случай, чтобы убить предателя и выполнить волю Хозяина! Это судьба, сама судьба,

не иначе! Шторм оглянулся, чтобы проверить, где лежит его арбалет. Главное – понять, видит что-то Иво, или нет?..

И тут Иво заулыбался и повернулся. Шторм уже готов был взять арбалет, но задержался, чтобы увидеть, кто вошёл...

И сердце его ухнуло в пропасть: он узнал девушку, которая вошла в комнату. Она была в маске, скрывающей лицо до самых губ, но Шторм узнал её не глазами, а кровью, мгновенно вскипевшей, бросившейся к лицу и в чресла, заставившей огнём запылать щёки и всё остальное; телом, ставшим, словно чужое, переполненным чем-то неведомым, страшным, сладким, мучительным и отвратительным. Дыханием, ставшим тяжёлым и шумным. Ему даже показалось, что он чувствует запах розового масла, перемешанного с запахами дождя и мокрой земли. Это была девчонка Хлоринг, как её – Габриэлла?.. Шторм слышал её голос, опять же, без слов, только интонации, от которых по предателю-телу побежали мурашки. Иво подошёл, прикоснулся к ней, и Шторма всего пронзила острая, болезненная игла, он едва не вскрикнул от ярости.

То, что происходило дальше, Шторма перевернуло, оглушило, потрясло и почти уничтожило. Иво и Габи занялись сексом, и ничего подобного Шторм, выкормыш Садов Мечты, до сих пор не видел и ни о чём таком даже не подозревал! Он слышал стоны и крики Габи и Эрота, видел её тело, узкое, гибкое, белое, как молоко, с маленькими грудями и длинными ногами, которые обвивали пояс Эрота над ритмично работающими ягодицами, видел её чёрные пышные длинные волосы, рассыпавшиеся роскошными прядями, её руки и пальцы, ногти, впивающиеся в спину Эрота, и при взгляде на эти ногти у него у самого в этих местах всё немело и запускало новые и новые стаи мурашек. Ненависть, страсть, дичайшее желание, ревность, страх, возмущение – всё сплелось в нём, дико страстном от природы, в такое, что даже не поддавалось никакому определению. А они, словно издеваясь, одним – двумя разами не отграничились, нет! Всё это продолжалось больше часа, в течении которого они занимались сексом, перекусывали, смеялись, бесстыдно обнажённые, устраивали шуточную борьбу с последующим горячим сексом, и в постели, и на подоконнике, и на столе, и стоя, и во всех иных мыслимых и немыслимых местах и позах. Шторм пытался каким-то краем своего сознания заставить себя отойти, не смотреть, но что толку, если он их слышал?! За этот час он был выжат, высушен и разобран на атомы, после чего собран заново и оставлен в отчаянии, даже в бешенстве, измученным, потрясённым и дико злым. Он теперь ещё сильнее хотел убить Иво, хотя убить, сильно, хотел – всё это были слишком слабые и бессильные слова для того, что кипело в нём с яростью раскалённой лавы. Но Габи он хотел убить даже сильнее, хоть это и могло показаться нереальным – куда уж сильнее?.. Но при мысли об этой бесстыдной девке, об этой твари, о её белых длинных ногах над мужскими ягодицами, о её столах, в нём творилось и вовсе что-то невообразимое. Спрятав в голенище сапога кинжал, он скользнул вниз, чтобы посмотреть, как будут покидать свою обитель греха его враги, и увидел, что Иво – Эрот вышел с парадного входа и отправился под дождём в сторону Старого Города, а Габи выскользнула из задней двери и поспешила по тропинке, ведущей к пролому в стене, скрытому зарослями бузины, лопуха и крапивы, и выводящему на задний двор двух домов на улице Вязов. В этих зарослях Шторм и затаился, опережая Габи, сжимая рукоять кинжала и предвкушая, как будет резать и кромсать это прекрасное ненавистное тело.

От неё напахнуло розовым маслом и сексом, так сильно, что Шторм едва не задохнулся, вновь испытав дичайшее желание. Она была близко от него, так близко, что он видел сдвоенную родинку на её ключицах, слегка влажных после бурно проведённого времени, или от дождя, поливавшего её, Шторма, заросли... Ему казалось, что от неё пышет жаром, как от очага, жаром и страстью, неприкрытой, животной, безрассудной. И Шторм не смог даже шевельнуться, не то, что наброситься на неё.

Габи тоже его почуяла – приостановилась, скользнула взглядом по кустам, в глазах, сверкавших голубизной сквозь прорези маски, мелькнула тревога.

– Кто здесь, Иво, ты? – Спросила она. Шторм перестал дышать. Миг – и он бросился бы на неё, а там невесть, что произошло бы: убил ли он её, или изнасиловал, он и сам не знал, оба желания были в нём одинаково яростно сильны. Но Габи вдруг испугалась чего-то, и бросилась прочь, подхватив юбку.

– Представляешь?! – Говорила она Беатрис, которая прикрывала её, объясняя слугам и сопровождающим дамам, что госпожа прилегла для послеобеденного сна, – кто-то был в кустах... Я слышала, как он дышит, бурно так! Я спросила, кто здесь, и он дышать перестал... тихо, жутко так стало! Я и побежала, и теперь до сих пор отдышаться не могу, во рту пересохло...

– Выпейте, госпожа! – Угодливо метнулась Беатрис. – Наверное, Иво захотел над вами пошутить!

– да, я тоже так подумала... – Габи выпила яблочный сок, перевела дух. – Ну, получит он от меня в следующий раз!!!

Шторм уйти от дома, где находилась Габи, так и не смог. Он стоял в кустах, под дождём, мокрый, потрясённый, и смотрел на этот дом, и сама мысль о том, что там, внутри, Габи, продолжала мучить и возбуждать его. Дождь утихать не хотел, превращая тропинки в ручьи, переполнив дождевые бочки у кухонных дверей, загнав всех горожан в дома. Даже непоседливые дети оставались в доме, превращая его в арену для игр и вредительства. Дворовые собаки уныло сидели в будках, куры – на своих насестах. Габи со своим кортежем так же застряла на улице Вязов. И только Шторм мок под дождём, карауля – он и сам не знал, с какой целью, – этот дом, или Габи в нём, кто знает?.. В этой точке Гранствилла неожиданно, и пока неведомо для всех, пересеклись линии судеб многих людей, и даже целых герцогств, целого королевства. Никто из заинтересованных лиц никогда так этого и не узнал, но начало всем неудачам, удачам, провалам и триумфам было положено именно здесь и именно сейчас, а не в головах интриганов и политиков. Все хитроумные планы и расчёты оказались повязаны на страсти, безрассудстве, глупости и испорченности Габи и страсти тех, кого она сводила с ума.

– Это не сглаз и не порча. – Сказал Иосифу врач, молодой еврей, моя руки в серебряном тазу. – Это сердечная хворь, девочка больна.

– Это лечится? – Спросил Иосиф.

– Нет. – Ответил врач, выпрямившись и вытирая руки. – Она скоро умрёт.

– Когда?

– Одному Богу известно. Может, прямо сейчас, может, через месяц, или полгода. Даже если бы она жила в лучших условиях, хорошо питалась, она не прожила бы долго.

– Лечение поможет?

– Не особенно. Нет, конечно, если начать лечить, не волновать и не пугать её, она, вероятно, проживёт чуть дольше. Или нет. Но я бы не рассчитывал на это. Слишком поздно.

– А это заразно?

– Совершенно точно нет. Христиане, – врач чуть усмехнулся, – считают эту хворь грудной жабой. Якобы, девочка выпила вместе с водой головастика, и тот, выросши в её груди, теперь душит её. Полнейшая чушь... Но суть передана верно.

– Благодарю. – Иосиф отдал врачу оговоренную плату. Подошёл к двери в комнату, где оставил девочку, собираясь с духом... Вошёл. Люси сидела на подоконнике с ногами, и, тихо-нечко напевая что-то своё, слегка покачивалась и улыбалась, глядя наружу. Странно, невероятное существо... Иосиф вдруг подумал, что её якобы помешательство – это защита, инстинктивное стремление выжить. Она отгородилась от мира, создала себе свой, собственный мир, в

котором она принцесса и живёт в замке... И просто не видит окружающего ужаса. И хорошо, что не видит.

– Это дворец? – Спросила вдруг Люси, и Иосиф даже вздрогнул – ему казалось, что она полностью погружена в себя, и не видит его.

– Ещё нет... Ваше высочество. – Серьёзно ответил он. – Скоро мы отправимся туда, обещаю.

Он снял виллу за городом, настолько роскошную, насколько это было возможно на деньги Гэбриэла, и вскоре действительно отвёз Люси туда. Девочка по-прежнему была слабенькой и медлительной, но ничего не предвещало, как казалось Иосифу, её близкой кончины. Она не жаловалась, не проявляла того, что страдает от боли, у неё не были серыми губы, как у многих, кто страдал от сердца. Может, – думал Иосиф, – молодой врач ошибся, и это всё же что-то другое? Может, действительно, хорошенькую девочку кто-то сглазил?.. Нанятые им слуги кланялись Люси, называя её «ваше высочество», её обрядили в богатое платье, и девочка несколько минут не могла отвести от себя глаз, крутясь перед зеркалом. Глаза её сияли, щеки порозовели. Потрясённая и очарованная, она бродила по богато обставленным комнатам, а потом и по маленькому, но очаровательному саду, и казалась такой счастливой, что Иосиф почти поверил, что, вопреки всем прогнозам врача, с нею всё будет хорошо. Он ушёл, чтобы отдать все распоряжения слугам, а Люси прилегла отдохнуть... И уже не проснулась.

– Она умерла счастливой. – Утешая Иосифа, произнесла служанка.

– Да. Разумеется. – Холодно бросил он. Откинувшись в паланкине, который вез его домой, Иосиф плакал и смеялся над своими слезами, и ругал себя за сентиментальность, и всё равно оплакивал маленькую странную девочку, которую нельзя было спасти.

Глава вторая: Ссора

До помолвки оставалось всего ничего. Должны были приехать кардинал, нидерландский посол с супругой, принц-консорт Фридрих, все дворяне Поймы и Элодисского леса, и к их приезду замок готовили даже тщательнее, чем к торжеству в честь возвращения Гэбриэла. Фридрих должен был привезти подарки от Изабеллы и подписанные ею документы о новом статусе Алисы Манфред; пока что невесту Гэбриэла официально «её сиятельством графиней Июсской» именовать было нельзя, и платья Алиса носила пока со шлейфом положенной скромной длины, но к помолвке уже шили графское, с длинным шлейфом и графскими гербами. Герольды Хефлинуэлла из герба графов Июсских, несколько лет назад прекративших своё существование в лице дряхлого деда, помнившего последние крестовые походы и крах тамплиеров, и пережившего всех своих наследников, и где-то откопанного ими герба Трёхозёрок сотворили новый герб графини Июсской: графская корона, мартлет и три серебряные раковины на голубом поле, так как какой-то Манфред триста лет назад брал Иерусалим в числе других крестоносцев. Девушки так бурно обсуждали эти новости, что Габи сделалась совершенно невыносима, и Алиса, а с нею и её лучшие подруги: Аврора, Юна и Мина, – предпочли вообще не показываться в её приёмной и проводили время в покоях Алисы и в саду марокканского коттеджа, где работы по очистке территории и реставрации фасада были завершены, и теперь коттедж и прилегающую к Рыцарской башню отделывали изнутри. В саду было просторно, хорошо и уютно; правда, последние дни не переставая шёл дождь, и девушки вынуждены были оставаться в комнатах Алисы, мечтая о том времени, когда она переберётся к себе, и у них будет куда больше места и уединения. Их товарки из свиты Габи в покое их не оставляли: по коридорам мимо комнат Алисы то и дело сновали служанки, под окнами – тоже; Габи и Беатрис хотели знать, что делает будущая графиня и соперница, что говорит, кто её посещает?.. Посетителей было хоть отбавляй: к помолвке будущей графине шили несколько нарядов, новую обувь, шляпки, и всё, что требовалось знатной даме, невесте принца крови. Даже отороченный мехом голубой норки, запрещенной в Нордланде для тех, кто имел титул ниже графского, плащ. Алиса, на удивление самой себе, очень легко приняла перемену и свой новый статус. Чем дальше, тем больше ей нравилось здесь. Девушка больше не переживала по поводу того, что кто-то здесь её не любит, что Габи относится к ней всё хуже, и что о ней сплетничают больше, чем о братьях. Алиса освоилась, и почувствовала себя, как рыба в воде. Она любила и Гарета, и, особенно, его высочество, и для неё главным было то, что её любит Гэбриэл и его отец и брат, что у неё есть чудесные подруги и даже друзья: Иво, Марчелло и Альберт Ван Хармен. А сплетни... Да Бог с ними! Она была самоуверенной, пылкой, дерзкой, отважной и живой девушкой, и эти качества, прежде подавляемые жизнью в изоляции, под гнётом авторитарных воспитательниц, теперь стремительно расцветали в ней, поощряемые обожанием Гэбриэла и любовью его отца, брата и подруг. Для Гэбриэла она была совершенством, неким существом из каких-то высших сфер, и постепенно начала сама себя такой и ощущать. Но, в отличие от Габи, она была так очаровательна в своем самолюбовании, в ней была доля здорового юмора, с которой она могла посмеяться над собой, и так была при этом мила, что её прощали все, даже подруги, которые, все трое, по-своему полюбили её. А Алиса в ответ любила их, и всех, кто окружал её и любил, одаривала тем, чем в избытке владели лавви Нордланда: здоровьем, ощущением тепла, спокойствия и счастья. В Садах Мечты её сил едва-едва хватало на то, чтобы соткать для двоих крохотный золотой фонарик; здесь же, среди близких и любящих её людей, среди садов, ухоженных полей и вблизи огромного девственного леса, она постепенно окутывала своим золотым плетением весь замок и дальше, всю округу. Это происходило естественно и незаметно, даже для самой Алисы; просто этой весной вдруг все стало расти быстрее, цвести пышнее, животные не болели, приплод был здоровый и не погибал, и люди

сделались как-то бодрее и веселее. Даже неизбежные беды, потери и неудачи воспринимались как-то бодрее и оптимистичнее. Легче было найти утешение, проще успокоиться. И конечно же, заметив это, судили о происходящем кто как. Оптимисты утверждали, что это эльфийская магия: лесная королева радуется возвращению правнука и благословила место, где он живёт. Пессимисты утверждали, что так всегда бывает перед большой бедой – войной, например, – и советовали слишком не радоваться и готовиться. Принц Элодисский объяснил это тем, что защитник дамы Манфред, Натаниэл Грэй, только что вернулся из Палестины и привёз святой земли прямо с Голгофы, с того места, где пролилась кровь Спасителя. Эта земля сотворила чудеса в таверне «Золотой дракон» близ Блумсберри, и продолжает творить чудеса и здесь, после того, как горсткой этой земли, подаренной принцу Нэшем, удобрили сад его высочества. Каноник Кейр, временно замещающий епископа и выполняющий его обязанности, не раз уже поднимал эту тему в своих проповедях, стараясь донести до своей паствы, сколь велика сила веры и как щедро одаряет Господь верных. Люди верили. Ну, многие.

Дождь лил и лил. И игра Авроры на арфе у раскрытого окна так органично, а главное, красиво вплеталась в его мелодию! Юна лежала на полу, сунув под живот подушку, и листала, уже в который раз, засмотренный до дыр альбом, привезённый Гаретом из Европы. Алиса сидела рядом и вместе с нею комментировала бургундских модниц, в основном обсуждая, что уже готово из её новых туалетов, а что нет, и что будет не совсем так, как на рисунках, и насколько это лучше, или хуже. Мина вышивала для Алисы незабудки на маленькой подушечке, и время от времени вставляла своё словечко в их разговор. Время после трёх часов пополудни по обычаю было свободным: с утра девушки, согласно правилам своего времени и своего сословия, были заняты рукоделием, посещением церкви, а кто и домашним хозяйством. Где-то около четырёх в Девичью Башню теперь приходили братья, и Гарет Хлоринг одним своим присутствием оживлял этот мирок, благодаря Габи не особенно весёлый, зато ядовитый, склочный, вечно сплетничающий, вечно плетущий интриги и занятый по большей части азартной травлей какой-нибудь не угодившей Габи жертвы. Сама Габи совершенно не умела искренне, от души, веселиться. С чувством юмора у неё было вообще никак, и самые невинные шутки она встречала в штыки. Но субординацию она знала, и когда появлялся герцог, даже Габи не смела перечить ему публично. Да и нравилось ей, как оживлялся её мирок с появлением блестящего герцога! Как вдруг становилось легко, весело, шумно, как все оживлялись, даже мужчины, сколько было смеха! Гарет обязательно придумывал какое-то развлечение, тормозил всех, порой дразнил, но даже это у него получалось так блестяще и легко, что на него почти никогда никто не обижался.

Сегодня, когда Габи со свитой из-за дождя задержалась в Гранствилле, девушки долго решали, идти им в главный зал, к другим дамам, или всё-таки остаться здесь. На втором варианте особенно настаивала Мина, которая так была озабочена, как бы кто не заподозрил, что она «бегает» за герцогом, что активно старалась показать при любом удобном случае, что он ну ни капельки её не интересуется, и она не горит желанием встречаться с ним чаще положенного. Да вообще встречаться с ним не хочет!.. Алиса согласилась почти сразу. Ей было интересно, как поступят братья: сначала пойдут к дамам и засвидетельствуют им своё внимание, или сразу явятся сюда, к ней?.. Для самолюбивой и тщеславной девушки это было крайне важно!

– Скоро можно будет уже охотиться на птиц. – Сообщила Юна, болтая ногами. – Нужно тебе, Лиска, намекнуть своему жениху, чтобы подарил тебе ловчую птицу. Белого кречета, к примеру! Такая шикарная шикарность!

– Я не люблю охоту. – Состроила гримаску Алиса. – И птичек мне жаль!

– Но перья цапли и зимородка на шляпки тебе нравятся!

– Да... нравятся. – Вздохнула Алиса. – Это очень дурно, я знаю, но... Ой! – Она вскочила, одёргивая и отряхивая юбку – ей спешно шили к помолвке новые наряды, и у неё повсюду

валялись нитки, обмылки, кусочки мела, воска и кожи, лоскутки ткани и прочее, – Юна, быстрее, мужчины!

Не успела Юна так же стремительно подскочить и поправить фривольно оголившую ноги юбку, как вошли Гарет, Гэбриэл, эльф, Марчелло и Матиас.

– Что за переполох? – Весело поинтересовался Гарет. – Признавайтесь, девушки, что мы пропустили?!

Мина низко склонила голову над рукоделием, стараясь выглядеть равнодушной и выдавая себя этим с головой. Аврора даже не повернула головы, но вот у неё это безразличие было естественным... Алиса же зарделась от счастья и тщеславного торжества: братья даже не заглянули в приёмную!

– Всё бы вам знать! – Весело ответила Юна. – Любопытный какой!

– В следующий раз тихонечко подкрадусь и всё увижу. – Пообещал Гарет.

– Что всё? – С вызовом спросила дерзкая Юна.

– Ну... как минимум, шиколотки и лодыжки, а может, и икры?..

– Бесстыдник! – Осуждения в голосе Юны не было ни на грош, и Гарет только рассмеялся, проходя в комнату, сразу ставшую ещё меньше от присутствия высоченных братьев, и вольготно устраиваясь в кресле.

– Здравствуй, Алискин! Дивная мелодия, прекрасная наша Аврора! Не стоит так усердно работать, Мина, расслабься! Ну, вот, пальчик уколола... Давай, поцелую, и всё пройдет? Мама всегда мне так делала.

– И помогало? – Фыркнул Матиас.

– Ну, не умер же? – Приподнял бровь Гарет. – И пальцы целы... Чего это вы там смотрите? А, это всё тот, что я привёз... Его высочество заказал новые моды из Флоренции, скоро должен уже прийти. Погода дрянь, можно было бы съездить на Белую Горку, замутить там пикничок, так дождина этот зарядил... Придётся вам, девушки, спасать нас, а то мы с Младшим уже кусать друг друга начали. И подуть на укус некому... А он у меня злой! – Он кинул в Гэбриэла катушкой ниток, и тот ловко поймал её и метнул обратно. – От его укуса что угодно подхватить можно, бешенство – это ещё самое меньшее из зол... Ничего нового не сочинила, Алискин?

– Сочиняю. – Ответила Алиса. – Но пока это секрет. Я даже девочкам не показывала.

– И о чём очередной сюжет? Ты ведь мастерица у нас провоцировать наших провинциальных дам и кавалеров. У них от твоих сюжетов аж уши дымятся. – Гарет снова засмеялся, и у Мины кровью облилось сердечко: какой он был прекрасный! Какой красивый, как двигается, как ходит, как смотрит и улыбается!!! А голос... Мина единственная не путала его голос с голосом Гэбриэла – их путала даже Алиса, с её абсолютным слухом, Мина – никогда!

– Это баллада на нордском. – Сообщила довольная Алиса. – Больше пока ничего не скажу, кроме того, что господину Терновнику она не понравится.

– Вот как? – Приподнял бровь Гарет. – Почему же? Она как-то оскорбляет эльфов?..

– Там есть дракон. – Не удержалась Алиса. – И он хороший.

– Ну, – заметил Терновник, который устроился в другом кресле с не меньшим удобством, чем Гарет, – это будет самая фантастичная баллада, из всех, что поют на этом свете. Хороших драконов не бывает, госпожа.

– Это девушка дракон. – Алиса забыла о своём твёрдом решении держать в тайне абсолютно всё. – Она в жизни обычная девушка, и никто не знает, что она дракон. Она слышит, что драконов ненавидят и считают монстрами, и очень переживает из-за этого, и скрывает ото всех, кто она, но ей снится, что она летает... Это должно быть очень красиво: про её сны, это будет припевом. Я ещё работаю над этим.

– А кто её возлюбленный?

– Эльф. – Ответила Алиса. – Он ненавидит драконов, и девушка страдает из-за этого, даже хочет навеки отречься от своего племени, но полёт у неё в сердце, и ничего с этим поделать она не может. Ей кажется, что любовь дарит ей иные крылья, но... – Она спохватилась. – А чем всё кончится, я не скажу!

– Ой, Лиска! – Юна смотрела на неё широко открытыми глазами. – И ни словечка нам!!! Я просто не могу, как хочу услышать эту балладу!!! Ты же нам первым споёшь, правда же, правда?!! – Она умильно затрепетала ресницами. – Лисочка, правда?!!

– Ну, раз Алискин нам не хочет пока спеть свою балладу, и даже крохотный отрывочек из неё, – Гарет встал, хлопнул в ладоши, – мы сыграем в пантомиму!

– А меня возьмёте? – Вошёл переодевшийся с дороги, но ещё с мокрыми, крупно вьющимися светлыми волосами, Иво.

– Где был? – Спросил Гэбриэл.

– На службе в Богослове.

– Что там наша кузина? – Поинтересовался Гарет.

– Она на Вязов поехала, – Иво чуть покраснел, и Гэбриэл подозрительно взглянул на него. – Не захотела под дождём возвращаться, ждёт, когда прояснеет.

– Ясно. – Гарет быстренько разделил всех на две команды: в одной мужчины, кроме эльфа, которой в людские игры не играл, в другой – он сам и девушки.

– Я мохнатый шмель! – Объявил со смехом. – А это мои розы! И мы первые загадываем слово.

Они какое-то время шушукались, давились смехом, фыркали и так радовались, что молодые люди заподозрили неладное.

– Показывать будет Иво! – Объявила Алиса, вся искрясь от предвкушения. – Тишина! Иво, иди сюда, мы тебе скажем слово!!!

Услышав придуманное Алисой словечко «замешательство», Иво повернулся к своей команде, почёсывая в затылке.

– Замешательство? – В шутку спросил Матиас, и сам был поражён своим сокрушительным успехом. Молодые люди так радовались, а девушки так эмоционально переживали своё первое поражение! Матиас предложил слово «выхухоль», и позвали Алису. Алиса не знала, кто такая выхухоль, и почему-то решила, что она птица; артистичная и эмоциональная, она показывала эту фантастическую птицу так, что от дружного хохота обеих команд сотрясались стены. Пока они играли, немного прояснилось, и Гарет позвал всех к Твидлам, попробовать их потрясающие сладости. Во дворе Алиса получила от жениха и его брата очередной подарок: красивого, как картинка, белого в яблоках мерина, молодого, изящного андалузца, спокойного и ласкового, на чём особенно настаивал Гэбриэл. К коню прилагались седло и сбруя, изготовленные в Эльфийском квартале, и шпионки из Девичьей башни принесли к своим хозяевам неутешительные, даже обидные вести: Хлоринги не только проигнорировали Женский двор; они ещё и поехали куда-то с кружком мятежниц, главная из которых получила достойный королевский подарок!

Сады Твидлов отцвели, но здесь по-прежнему было невероятно красиво и хорошо. По обе стороны дороги стояли ровными, просто идеальными, рядами яблони, ухоженные, избавленные от сухих веток, пронизанные солнечными лучами, без единого сорнячка вокруг побеленных от паразитов стволов, на причёсанной граблями земле, усыпанной последними белыми лепестками. Звонко пели, свистали, щебетали и чирикали птицы, которым тоже немного надоел дождь. Солнце, словно стремясь извиниться за своё долгое отсутствие, припекало от души, так, что камни и травы сохли на глазах, источая ни с чем не сравнимый аромат влаги, земли, травы и цветов. Твидлы накрыли для гостей стол под навесом, во дворе, и устали его такими марципанами, шарлотками, кексами, слойками, пирожными, конфетами, джемами и напитками, что даже эльф ни от чего не отказался. В какой-то момент Марчелло взял в руки

лютню, заиграл красивую итальянскую мелодию, и Гарет, Аврора, Иво и Юна устроили танцы прямо под навесом. Алиса, которая осталась сидеть подле своего жениха, вдруг переплела свои пальцы с его и сильно их сжала. Взглянув на неё, Гэбриэл увидел, что на глаза её набежали слёзы, и спросил встревоженно:

– Ты что?!

– Я так счастлива! – Взглянув на него, шёпотом призналась Алиса. – Так счастлива!!! – И, уткнувшись лицом в его плечо, рассмеялась и расплакалась.

– У меня какие-то нехорошие мысли насчёт тебя появились, красавчик. – Заметил Гэбриэл, вернувшись поздно вечером к себе и застав Иво в своей гостиной с книгой Святого Августина. – Ты как-то нехорошо затихарился, когда Гарет про Габриэлла спросил.

– Тебе показалось. – Так неискренне возмутился Иво, что Гэбриэл схватил его за плечо и хорошенько тряхнул:

– Слушай меня сюда. Она из себя хороша, что есть, то есть, и как раз в твоём вкусе: тощая и без сисек. Но она Хлоринг, усёк?! Племянница королевы и моего отца, принца Элодисского. А ты – даже в качестве сына лесничего, для неё не то, что не пара, а вообще не вариант. Ты даже к её руке без перчатки прикоснуться права не имеешь, и если нарушишь что, то тебя по нарастающей такие кары ждут земные, что даже подумать страшно. Мне брат недавно озвучил. А если ты её трахнешь... не дай Бог тебе!.. Потому, что даже я тебя не спасу тогда, и брат не сможет, и даже отец. Только помилование королевы, но она никогда не помилует совратителя своей племянницы. Тихо! – Повысил голос, заметив, что Иво возмущённо вскинулся. – Слушай меня ещё! Чтобы раз и навсегда без непоняток, лады? Я знаю, что девки от тебя сами тащатся и все углы вокруг Рыцарской башни кипятком пообоссали. Знаю, что ты даже в Приюте особо насилием не увлекался и не нравилось тебе это никогда. Но что толку, что это знаю я, ты, Гарет, весь Хефлинуэлл?! Хоть весь мир!!! Она принцесса крови, и даже если она тебя сама свяжет и трахнет, ты всё равно будешь виноват, потому, что принцесса быть виноватой не может, а если она виновата, смотри предыдущий фрагмент!!!

– То есть, если что... Ей ничего не будет?

– Если что – что?! – Поразился Гэбриэл. Аж побледнел. – Ты что... да ну, на фиг!!!

– Конечно, нет! – Воскликнул Иво. – Кто я и кто она... Я с одной дамой из её свиты замутил, не знаю, кто, она назвалась Розой... В маске на свиданку пришла сегодня.

– Как выглядит?

– Ну, говорю же, в маске... Худая, черненькая.

– Там, кроме Габи, таких только две: Беатрис и эта, как её, тощая носатая... Лаура?.. Которая из двух? Как одета была, чем пахла?

– Порядочный мужчина свою даму никогда не сдаст. – Гордо отвечивал Иво. – Женская репутация...

– Слышь, да ты уже её сдал! – Засмеялся Гэбриэл. – Говорю же, тощих чернуль там только две!

– Она могла парик надеть.

– Могла, да... – задумчиво протянул Гэбриэл. – Ты осторожнее, идёт?... Трахнешь не ту, и спасай тебя потом... Ни одна ведь не признается, что сама на твоё копьё наделась. Если вас поймают на горячем, вой поднимет, что ты её изнасиловал, и не отмажешься нипочём. Я тебя, конечно, выкуплю... Если дама будет не королевских кровей. Но так тебе потом сам накостыляю, по плухе за каждый дукат, что год про траханье забудешь! Трахай служанок, что, мало там смазливых?! Эльфийки от тебя без ума – гоняй к ним! Там вообще тебе никто слова не скажет, да и бабы там почище и покрасивше...

– Таких, как эта Роза, нет во всём мире. – Не сдержался, выдал сокровенное Иво. – Ты не знаешь, не представляешь, какая она... От неё крышу сносит, понимаешь, напроць, она...

как... – Иво зажмурился, не в силах подобрать слов. – После неё все бабы и девушки – как пресная еда после острого и солёного, не хочется их ни фига!

– Да ты влюбился у меня! – Засмеялся вновь Гэбриэл, толкнул Иво в грудь. – Наш красавчик влюбился!.. Ну, если надумаешь жениться, я тебе замок подарю... А знаешь, что?.. Надо выяснить, где именно твоя мельница находится, и я подарю тебе тамошние владения. Станешь господином тётке своей... А что?! Круто же, а?! Мы её даже наказывать не будем, как ты и хотел...

– Я вообще не хочу о ней ничего слышать, видеть её и знать что-то о ней. – Ответил хмуро Иво. – И мне плевать, буду я её господином, или нет.

– А мне не плевать. – После долгой паузы хрипло сказал Гэбриэл. – У меня, чёрт побери, чувство такое, словно всё, что происходит на свете – это МОЁ дело. – Он прошёлся по комнате. – Мне так стрёмно, что я кого-то ни защитить, ни спасти не могу, словно шип в сердце... заноза какая...

– Гэйб, меня не надо защищать. – Попросил Иво. – Я не ребёнок, и за себя постоять умею. Не люблю, но умею. Я не хочу быть занозой в твоём сердце. Мне больно думать о своём прошлом, но я не хочу портить своё настоящее ни злом, ни обидой, ни местью. Я счастлив, правда, и всё благодаря тебе. Я твой друг, я умру за тебя, и хочу, чтобы у тебя не было из-за меня проблем.

Гэбриэл, стоя к нему спиной, расправил слегка ссутулившиеся было плечи, усмехнулся:

– Да, это моя вечная беда: лезу ко всем, как дурачок, защищать, помогать, заботиться... – Сунул руки в карманы. – Как Нора у Гарета: обслюнявит всего и насмерть залижет.

– Гэйб!!! – Воскликнул Иво, даже покраснев. – Да для меня твоя дружба – это... это... – Он аж задохнулся. – Ты у меня второй после Бога, и больше ничего нет... Я даже королеву не так почитаю, как тебя, и...

– Почитаешь. – Кивнул сам себе Гэбриэл. – Вот именно. Благодарен, почитаешь, восхищаешься... – Повернулся к Иво, усмехнулся. – Ладно. Спать пора. Устал я. А что касемо бабья, то ты меня слышал, да?..

Иво забрал к себе книгу, но читать не мог. Сидел, смотрел в окно, на сад, стену, на которой горели огоньки фонарей, на хмурое небо – опять намечался дождь. Листва деревьев в саду волновалась и шелестела под порывами влажного ветра, налетающего, казалось, со всех сторон сразу. Двое стражников на стене остановились и что-то обсуждали, поглядывая то на небо, то на реку, не видную из окна покоев оруженосца. Иво думал и про свою Розу – он почти уверен был, что это Габриэлла, и страшно переживал по этому поводу. Он не боялся – в самом деле не боялся. Переживал он за Гэбриэла, которому, если что, придётся расхлёбывать заваренную им и Габи кашу. Но отказаться от Габи он не мог. Это было невозможно. Почему?.. такие вещи просто случаются, и всё. Они случаются, когда вроде бы не должны случиться, и не случаются, хотя всё способствует этому. Тысячи лет люди пытаются вывести формулу любви, а жизнь рушит все расчёты и смеётся над всеми теориями. Даже если всё дело в запахе, как говорят некоторые – то букет любимых ароматов у каждого всё равно свой. От одного и того же запаха одного плющит, другого тошнит. Порой любовь подкрадывается постепенно, порой набрасывается внезапно, порой кажется, что она была всегда, и два человека, встретившись впервые в жизни на улице, идут дальше так, словно ходили вместе вечно. Порой человек так никогда и не узнает, что такое страсть, и живёт в уверенности, что все разговоры о любви – брехня. Иногда любовь – благо, иногда – зло. Она может поднять человека до небес и вдребезги разбить его жизнь. ОТ любви можно даже отречься, ради долга, богатства, карьеры. Одно невозможно: пренебречь ею, забыть её... И быть счастливым без неё.

Ветер стих, и через минуту первые тяжёлые крупные капли упали на карниз с приятным стуком. Иво открыл окно, вдохнул свежий влажный воздух. Где-то недалеко, в том же замке, находилась его Роза, и он чувствовал томительное волнение в сердце при мысли об этом.

Шторм стоял в кустах напротив дома, из которого на его глазах уже несколько часов назад выехала со своей свитой Габриэлла. Он вернулся к себе, но не находил себе места. Смотреть на окно напротив он не мог, его начинало трясти. И не смотреть не мог тоже – что бы он ни делал, как бы ни отворачивался, это окно было перед ним и в нём, и Шторм постоянно думал о том, что там происходило, это длилось и длилось в его сердце, и сводило его с ума. Зачем он вернулся к дому на Вязов, под начинающимся дождём?.. Он не знал. И просто мок и смотрел на тёмные окна...

Гэбриэл, как каждую ночь, молился о тех, кто остался в Садах Мечты. Он сказал Иво чистую правду: те, кто был там, занозой сидели в его сердце, причиняя нешуточную боль. Эта боль порой накатывала, непрошенная, в самые счастливые моменты, отравляя любую радость. Что сделать для них, что сделать прямо сейчас?! Он-то знал, что там умирают каждый день! Каждый день означал муки и смерть ещё кого-то, и Гэбриэл страдал по-настоящему, умом понимая, что брат прав, и напав сейчас на Драйвера, они только заставят его уничтожить всех, кто там ещё остался, но сердцем не в силах принять эту правоту. И сон не нёс облегчения: ему снова и снова снилась Мария, один и тот же сон, и Гэбриэл просыпался с зубами стиснутыми так, что больно было челюстям...

Утро выдалось солнечное: последние тучи ушли на запад, в Далвеган, проливаясь в его бесчисленные озёра и болота. Приятный ветерок овеивал мокрые деревья, шевелил влажные покосы и нивы, неся упоительные запахи разнотравья и поспевающей земляники. В той части замка, где жили слуги из простых, с семьями и детьми, уже зазвенели детские голоса: вынужденные дождём сидеть дома, дети высыпали во двор и, визжа от счастья, скакали по лужам, превращаясь в таких же грязнуль, как и поросята, составляющие им компанию. С Хозяйственного двора порой тянуло волшебным ароматом свежей выпечки: там закончили печь хлеб, булочки и пирожные к завтраку его высочества, членов его семьи и господ и дам их свиты. Пели птицы, особенно залиристо и дружно перед тем, как умолкнуть: вот-вот должны были проклюнуться птенцы, и петь станет некогда. К мосту спускались подводы и всадники – от моста одна дорога поднималась прямо к барбакану парадных ворот, вторая огибала Золотую Горку и поднималась к воротам Хозяйственного двора, и туда по утрам привозили из города и из Садов Твидла сыры, колбасы, свежие сладости и напитки. Гэбриэл смотрел в окно на эти подводы, заспанный, хмурый с утра, медленно завязывая тесёмки ворота на белой эльфийской рубашке. Рукава тоже были со шнуровкой, и, закончив с воротом, он позвал недовольно:

– Ну, где ты там?.. Завяжи! – Поворачиваясь и протягивая руку... И вздрогнул: вместо Кевина позади него стоял человек в тёмной одежде... Стремительно развернулся весь, одновременно отшатываясь подальше.

– Всё-таки вы ещё не воин, сеньор. – Сказал Лодо. – Ваш брат схватился бы за оружие.

– Ты что здесь делаешь?

– Пришёл, чтобы встретиться и поговорить с вами. – Лодо поклонился. – Вначале я хотел наняться к самому принцу или к вашему брату, но, подумав, решил, что хочу служить именно вам.

– У меня есть оруженосец. – Нахмурился Гэбриэл.

– Я не оруженосец. – Неуловимая улыбка скользнула по губам Лодо и исчезла без следа. – Я ассасин.

– Что это?

– Это шпион и убийца.

– В смысле?! – Насторожился Гэбриэл.

– Я согласен, профессия специфическая. И очень... редкая. Но, поверьте, сеньор, очень востребованная среди людей вашего круга.

– Зачем мне шпион и убийца? – Гэбриэл был так озадачен, что даже не спросил, как Лодо сюда попал, и почему, собственно, он обращается с таким странным предложением именно к нему.

– Вы не спросили, как я попал сюда, сеньор. – Напомнил Лодо сам.

– Ага. – Согласился Гэбриэл. – Не спросил.

– Позвольте? – Лодо аккуратно и умело затянул шнуровку на одном рукаве, потом на другом. – Это часть моей профессии. Незамеченным войти, сделать всё, что нужно, и так же выйти. У каждого из сильных мира сего есть враги; каждый нуждается в достоверной информации о своих соперниках и врагах, а порой и в деликатном исчезновении неугодных или опасных людей.

Гэбриэл отошёл к креслу и сел, потирая подбородок рукой. Первой его мыслью было – позвать брата и посоветоваться с ним. А потом появилась вдруг шальная мысль, и он поднял глаза на Лодо.

– Ты что, пробрался сюда, и никто тебя не заметил?

Снова неуловимая улыбка.

– Никто, сеньор. Это моя профессия.

– То есть, хочешь сказать, мог бы вот так проникнуть к отцу или брату и прирезать?

– И это тоже. – Согласился Лодо.

– И как я могу верить, что ты ещё этого не сделал?

– Если бы я это сделал, – улыбка исчезла с губ Лодо и глаза, прозрачные, волчьи, стали ещё пронзительнее, – я и вас бы сейчас прирезал, без всяких разговоров.

– Но почему? – На этот вопрос у Гэбриэла всё же здравого смысла хватило. – Почему я, почему ты пришёл ко мне, а не к брату и не к отцу, или, как его, к герцогу Далвеганскому?

– Моя профессия слишком специфична, сеньор. Основной составляющей моей профессии является смертельный риск. Я могу погибнуть, выполняя поручение своего патрона; мы должны полностью доверять друг другу – мой патрон мне, а я – моему патрону. Я очень придирчив в поиске работодателя. Я провёл месяц в Элиоте, изучая ваш язык, ваши нравы, и собирая сведения обо всех вельможах ваших герцогств. Должен признаться, что из Европы мне пришлось убраться из-за недоразумений между мною и моими... собратями по цеху.

– А именно?

– Сеньор, мы ещё не заключили договор.

– Ясно. – Гэбриэл колебался. Потом принял, как ему казалось, мудрое решение:

– Если ты сделаешь кое-что для меня, я возьму тебя на службу.

– Мои услуги стоят очень дорого. Но они будут стоить того, я вам обещаю.

– Отец и брат говорят, что я богатый. Они не тратили доходы с моих феодов, пока меня не было, там до хрена денег.

«Господи, – подумал Лодо, – да он наивен, как девочка!».

– Я могу сделать кое-что для вас прямо сейчас.

– И чего? – Насторожился Гэбриэл.

– Я несколько дней отирался в Гранствилле, прислушивался, присматривался... Вы собираетесь отпраздновать помолвку с сеньоритой Алисой Манфред?

– Собираюсь. – Лицо Гэбриэла мгновенно напряглось и посуровело, и Лодо подумал, что он хоть и наивен, но при том по-настоящему опасен.

– Кто-то намерен опорочить вашу невесту и испортить вам помолвку.

– То есть? – Гэбриэл встал, кулаки сжались. – То есть, как: опорочить?!

– Сплетни уже бродят по городу, сплетни грязные, порочащие и вас, и вашу невесту, и вашего брата. Источник этих сплетен – некая мать Августа, которая называет себя паломницей в северный монастырь святой Анны Рочестерской, на деле же – Александра Барр, бывшая... О, вижу, вы знаете, кто она.

– Знаю. – Сквозь зубы процедил Гэбриэл. – Вижу, неймётся ей... суке старой. Что говорят?

– Вам это не понравится.

– Мне уже всё не нравится. Так что?

– Что Алиса – отнюдь не та, за кого выдаёт себя. Что она ходила по рукам богатых купцов в Ашфилде, пока её не уличили в проституции, не остригли и не выгнали из города. Она попала на глаза вашему брату, который как раз в то время был в Ашфилдской бухте, и он подобрал её, а теперь выдает замуж за вас, чтобы скрыть вашу содомию, и иметь свою любовницу под рукой.

– Чего?! – Поразился Гэбриэл. – Да это же... да это же от первого и последнего слова враньё!!! Я – содомит?! Да я эту суку...

– Всё куда серьезнее. – Остановил его Лодо. – Я бы посоветовал позвать сюда вашего брата и вместе с ним обсудить положение. У Барр есть свидетель; не знаю, откуда она его взяла – пока не знаю. Он прибыл в город вчера и назвался у ворот Блумсберри купцом из Ашфилда. Он утверждает, что был одним из любовников вашей невесты. И его слуги готовы это подтвердить.

– Вчера прибыл, говоришь? – Гарет, который пришёл по просьбе Гэбриэла и в первый момент был страшно недоволен тем, как Лодо проник в Хефлинуэлл, почти мгновенно проникся серьёзностью положения. – Значит, Алису он ещё не видел...

– Что ты задумал? – Насторожился Гэбриэл, а Лодо усмехнулся:

– Блестяще, сеньор! Брависсимо! Я сам хотел это предложить; снимаю шляпу!

– Купца и его слуг в тюрьму ратуши. – Гарет, прохаживающийся по гостиной Гэбриэла, остановился перед Лодо. – Завтра же устроим суд, публичный, там же, на площади. Мне нужен свидетель, который расскажет всё про Барр: кто она, откуда, чем занимается, за что была судима и расстрижена из монахинь. погоди! – Протянул руку в сторону Лодо. – Я могу сделать всё это и сам. За спасение моего брата и за эти сведения спасибо, конечно, но я ничего о тебе не знаю, и не верю тебе. Так не бывает: чтобы человек с твоими талантами и способностями, твоего класса, вот так приходил наниматься к незнакомцу!

– Не совсем незнакомцу, сеньор. Мы уже сталкивались с сеньором Гэбриэлем.

– Я помню. Помню и то, что тебе обещал. Тогда ты что-то на службу не рвался.

– Я собирал сведения, сеньор.

– А меня кто-то спросит?! – Рассердился Гэбриэл. – Если Лодо поможет нам спасти от клеветы Алису, я его возьму на службу.

– Младший! – Вспыхнул Гарет. Гэбриэл ответил бестрепетным взглядом в упор:

– Я не ребёнок, не твоя собственность и не дурачок!

– Ты как раз дурачок!!! – Рывкнул Гарет. Лодо отступил, молча наблюдая за стычкой братьев. – К тебе пришёл мужик, сказал, что он шпион, предложил тебе взять его на службу... И ты... – Он воздел руки к небу. – Стоило выпустить тебя из виду на пять минут... ПЯТЬ МИНУТ!!! Я знаю, что ты наивная овечка, но чтобы до такой степени... Гэбриэл!!!

– Мы с тобой кое-чем ему обязаны!

– Такие, как он, ничего просто так не делают!!!

– Мои услуги стоят дорого. – Напомнил Лодо.

– Молчи!!! Я с братом говорю! – Огрызнулся Гарет. – Ты, может, и денег ему уже дал?

– Знаешь, что? – Обиделся Гэбриэл. – Ты мне сам сказал, что это мои деньги. Кому хочу, тому и даю!

– Ага! Давай!! – Взмахнул руками Гарет. – Раздавай! Кто следующий?! Алхимик с рецептом философского камня? Гадалка из Индии?! Дочь пресвитера Иоанна?!

– Я сказал: – Зло отчеканил Гэбриэл, – если он поможет мне с Алисой, я его возьму. Мне нужен такой человек. Пусть он служит мне, а не отправится к герцогу Далвеганскому или к Драйверу!!!

– В одном он не ошибся: – сквозь зубы процедил Гарет, – не пошёл ни к отцу, ни ко мне. Потому, что мы уж точно не стали бы его слушать, а взяли бы хорошенько в оборот... И он нам рассказал бы, как миленький, зачем НА САМОМ ДЕЛЕ сюда явился!!!

– Гарет! – Спорить с братом оказалось тяжело: эмоции циркулировали между ними, усиливаясь. Всё равно, что бить себя самого. Гэбриэлу было не по себе, но обиделся он страшно. Значит, он дурачок, да?! – Если бы ты так сделал, он не сказал бы про Алису! И что нам прилетело бы в день помолвки, при всех гостях?! Знаешь?!

– Ты помешался на своей Алисе! – Прошипел Гарет. – По-моему, это весь Нордланд уже знает... Раз этот шпион с неё и начал, чтобы тебя зацепить наверняка!

– Я не хотел стать причиной раздора между братьями. – Заметил Лодо, когда Гарет вышел, хлопнув дверью. – Прошу прощения, я этого не планировал...

– Я должен давно уже был это сделать. – Сказал Гэбриэл, отходя от окна. – Я люблю его, и он меня любит, но начинает уже со мной обращаться, словно я собственность его. Так у нас с ним ничего хорошего не выйдет. Не думай об этом, это моя проблема, я с ним помирюсь. Повторяю: я возьму тебя на службу, если всё обойдётся с Алисой. Ты мне нужен, для одного дела... Но об этом потом. – Взглянул на Лодо. – Я дурачок, да. Я знаю. Но я не лошок безобидненький. Я не пугаю, смысл мне пугать человека, который, как призрак, куда угодно залезет и что угодно, сделает?.. Но я чувствую опасность, а от тебя я её пока не ощущаю. – Лодо молча поклонился. – Ладно. Посмотрим. Этих людей, купца и слуг его, нужно схватить и сдать страже. И хорошо бы узнать, кто он на самом деле, откуда сюда приехал и кто его нанял. Не сама же Барр его нанимала!

– Да, сеньор. Я это выясню.

– Деньги нужны?

– Пока хватит ста золотых дукатов, сеньор.

– Возьмёшь у Райи, я расписку щас напишу. – Гэбриэл сел к секретеру. – Я пока того... как попало карябаю, но он знает и разберёт, что к чему. – Лодо отметил, до чего разительная перемена произошла с Гэбриэлом: он и держался, и разговаривал, и вёл себя уже совершенно не так, как тот юноша, которого он подобрал на Королевской Дороге. Такие перемены – за такое короткое время! Сейчас Лодо готов был бы поклясться, что этот полукровка родился в замке и всю жизнь прожил здесь же, уверенный в себе, слегка высокомерный, свободный в движениях и разговоре, с той раскрепощённостью и налётом сословного шарма, какие не даются никакими упражнениями и никаким искусством: они только врождённые, только впитанные с молоком матери. Даже о своих промахах и неумелости он говорил непринужденно, с усмешкой, как и положено аристократу.

– Держи. – Гэбриэл отдал ему расписку, и Лодо подумал: почему, чем выше и крупнее мужчина, тем мельче у него почерк?.. Гэбриэл Хлоринг «накарябал» расписку на сто дукатов так мелко, что её было почти не видно на листке плотной бумаги. О том, что существуют заглавные буквы и знаки препинания, Гэбриэл или не знал, или забыл, или и то, и другое, но банкир в Гранствилле, видимо, к этому привык – деньги Лодовико выдали без вопросов. Разменяв один дукат на талеры, геллеры и пенсы, Лодо зашёл в неприметную лачугу в нижнем городе, из которой вышел уже священник в скромной сутане, спрятавший светлые кудрявые волосы под головным убором. Лицо его, красивое, с правильными чертами, в то же время было неярким, неброским, и если хотел, Лодо умел становиться вообще никаким. Никто из тех, кто встречался с ним в такие моменты, потом не мог описать его внешность. «Серый какой-то, никакой» – вот всё, что могли сказать немногочисленные очевидцы.

Священник дошёл до рынка в Кодрах, и постоял у ворот, пока к нему не подошёл нищий, такой же никакой: серый, грязный, угодливый.

– Что скажешь? – Спросил Лодо негромко, опуская в протянутую грязную ладонь несколько геллеров.

– Остановился в «Свече и очаге». Один слуга с ним, трое других – в харчевне попроще, на другом конце улицы.

– Болтает много?

– Да, сударь. – Нищий усмехнулся. – Прямо-таки рот не закрывается.

– Про женщину что слышно?

– Она была здесь, и уехала через ворота Блумсберри, на вороном, в сопровождении собаки. Говорят, она останавливается у ювелира Гакста, но Хлоринги его прирезали на днях, и остановиться ей пока негде.

– Хорошо. Держи меня в курсе. – Лодо дал ему ещё пару геллеров и благословив:

– Иди с миром. – Отправился дальше, перебирая чётки.

«Свеча и очаг» была дорогим, уютным, добротным заведением, и публика здесь собиралась чистая, зажиточная. На столах стояли вазочки с цветами, у очага в кружок стояли кресла, где собирались местные завсегдатаи, чтобы погреться и поболтать, потягивая пиво или сидр. Такой прообраз будущих клубов. Сегодня здесь был аншлаг: гость из Ашфилда, порядочно приняв на грудь, вдохновенно сочинял про Алису Манфред срамные истории с пикантными подробностями. Лодо, присев за чистенький столик, поморщился: пьяный купец совсем распустился, забыв всякую осторожность.

– А знаешь ты к примеру, милый человек, – заметил один из постояльцев, ещё относительно трезвый, – что братья Хлоринги недавно пришли к ювелиру Гаксту, который, говорят, шпионил за ними для герцога Далвеганского, и глотку ему перерезали, как щенку, он и твякнуть не успел? Среди бела дня и при всём честном народе? Ты бы поменьше языком-то балакал, особенно про младшего Хлоринга, и про содомию.

– Это истинная правда, а слышал я это от святой женщины, матери Августы, паломницы, которая идёт в монастырь святой Анны аж из самого Иерусалима! Такая женщина врать не станет, она у самого гроба Господня побывала!

Тут посетителям крыть было нечем, и Лодо про себя усмехнулся глупости обывателей: и откуда бы паломнице хрен знает, откуда знать такие вещи про незнакомого ей парня?.. Но усмехался он рано:

– А она ему что, свечку держала, когда он того... с мужиком-то?! – Хохотнул здоровенный детина, с перебитым носом и маленькими глазками, с виду идиот-идиотом, а вот гляди ты! В зале засмеялись, купец побагровел:

– Стыдно должно бы тебе такое про святую-то женщину говорить!!!

– Это тебе, дураку, прежде подумать бы, что, где, и про кого говорить!

– А я и под присягою это повторю! На Библии поклянусь! Хлоринги того... говорят, что закон почитают – вот по закону я и скажу всё, что следует, в суде скажу! Видит Бог...

Что он видит, договорить купцу была не судьба: в зал вошли трое стражников, ещё двое показались со стороны чёрного хода. Привставший было купец присел обратно, заметно потеряв часть своего задора и удали. Верзила с перебитым носом кивнул вошедшему со стражниками итальянцу, как старому знакомому, и сказал:

– Всё слышал, от первого и до последнего слова, и про клевету на графа Валенского слышал, и на Библии поклянусь, если надо будет.

– Кто ещё слышал, как этот человек, – Марчелло говорил с легким акцентом, – клеветал на графа Валенского и его невесту?

– Говорил всякое. – Подтвердил кто-то. – Нёс что-то спьяну...

– Спьяну, – с отчетливым немецким акцентом отчеканил стражник, светлоусый великан со стальными глазами, – ты будешь бабе своей рассказывать, как поп свинью трахал. А всё, что говорится про членов королевской семьи – есть дело государственное.

– Я суда требую! – Изменившимся голосом проблеял купец. – У меня свидетели есть! Требую суда! Люди! Не дайте загубить душу невинную...

– Будет тебе суд. – Сказал Марчелло, скривившись. – Завтра, в полдень, на площади перед ратушей.

– Милорд! – Из голоса Лодо каким-то чудом исчез итальянский акцент, он говорил негромко и певуче, как говорили местные священники, – я знаю женщину, торговку из Элиота, она исповедовалась у меня сегодня утром. Она хорошо знает этого человека и готова кое-что рассказать о нем.

– Кто эта женщина и где она? – Поинтересовался Марчелло.

– Её зовут Лаура ди Наполи, она итальянка. У неё обширная торговля в Элиоте, сюда она прибыла, чтобы закупить эльфийские товары, которым, говорят, нет равных. Я пришлю её к вам завтра с утра.

– Пусть приходит в ратушу. – Кивнул Марчелло. Гарет описал ему Лодо подробнейшим образом, и итальянец смотрел на того в упор, и всё-таки ему даже в голову не пришло, что этот священник и ассасин, о котором говорил ему патрон, один человек.

Купца увели; его слуг так же забрали в тюрьму муниципалитета. Марчелло в сопровождении четырёх стражников помчался куда-то вон из города на ночь глядя. Лодо пошёл к Южным воротам, за которыми исчез в кустах, откуда вскоре вышла торговка Лаура и пошла, пристроив на бедро корзину с эльфийскими товарами, купленными загодя, к дому у моста через Ом. Этот дом стоял в стороне от деревни Омки, отделённый от неё обширной кленовой рощей и оврагом; недалеко проходила оживлённая Брыльская дорога. Дом прежде был или таверной, или лавкой какого-нибудь торговца или аптекаря, от вывески сохранилось железное копьё с двумя кольцами, на которых покачивалась часть сломанной доски с остатками букв, опознать которые не было никакой возможности. От дороги добротный двухэтажный дом был скрыт тополями и клёнами, старыми, с обширными кронами, надёжно укрывающими дом и двор своей тенью; за домом, окружённый каменной оградой, находился огород, или садик, где когда-то что-то росло, и больше было похоже именно на сад – почему Лодо и считал, что это была лавка аптекаря. Здесь до сих пор можно было найти мелиссу, эстрагон, мяту и другие аптекарские травы. Лодо купил этот дом, как Лаура ди Наполи, торговка из Элиота, сюда и пришёл со своей корзиной. Забавно, но торговля у Лауры шла хорошо, и Лодо порой с усмешкой думал: не заняться ли этим всерьёз, бросив своё основное ремесло?..

Подойдя к дому, он услышал какой-то шорох и приглушённые возгласы: какая-то влюблённая парочка выбрала горбатый мостик под сенью вековых тополей местечком для своих свиданий. Лодо проверил их в первый же день: дочка мельника из Омок и какой-то городской хлыщ... Хлыщ ему не понравился, но кто он был этой девчонке, чтобы вмешиваться? Пусть об этом болит голова её родителей.

– Лауре нужна лошадь. – Пробормотал он, войдя в дом и опуская на пол тяжёлую корзину. – И повозка... Я не мул, тяжести такие таскать!

Гэбриэл пришёл к Гарету, но того на месте не оказалось, и он пошёл искать брата по всему замку. Размолвка давалась ему тяжело, и Гэбриэл знал, что брату так же тяжело, как и ему, но первого шага Гарет не сделает. Ну, что ж, сделает он.

Брат нашелся на конюшне, смотрел, как конюх гоняет на корде молодого серого мерина. Тот больше брыкался и выделывался, чем бежал, и Гарет с конюхом азартно обсуждали его характер. Герцог был слегка пьян и зол; оскалился на брата:

– Ну, надо же! А что мы не в саду, на качельке, со своей дорогой невестушкой?

– Давай, наедине обсудим мои пороки и косяки? – Предложил Гэбриэл.

– А что, – сузил синие глаза Гарет, – конюхов стесняешься?

– Помириться будет сложнее, если свидетели останутся.

– А мы не ссорились! – Гарет говорил слишком громко, на него оглядывались даже подсобные рабочие от дальней стены. – Не знаю, что ты там себе навоображал, а я с тобой не ссорился!

– И напился ты так, просто?

– А ты мне будешь морали читать, маргаритка ты моя... из борделя?!

– Давай, – вспыхнул Гэбриэл, – валяй. Расскажи всем, что и почему. Кто я, где был. Я с самого начала этого не боялся, скрывать это было твоей идеей.

Гарет покраснел, но промолчал. Пьян он был не настолько, чтобы не понять, что Гэбриэл прав. Но это рассердило его ещё сильнее.

– Давно ли ты сделался главным здесь, а?! – Даже не спросил, а прошипел он. – Герцог пока что здесь я!!!

– Хорошо. – Поднял руки Гэбриэл, отступая. – Ты герцог, ты крутой и ты прав: я здесь не хозяин. Я вообще никто. Ты меня сюда привёз, подобрав на дороге, отмыл, одел и посадил с собой рядом. И я должен тихо сидеть и каждому твоему слову подвигивать. А может, отпустишь меня к чертям отсюда, а?.. Вот здесь у меня, – он понизил голос, схватив себя за горло, – хозяева всякие!!!

– А валяй! – Сверкнул глазами Гарет. – Думаешь, в ножки к тебе упаду, как Алиса, уламывать стану?! Валяй!!!

Гэбриэл развернулся и ушёл. Его душила обида. В чём-то он был не прав – и сам это понимал; но он первым пошёл на мировую и готов был даже уступить и прогнуться, но Гарет его капитуляцию принимать не захотел. Не захотел?.. И не надо! Гэбриэл велел седлать свою Красавицу. Лошадка застоялась на конюшне; относились к ней хорошо, холили, кормили отборным овсом, но прогуляться кобылка была не прочь и радостно заржала, когда Гэбриэл повёл её к выходу.

– Пепел на месте? – Спросил Гарет, который, остыв, почувствовал себя скверно. Конюх метнулся на конюшню, где стояли кони братьев, вернулся, сказал, что конь на месте, и Гарет слегка успокоился. Ничего. Пусть Гэйб подует, это ему полезно. Если его сразу не поставить на место, он так и будет всяких проходимцев привечать... В их ситуации это смертельно опасно – он что, дитя малое, не понимает ни хрена?! Кругом враги, даже по Алисе ударили, а он берёт на службу какого-то убийцу с невесть, какими намерениями... К чёрту! – Гарет поднялся к себе, спросил, вернулся ли брат, услышал, что нет, и решил, что тот в саду с Алисой. Налил себе любимого португальского вина, чокнулся со своим отражением в зеркале:

– Твоё здоровье, злодей! – И с наслаждением выпил.

Гэбриэла беспрекословно выпустили из замка, когда он сказал, что просто проедется до Белой Горки, посидит на скале. Доехав до перекрёстка, он придержал пляшущую лошадь, огляделся. Нет, конечно, вот так уезжать было нельзя. У него есть Алиса, есть Иво, он не может вот так бросить их здесь... И Моисей, и Тильда... Ну, Алису, допустим, отец не выгонит и не обидит. И она вполне может оставаться под его опекой, пока он, Гэбриэл, придумает, что с собой делать и куда себя деть.

А что делать?.. Сваливать в Валену. Он там никогда не был и не знал, где это, но уже примерно представлял, что это на Севере, и что он вполне может рвануть туда с эльфийского побережья. Ему здесь вообще ничего не нужно. Он никогда не собирался оспаривать власть брата или его авторитет. Но свою свободу он не отдаст больше никому, даже Гарету!

Подумав, что никогда не был на восток от Гранствилла, Гэбриэл, не раздумывая больше, повернул туда и послал Красавицу лёгким галопом. Скорость помогала ему успокоиться и взять себя в руки. Может, и глупо он поступает... Ну, и к чёрту!!!

А потом он подумал, что эта ссора ему даже выгодна. Нет, серьёзно. Он уедет, но не сейчас, а после помолвки. Нельзя лишать Алису этого праздника, она сама не своя от предвкушения. Если Гарет за это время не сделает первый шаг – а он не сделает, уж настолько-то Гэбриэл

успел его узнать, – Гэбриэл рванёт на юг, за Марией, и не придётся ничего придумывать и сбегать, чувствуя себя подонком. Это было не очень порядочное решение, зато решало (как казалось Гэбриэлу) очень большую проблему, и он воспрянул духом.

Ехать ночью по лесной дороге оказалось странновато и где-то даже страшновато. Гэбриэл трусом не был, но воображение у него было богатое, а знаний об окружающем мире всё ещё маловато, и он рисовал в своей голове оболочки для странных ночных звуков такие, что у самого же мурашки бежали по коже. Хорошо, что здесь, как повсюду в Пойме Ригины, чувствовалось присутствие человека: сквозь густую листву то там, то тут мерцал огонёк или слышались звуки близкого жилья: сонное коровье мычание, лай собак, голоса людей, детские смех и пение. Выехав на околицу Малого Города, вполне себе приличного городка, с замком, собором и трёхэтажными каменными домами вдоль нескольких улиц, Гэбриэл приостановил Красавицу при виде шумного гулянья. Горожане что-то праздновали, и уже не первый час: рекой лились пиво и можжевелевая водка, заставленные снедью столы опустели и были теперь завалены объедками, огрызками и костями. Парень, наряженный девицей, распевал под аккомпанемент весёлой музыки:

– *Я хороша, а жизнь моя уныла:*

мне муж не мил, любовь его постыла.

Хочу любить я друга молодого... – И горожане свистели, аплодировали и плясали вместе с ним. Красавицу и её всадника тут же окружили весёлые пьяные лица, Гэбриэлу протягивали кружки, бокалы и стаканы:

– Выпейте с нами, ваше высочество!

– У нас свадьба, женим Жана и Жанну!

– За здоровье молодых, ваше высочество!!!

Гэбриэл спешился и включился в веселье. Плясал с горожанами и горожанками, пил можжевелевую водку, пойло противное, но ядрёное, участвовал в каких-то играх, с кем-то целовался, проиграв... или выиграв?.. На рассвете он почему-то проснулся не в городе, а далеко в лесу. Лошади не было, вместо неё вокруг сидели и лежали... волки. Крупные северные волки, числом семеро, заметив, что он пошевелился, поднялись, продолжая смотреть на него прозрачными и внимательными, как у Лодо, глазами.

– Чёрт... – Прохрипел Гэбриэл, попытавшись приподняться и падая обратно. Он не знал, что такое похмелье, и, впервые в жизни ощутив на себе его силу, решил, что его отравили, и он умирает. – Чё пялитесь... Пить бы принесли... – Почему-то ему совсем не было страшно. Хотели бы сожрать – давно бы сожрали. Или?.. В первый момент, уловив собственный выхлоп, он подумал, что где-то рядом кто-то сдох, но потом понял, что это пахнет его вчерашняя выпивка, и застонал, зажмурившись. Понятно, почему волки его не трогают – он и сам бы близко не подошёл!

– Можжевелевая водка, – раздался рядом спокойный голос, – отвратная вещь. Не стоило её так много пить.

От эльфа, ведущего в поводу своего коня и Красавицу, волки неспешно, без паники, расступились к краю поляны, и наблюдали оттуда всё так же молча и спокойно.

– А ты здесь откуда... – Прохрипел Гэбриэл.

– Я поехал за тобой. Это моя забота: твои жизнь и безопасность.

– Вот... подыхаю, что, не видишь?

– Не вижу. – Терновник подошёл, протянул Гэбриэлу флягу. – У тебя похмелье. Состояние противное, но для такого молодого мужчины – пока не смертельное.

Гэбриэл выхватил флягу, чувствуя страшную жажду, надолго приложился к какому-то напитку, приятному, с мятным привкусом, после которого стало как-то легче и уже не хотелось поскорее сдохнуть и не мучиться. Со стоном, как пожилой, поднялся – от ночёвки в сырой траве всё тело болело и ныло. Волки исчезли, и он обратился к эльфу:

– А эти здесь что делали?

– Ты Хлоринг. – Пожал плечами эльф. – Потомок Белой Волчицы. Они решили тебя охранять в эту ночь. С Хлорингами это случается. – Протянул ему несколько веточек лимонной мелиссы. – Вот, сжуй это. Это тебе жизненно необходимо, поверь.

Краснея, Гэбриэл сунул в рот мелиссу и взгромоздился верхом на свою лошадку, которая стоически стерпела его неуклюжесть. Даже чуть помогла.

– Дома что?

– Не знаю. – Безмятежно ответил Терновник. – Я уехал почти сразу за тобой. Просто решил дать тебе время и возможность проветриться. А вот брат твой такой возможности был лишён... С большой долей вероятности могу предположить, что зол он страшно.

Гэбриэл насупился. Угрызений совести он не чувствовал: он не мальчишка, которого нужно контролировать на каждом шагу! Но на душе скребли кошки.

Гарет рано утром опять спросил, где его высочество граф Валенский, и получил в ответ, что тот выехал поздно ночью из замка прогуляться и ещё не возвращался.

– Я же спрашивал!!! – Вскинулся Гарет.

– Вы спрашивали, на месте ли Пепел, сударь. – Был ответ. – Их высочество уехал на вороной кобыле.

– Кобылу свою, значит, взял... – Психанул Гарет. – Так, значит, да?!

Жест Гэбриэла он понял прекрасно. Но он протрезвел и успокоился, и мог вновь рассуждать здраво, и рассуждения эти ему не понравились. Значит, Гэбриэл до сих пор не почувствовал себя в Хефлинуэлле своим, не чувствует себя дома. В глубине души он всё ещё чужой здесь, а он, Гарет, не придумал ничего лучше, как усугубить его чувство. М-да. Мог бы сразу ему пощёчину залепить, – подумал герцог, глядя на себя в зеркало. Гэбриэл не овечка, и не дворянка, он такое пережил и не сломался, что пытаться его прогнуть теперь – глупо и опасно. Если надумает свалить – свалит.

И что теперь делать?.. Отправить людей его искать?.. Слуга доложил, что вслед за Гэбриэлом уехал «господин эльф», так что вряд ли тот в опасности – да и Гарет ничего такого не чувствовал. Но если не искать – не обидится ли тот ещё больше?.. А если искать – решит, что его пасут, и рассердится...

– Merde! – Выругался Гарет, не зная, как быть. Поехать ему навстречу?.. Не может же тот оставить свою Алису накануне суда?! Значит, сейчас явится...

– Сеньор? – В дверях возник Марчелло. – Всё готово, сеньор.

– Согласились? – Поинтересовался Гарет.

– Да. Со слезами, но согласились... По десять дукатов пришлось выложить.

– Хорошо. Брата не видел?

– Видел, сеньор. Встретился с ним у Брыльского перекрёстка, он ехал по Ригстаунской дороге, с сеньором Терновником.

– Домой ехал-то?

– Да, сеньор. Узнать точнее?

– Не надо. – Гарет закончил одеваться. – Я в Гранствилл, в муниципалитет.

Сбежал по лестнице, столкнулся с Гэбриэлом, бросил отрывисто:

– Вид у тебя такой, словно по земле валялся. Я в город, ты со мной?

– Да. – Помолчав, сказал Гэбриэл, и Гарет кивнул:

– Я жду во дворе. Быстрее. К суду надо подготовиться. И ты что... можжевельнику пил, что ли?!

– А если и пил?!

– Да и по фигу. Я жду!

До моста братья доехали в гробовом молчании. Гэбриэл ехал верхом на Пепле, хмурый, мрачный, демонстративный. Гарет делал вид, что ничего этого не замечает, но на мосту поинтересовался:

– И что мы надумали? Собрать своих подопечных и рвануть на Север?

– А у тебя есть возражения? – Мрачно огрызнулся Гэбриэл. – Я не собираюсь у тебя что-то брать.

– А я тебе ничего и не дам. У тебя своего больше, чем у нас с отцом вместе взятых.

– Мне ничего не нужно.

– Ты целочку-то из себя не строй! – Рассердился Гарет. – Что за детский сад?! Да, я сгруппил. Ты тоже! Давай, из-за собственной дури разосрёмся на всю оставшуюся жизнь, как те придурки с поросёнком!

– Я не твоя собственность.

– Нет, ты моя собственность! – Воскликнул Гарет. – И собственность отца, и твоей Алисы! А мы все – твоя собственность! Это семья, ты понял?! Это родные, мать твою, люди, которым не срать, где ты, что ты и с кем ты! И если ты дурью маешься и подставляешь нас, мы имеем право злиться, понял, имеем! Мы с тобой можем расшаркиваться, как придворные на пиру, здравствуйте, всего хорошего, какая погода чудная, спасибо... Почему нет?! Но это будет уже не то! Ты можешь на меня наорать, я могу на тебя наорать, мы братья с тобой! Чёрт, как ещё мы выясним, что с нами происходит?! Если б мы вчера не поругались, я так и не узнал бы, что ты нас с отцом ни во что не ставишь!

– Чего?! – Обернулся на него, как ужаленный, Гэбриэл. – Чего ты несёшь?!!

– Ты нас чужими считаешь, Гэйб. – Сказал Гарет. – Ты и дом наш считаешь чужим для себя. Ты собрался сваливать от нас, и даже подарок мой решил не брать. Из родного дома так не уходят, так уходят от тех, кто, как ты там сказал?.. Подобрал, отмыл и рядом посадил?

– А это не так?

– А вот сейчас ты меня оскорбляешь, младший. – Тихо сказал Гарет, но в голосе и глазах его было столько льда, что Гэбриэл поёжился. – Так сильно, что я не знаю, как терплю это и как ещё готов мириться, хоть и не один виноват.

Гэбриэл отвернулся, продолжая ехать рядом с братом. Потом буркнул хмуро:

– Прости.

– Не слышу.

– Прости!!!

– Хорошо. – Кивнул Гарет. – Мир!

– Мир. – Хмыкнул Гэбриэл. – Какой мир, когда ты злой, как падла?

– Сам виноват.

– Я не чувствую угрозы от Лодо. Он не враг.

– Ага.

– Я серьёзно. Он мне нужен.

– Зачем?

– Я хочу узнать имена тех, кто... – Гэбриэл понизил голос, – тех, кто издевался надо мной. Клички их поганые я все знаю, а вот титулы и имена – нет.

– И ты скажешь этому Лодо...

– Он знает. Он ещё тогда знал, когда спас меня на Королевской Дороге. Он спрашивал меня про Сады и Редстоун. Я назову ему клички и прикажу узнать, кто за ними стоит. Как ещё я это узнаю?..

– И что сделаешь, когда узнаешь?

– Найду и убью.

Гарет промолчал... Молча они выехали на Ригстаунскую дорогу, повернули к городу. Но теперь это было нормальное родственное молчание, а не то напряжение, что искрило и потрескивало между ними прежде.

– Этого Лодо лучше держать при себе, согласен. Раз он так много знает... Ладно, пого- ричился я, признаю. Но ты же сам должен понимать: в нашей ситуации, когда все вокруг могут врагами быть, осторожнее надо!

– Я знаю. – Кивнул Гэбриэл. – И Лодо этому верю... как бы. Не до конца, ты понял? Я ко всему готов.

– Где напился-то? – С привычной усмешкой, от которой у Гэбриэла сразу стало так тепло на сердце, поинтересовался Гарет, и его брат фыркнул:

– А, в каком-то городке, там, – он махнул рукой в обратную сторону, – там свадьба была...

– Ты там Алискину не изменил?! – Шутливо ужаснулся Гарет, и Гэбриэл покаялся:

– Да я вообще не помню, где был и с кем изменял, не изменял... помню, в какую-то веревочку играли... вроде, целовался с кем-то... только ты того – Алисе ни слова!!!

– Вот гад, а?! Я тут не сплю, переживаю, а он пьянствует и целуется с кем попало!

– Тише ты!!!

В город братья въехали уже снова не разлей вода. Гэбриэл рассказал, что его ночью охра- няли волки, а Гарет напомнил, что он ещё когда ему говорил: волки не трогают ни Хлорингов, ни их владения. Но сам же и добавил:

– Только знать и говорить одно, а лично убедиться – другое. Испугался?

– Мне так было херово, – откровенно ответил Гэбриэл, – что даже если бы они съели меня, я не возникал бы, честно.

– Похмелье стрёмная штука. – Согласился Гарет. – Я крепче портвейна ничего не пью, и тебе то же советую. Советую! – Поднял он палец, и Гэбриэл, глянув на него, состроил рожу.

Члены муниципалитета и капитан городской стражи ждали Хлорингов с раннего утра.

– Почему о том, что о моём брате и его невесте распускают грязные сплетни, я узнаю случайно и тогда, когда эти слухи уже расплзлись по всему городу? – С порога спросил Гарет гневно, и капитан стражи чуть побледнел. За Гаретом шагали Гэбриэл, Марчелло, Адам, Матиас и Иво. – Я слушаю!

– Ваша светлость... – Шагнул ему навстречу фогт Грансвилла, – сами понимаете, вла- стям такое никто не передаст и не расскажет...

– А вам всё на блюдечке подать надо?! Воры и бандиты тоже к вам с докладом прихо- дят?! Приходят и говорят: «Я вор Сявка, украл вчера серебро из дома ювелира Бура, не хотите ли меня повязать именем его высочества?!». Так вы себе это представляете?! – Гарет гневно глянул на капитана, и тот сглотнул. – Вот был бы нам сюрприз к помолвке: обвинение невесты в распутстве, а моего брата – в содомии!

– Ваша светлость... – Попытался вставить слово фогт, и снова Гарет перебил его:

– Я уже всё знаю сам!!! То, что мне должен был доложить капитан стражи, мне доложил вообще посторонний человек!!! И клеветника задержали мои люди!!! Сколько ещё он болтался бы по городу и порочил нас?!

– Этот человек утверждает, что может доказать... хм... насчёт девушки. А всё, что было сказано о... об их сиятельстве, он отрицает, дескать, не говорил ничего...

– У меня есть свидетели, которые подтвердят каждое слово. – Процедил Гарет. – Сегодня мы устроим разбирательство, на площади, при всех.

– Может быть... – Вновь дёрнулся фогт, и Гарет отрезал:

– Не может!!! Такую клевету нужно пресекать сразу же, и самым безжалостным обра- зом, как ногу при гангрене! Иначе она расплзётся по всему острову, и доброе имя достойной девушки, я уже не говорю о моём брате и обо мне, будет замарано навсегда! Глашатаев по всей

Пойме, к трём часам пополудни здесь должно быть столько народу, сколько вместит площадь Генриха Великого!

– Милорд, но свидетели... Может быть...

– Плевал я на его свидетелей. – Скривился Гарет. – У меня есть свои.

– Я кое-что добавить хочу. – Вдруг подал голос Гэбриэл. – Я содомитов как-то не уважаю, и вообще... А потому предупреждаю сразу: того, кто посмеет меня в этом обвинить, – убью. Просто, возьму, и убью. Так, чтобы непонятно не было. Грех, понятное дело, но ничего – я отмолю.

– Вы моего брата слышали?... А если не убьёт он, убью я. И мне плевать, будет это мужик, старик или даже баба. Если они берегов совсем не видят и о принцах крови клеветать решаются, проблемы со зрением мы им будем решать радикально. Все меня слышали? – Он обвел глазами зал ратуши. – Советую донести эту мысль до всех своих домочадцев и знакомых, а мы сегодня озвучим её на площади. Заодно обсудим вознаграждение добрым людям, которые будут сообщать нам о фактах клеветы. Я думаю, это очень оживит местное общество, раз стража здесь горазда только мух на стеклах давить.

Фогт побледнел ещё сильнее, мигом сообразив, что последует за таким обещанием. В погоне за лёгким заработком...

– Милорд, – набрался он храбрости, – людишки у нас жадные и туповатые...

– А у нас, полукровок, – сверкнул на него глазами Гарет, – способ есть, наш, эльфийский, как ложь узнавать. Всё! – Он резко поднялся, и даже капитан стражи, и тот вздрогнул. – В три часа здесь всё должно быть готово.

Хлоринги и их люди ушли, гремя шпорами, и в зале ратуши какое-то время стояла тишина. На окнах жужжали мухи, но ни один из стражников, стоявших подле, не посмел задвинуть хоть одну – а прежде, судя по следам, это было их любимое развлечение.

– Дождались нового герцога. – Устало опустившись в кресло, подвигал шеей вспотевший фогт, промокнул лицо большим льняным носовым платком. – Святые угодники! Вот это уж точно не их высочество Гарольд Элодисский! Велите окна протереть, что ли... А то стыд и срам: кругом мухи давленные... Перед герцогом стыдно – сразу заметил! Как же ты прозевал сплетни эти, капитан?..

– Они осторожные были, этот купец и его слуги. – Виновато поведал тот. – При страже или топтунах городских ни словечка! Кто-то хорошо здесь наших людей знает и организовал всё грамотно. У моих людей появились сведения, что кто-то слухи какие-то грязные распускает, я велел послушать и донести, кто источник, но нашими средствами мы до самой помолвки бы, пожалуй, разбирались...

– А Хлоринг узнал мгновенно. – Резюмировал фогт. Вдохнул и вновь вытер лицо платком. – А ведь этот... второй точно убьёт. Что с Гакстом стало, все помнят?..

– Гнилой был человек, Гакст этот. – По-военному прямо брякнул капитан. – Гнилой и пакостный. Прежде на него почтенные жители жалобу подавали, что он девочек к себе заманивает сладостями и шупает их во всех местах, это ещё при прежнем фогте было.

– И что?

– А ничего. Отступного родителям заплатил, и замаяли дело. А потом он начал уезжать на юг регулярно, раз в три месяца, но я слышал, что он не по торговым делам ездит, а к гадалке Барр, про которую там, на Юге, говорят, что ведьма она. И их светлость объявил награду за неё.

– Ох, пожилы мы спокойно, и вот тебе: началось! – Вдохнул фогт. – Шпионы, клеветники... – Он подумал, что всё дело в полукровках, но посмотрел на своих приближённых и стражников, и – не рискнул сказать об этом. Гарет кое-чего уже добился: люди начали его бояться.

Если в первые дни своего крестового похода брат Корнелий носился по городам и весям Междуречья с небольшим отрядом кнехтов, то со временем у него собралась внушительная свита из ярых сторонников. Кое-кто из кнехтов, приставленных к нему Бергстремом, покинул его после первых же казней, но им на смену пришли люди гораздо более крепкие духом. Помимо бледных мужичков с жидкими бородёнками и горящими глазами, которые всегда с радостью и совершенно бескорыстно примыкают ко всяческим сектам и сборищам, и экзальтированных бабёнок, с ним теперь странствовали и вполне себе конкретные персонажи, в том числе и рыцари, бывшие раубриттеры (то есть, рыцари-разбойники, промышляющие грабежом и разбоем), одноштитные рыцари, наёмники и прочий суровый вооружённый люд, который присоединился к проповеднику отчасти по зову души, но в основном, чтобы досыта натешиться кровью и безнаказанностью и как следует нагреть руки. То, что в первые дни казалось каким-то бредом и так и воспринималось всеми здравомыслящими жителями Междуречья, две недели спустя вдруг приобрело какой-то узаконенный и опасный оттенок, а Корнелий заставил отнестись к себе серьёзно. Его жертвами становились не только незамужние беременные девушки, но даже вполне добропорядочные женщины, как правило, вдовы, оставшиеся после смерти мужа единственными наследницами его состояния. Если у беременной вдовы такого мужчины появлялся на свет мальчик, он оставлял имение и состояние отца за собой и за матерью. История умалчивает, кто именно из наследников второй и далее очереди сообразил, что с помощью Корнелия можно избавиться от потенциального наследника без всякого риска для себя, но идею тут же подхватили, и молодые вдовушки пошли в огонь, даже если признаков беременности у них и не наблюдалось. А заодно и несколько девушек, которые так же остались при выморочном имуществе своих отцов и отказывались выйти замуж за тех, кого им сватали опекуны. И не беда, если наследница вообще оказывалась девицей: к приходу Корнелия её бросали в тюрьму, где тюремщики исправляли это упущение. Корнелий шёл по Междуречью с хоругвями, с огромным крестом, который по очереди несли его преданные сторонники, с отрядом конных рыцарей и с неплохим обозом. Надо сказать, что зрелище они теперь представляли из себя очень красивое, значительное и грозное, когда шли, осенённые хоругвями и огромным крестом, под пение псалмов. Корнелий теперь щеголял белой короткой рясой с черным крестом, и такие же одеяния надевали поверх доспехов его рыцари. Белый цвет изображал святость, чёрный – пепел «спасённых» душ. На проповеди Корнелия теперь сбегался народ со всех окрестностей, стоило ему появиться. Ведь поп на этих проповедях «говорил правду» – то есть, тупо перечислял все навалившиеся на междуреченцев беды и проблемы, с искренним надрывом, с показательным возмущением. Называл паству «бедные дети мои», патетично вопрошал, «доколе же всё это нужно терпеть и прощать», пугал Божиим гневом и отмщением, если «не одумаются». Что ещё было нужно людям, уставшим от безысходности?.. Вроде, и не нищета, и не голодают, и в то же время все усилия как-то приподняться, вырваться из порочного круга – тщетны. Одну дыру латаешь, открывается несколько новых, и так изо дня в день, из года в год. Дети вырастают, женятся, и начинают тот же бег по кругу, и выхода нет, и не предвидится. Добраться бы до виноватых, и – *того* их всех! А Корнелий прямо указывал им на виновных, да ещё на таких, которых можно было уничтожить без всякого напряжения и опасности для себя, любимых. До королевы далеко, до рыцарей – опасно, а бабы-блудницы, это ж самое оно! Даже Бергстрем и его приятели, Смайли, Венгерт и фон Берг, неожиданно для себя обнаружили, что лично ими спущенный с поводка попик, их придурочный Корнелий, взял такую силу, что они уже и сами вынуждены считаться с ним. Дошло до того, что Корнелий со своей свитой явился в Лавбург, где Бергстрем ему показываться категорически запретил, и показательно сжёг там двенадцать женщин, невзирая на попытки Бергстрема протестовать. Тот вдруг понял, что попробуй он вмешаться – и на него пойдёт весь город, прежде такой лояльный и запуганный. Корнелий искусно заводил горожан речами о том, как светская власть потакает греху и разврату, и не в состоянии спасти Остров от банд полукровок и их распутства

и чудовищных преступлений. Просто удивительно было слушать, как человек, совершающий чудовищные убийства и потерявший всякие стыд, милосердие и совесть, с надрывом вещает о чужих преступлениях. То, что за неполный месяц его собственные зверства многократно превысили всё, что натворили полукровки за сорок лет, не волновало никого. Какая-то истерия страха и доноительства охватила Междуречье. Люди вдруг сообразили, что есть теперь, кому и куда пожаловаться на неугодного соседа, несговорчивую девицу, слишком удачливую приятельницу, да мало ли! У соседки слишком много детей и все здоровые – продала душу дьяволу, вот он и отводит от неё беду. У другой соседки детей нет – проклята, значит, порчена дьяволом, а то и вовсе ведьма. Слишком красивая – в огонь, слишком страшная – туда же, сосед слишком весёлый – радуется, что дьявол ему ворожит, слишком унылый – копит про себя злобу... Слишком везучий – тем более!!! А если всё в порядке, все среднее, не выдающееся, то ещё страшнее – нужно поскорее на них донести, а не то донесут на тебя. И тщетно в церквях прихожан призывали к спокойствию и порядку. Во многих городах, по слухам, открылись тайные пункты в определённых исповедальнях, и даже в кабаках, где можно было пожаловаться и донести, и быть уверенным, что всё запишут, запомнят, и в свой срок призовут к ответу тех, «кого следует».

Глава третья: Следствие

К трём часам на площади собралось столько народу, что яблоку, как говорится, упасть было негде. Люди толпились, обменивались сплетнями и своими соображениями насчёт того, что происходит. Слух, который только начали распространять купец и его слуги, пока ещё не успел расползтись по городу, многие были не в курсе и трактовали происходящее кто как разумел.

– Ты говорила, что мы в безопасности! – Шипел Марк на Барр в подворотне. – Если этот придурок сейчас начнёт болтать о том, кто и как его...

– Если начнёт, – перебила его Барр, – брось поближе к нему вот это. – Она протянула Марку кулёк, от которого исходила такая вонь, что Марк отшатнулся:

– Что это... Фу!!!

– Это твоё спасение. – Возразила Барр с презрительной усмешкой. – Как ты проберёшься к помосту, твоё дело, но если вдруг запахнет жареным, брось это, и все обойдётся.

– Колдовство какое-то? – Марк, преодолевая брезгливость, сунул нос в кулёк. – Крыса дохлая?!

– Крыса, крыса. – Ласково согласилась Барр. – Не разочаровывай меня, Хант. Я думала, что ты не трус.

– Я?! – Марк вырвал у неё кулёк. – Только как я незаметно это сделаю? Оно так воняет, что меня полгорода запомнит!

– Не запомнит. – Барр снова ласково усмехнулась. – Будут смотреть в упор и не увидят, будут пытаться вспомнить – и не вспомнят. Не переживай.

– Не переживай... Я вот не пойму, как вышло, что они так быстро нашу игру раскусили? Тодд не ошибался, он калач тёртый; знает, что, когда и сколько.

– Не надо недооценивать Хлорингов. Мальчишки – ничто, но их отец умён и давно правит герцогством. И слуга герцога, итальянец Месси, очень хитёр. Помни это в будущем.

– Это мой город, а не итальянца какого-то. – С угрозой пообещал Марк. – А всяким пришлым ловкачам здесь не место... Как бы не случилось с ним чего!

– Ступай. – Барр легонько толкнула его в плечо. – Хлоринги приехали.

Люди расступились перед пятерыми всадниками. Братья, Марчелло, Иво и Матиас поднялись на помост, герцог и Гэбриэл уселись в кресла, поставленные специально для них, у конторки замер секретарь, исполняющий все канцелярские обязанности при муниципалитете, худой долговязый парень с длинным лицом. Гарет глянул на волнующееся людское море, на небо – опять собираются тучки, как бы дождь не хлынул раньше времени! – кивнул герольду, и тот, выйдя вперёд, объявил существо дела.

– Клевета на принцев крови, – перечислял герольд, – обвинение его высочества, эрла Валенского, в грязном непотребстве, приравненное к государственной измене и посягательстве на честь короны, а так же клевета на достойную девицу и попытка опорочить её честь. Следствие по этому делу будет проводить лично его светлость герцог Элодисский на этом самом месте. Приведите обвиняемого.

Купец держался уверенно, и по нему не видно было, что он напуган или хотя бы растерян.

– Что ты можешь ответить на обвинение? – Спросил Гарет.

– В клевете на его высочество я не повинен, ничего такого про него я не говорил. – Быстро сказал «купец».

– Есть свидетели, которые утверждают обратное.

– Я говорил, ваша светлость, что слышал слухи такие, но сам этого не утверждал, и да поможет мне Бог!

– Где ты слышал такие слухи?

– Не помню. Где-то...

– Где именно? Если ты прибыл с Юга, как утверждаешь, а наш брат – с Севера, где именно ты слышал эту ложь?

– Да здесь, – купец начал нервничать, – здесь, в Блумсберри, и слышал!

– От кого?

– От... – Купец сглотнул, – от женщины. – Он вовремя увидел у помоста вчерашнего верзилу, и понял, что отмазаться не удастся. – Женщина больно благочестивая это говорила, как не поверить-то?

– Женщина. – Усмехнулся Гарет. – Как она выглядела? Не Барр ли это, случайно?

– Мать... мать Августа она была, так она назвалась. – Купец боялся Барр, но Хлорингов он боялся тоже. Особенно младшего – тот молчал, но так смотрел на него, постукивая кончиками пальцев по подлокотнику кресла, в котором сидел подле своего брата, что мороз по коже, и в животе стыл противный комок. Убьёт, убьёт ведь! Гакста убил у него дома, что ему стоит убить какого-то купца прямо здесь?! Слушая Барр и Марка, «купец» представлял себе женоподобного смазливового хлюпика, а оно вот как оказалось. Здоровый, как башня какая, а глаза... Святая Анна, страшные-то какие! Ещё и красным горят, как у кота какого... Или у демона, истинный крест, демон! И он добавил:

– Собака с нею была, чёрная... Прошу простить, ваше высочество, ваши, то есть, высочества, бес попутал, пьяный был, вот и ляпнул, больно свята была с виду женщина-то...

– Хорошо. – Гарет откинулся в кресле. – За сплетни про принца крови ты приговариваешься к усечению языка, позорному столбу, пятидесяти ударам плетью и изгнанию из герцогства. Теперь, что касается девушки.

– Она не девушка и уже давно. – Твёрдо произнёс купец. Усечение языка и порка – страшно, но жить останешься. Но если ещё и с девкой сорвётся, то казнят – или Барр убьёт, и не знаешь, что хуже. – Это такая прожжённая потаскушка, что клейма ставить негде! И это я готов подтвердить, и на Евангелии поклясться, и мои слуги тоже! Я сам пользовал её...

– Когда? – Спросил Гарет, незаметно пнув ногой Гэбриэла, который просто взбесился от сказанного.

– Да года два назад она у меня жила два месяца, и за это время...

– Ты был её первым мужчиной?

– Да ладно! До меня она уже пятерых поменяла...

– И сколько времени она провела с каждым из них?

– С первым то год, кажись, лакомый ведь кусочек, со вторым тоже около того, а дальше уж всё меньше... Поистаскалась слегка, вы ж понимаете.

– То есть, в общей сложности, получается больше пяти лет? – С силой наступив на ногу Гэбриэлу, продолжил вкрадчиво Гарет.

– Ну... Получается, так.

– Девушке, о которой ты говоришь, пятнадцать лет. – Ледяным тоном произнёс Гарет. – То есть, когда она попала к первому своему любовнику, ей десяти не было?.. Ты знаешь, как это называется в моём герцогстве? Это называется совращение ребёнка, и карается соответственно. Не помнишь, как?..

– Она... – Купец растерялся, но всего на миг. – Не верьте ей, ваша светлость, она врёт! Она просто выглядит такой, а на самом-то деле ей двадцать уже!

– Хорошо. – Сказал Гарет. – Где твои свидетели? Я хочу выслушать и их.

Слуги «купца» слаженно повторили всё, что сказал их господин. Гарет куснул губы. Помолчал, глядя на них. Потом сказал будничным тоном:

– Что ж, я думаю, девушку, которая была твоей любовницей два месяца, ты узнаешь?

– Ну, само собой! – Ухмыльнулся «купец». – Её когда из Ашфилда-то погнали, обстригли... Клейма не поставили, пожалели, больно миловидная, но волосы-то обкорнали!

Марчелло по знаку Гарета вывел из-за кресел братьев трёх невысоких рыжеволосых стриженных девушек, одетых в одинаковые простые белые платья. Все трое были миловидные, тоненькие, глазастые и заплаканные – волос было жалко страшно, хоть и получила за них каждая по десять дукатов – целое состояние. В это время стригли коротко только пойманных на проституции, и ходить без волос было смерти подобно.

– Так которая из них? – Спросил Гарет вкрадчиво. «Купец» нахмурился. Алису он не видел, Гарет не зря запретил ей появляться в городе, и даже за пределами Девичьей Башни и сада. По описанию подходили все три, вот незадача!

– Которая из них, говори! – Резко произнёс Гарет. Толпа притихла. «Купец» тоскливо пробежался взглядом по лицам, вновь взглянул на девушек и заметил в ушках одной из них алмазные серьги. А главное – успел увидеть, как она быстро переглянулась с Гэбриэлом Хлорингом, и тот мимолётно улыбнулся ей.

– Вот эта. – Уверенно указал он. Толпа ахнула и зашумела. Гэбриэл, научившийся в Садах Мечты мастерскому блефу, вспыхнул и привстал, но брат демонстративно одёрнул его и с недовольным видом переспросил:

– Ты уверен? Точно эта? – Ещё сильнее убедив купца в его правоте.

– Ещё бы не уверен! – С облегчением воскликнул он. – Как такую забудешь-то?!

– Вы подтверждаете? – Обернулся Гарет к «слугам», и те закивали согласно, как им и было приказано.

– И на Евангелии поклянётся?

– А давайте его сюда.

– Розы, – с мягкой усмешкой обратился герцог к девушке, – этот человек говорит, что ты сожительствовала с ним в Афшилде... На Евангелии поклясться готов.

– Чего?! – Упёрла руки в бока рыжая. – Ах ты, прыщ гнилой!!! Ах ты, скотиняка пакостная!!! Ты меня, честную девушку, блудницей обозвал?! Да я все zenки твои паршивые повыкарябаю!!! Я всю жизнь в Малом Городе живу, ни в жисть не уезжала никуда, все соседи знают, кто я такая, меня весь город знает, пердохер ты затраханый!!! – Её слова встретил взрыв хохота и аплодисментов в толпе, а купец переменялся в лице. – Жила я с ним два месяца – ха!!! Да я срать с тобой на одном поле не сяду, образина ты позорная! Тфу!!!

– Спасибо, Розы, спасибо, дорогая! – Смеясь, сказал Гарет, под дружный хохот толпы. Улыбался даже Гэбриэл, по-прежнему взбешённый. Уж больно смешно выглядела маленькая, худенькая девушка, ругающаяся, как портовый грузчик. Купец побледнел. – Как и обещал, серьги твои, это тебе компенсация за твою косу! А ты... как там тебя – Саймон Вилл? – Гарет вновь подался к нему. – Что, за два года память начисто отшибло? Я вот помню даже тех, кого лет десять не видал, а баб своих помню всех, хоть и было их у меня поболее твоего! Так что?! Ещё раз попробуем?! Их всего две осталось! Или та, или эта! А слуги твои что? – Голос Гарета утратил игривые нотки, стал ледяным и безжалостным. – Ну? У вас с памятью как?! Кто из этих девушек жил в вашем доме два месяца?! Что, всем память отшибло?! – Он выпрямился. – И не советую врать. У меня есть способ отличать вранье от правды. – Он кивнул Марчелло, и тот подошёл, налил вино в бокал.

– Соври мне. – Приказал Гарет, и взял в руку бокал.

– Я женщина, сеньор. – Отчётливо произнёс Марчелло. Отравленное вино в кубке вскипело, и над ним повалил чёрный дым; в толпе закричали, купец побелел и упал на колени:

– Ваша светлость!!!

Гарет велел налить себе новый кубок, поставил перед собой и приказал резко:

– Говори! Всё была ложь? Ложь и оговор?!

– Да... – Не сводя глаз с кубка, пролепетал купец. – Всё, всё... но не по своей воле! Приказали мне... приказали...

– И заплатили?

– Не... обещали... но не заплатили, нет... ещё нет... Я всё скажу, всё, ваша светлость! Как на духу, всё...

С мягким шлепком на помост перед ним упаладохлая крыса. Купец отшатнулся, Гарет нагнулся вперед, Гэбриэл быстро оглядел глазами толпу, определяя, кто кинул. Крыса вдруг подпрыгнула, и ближайшие к помосту люди отпрянули с дружным криком, женщины завизжали: корчась, крыса быстро деформировалась, из пасти полезла жёлтая пена... и в один миг на её месте возник карг, огромная тварь с крысиными глазами, рылом и телом дикой свиньи, собачьими лапами и крысиным хвостом. Плюясь жёлтой пеной, она бросилась на купца и в мгновение ока вырвала из его живота кусок кожи, мяса и даже каких-то внутренностей. Купец завизжал; Гэбриэл, опережая даже брата, вскочил, прыгнул вперёд, в прыжке ухитрившись пригвоздить мечом тварь к помосту, проткнув её насквозь. Глянул на купца – тот смотрел на него круглыми от ужаса глазами, пролепетал беспомощно, почти по-детски:

– Помогите... мне... – Гэбриэл глянул на зажатые в клыках агонизирующего карга внутренности, тянувшиеся из разорванного живота... И свободной рукой, обнажив кинжал, молниеносно полоснул купца по горлу. Выпрямился, вытирая кинжал и оставив Виндсвааль в туше карга, который всё хрипел, бился и скрёб лапами помост. Гарет, тоже вскочивший, подошёл к нему, так же обвёл глазами толпу. Спросил хриплым от ярости голосом:

– Кто бросил крысу?!

Люди озирались, смотрели друг на друга, и никто не мог сказать ничего определённого, даже стражники, которые даже не поняли, с какой стороны прилетела тушка. Карг, издохнув, превратился обратно в крысу, и в толпе снова ахнули от ужаса, но и восторга: это сколько же теперь можно будет рассказывать, обсуждать и смаковать произошедшее?!

– Барр! – Хрипло крикнул Гэбриэл. – Слышишь меня, сука старая?! Я знаю, это твои дела поганные, ведьма чёртова!!! Это ты мою невесту опорочить надумала, тварь?! Я знаю, что это ты нашу мать погубила!!! Твои некромантские дела, а, тварь?!!! – И в толпе снова раздались ахи и возгласы. – Но больше ты никого из моей семьи не тронешь, паскуда!!! Ты поняла?! Я и саму тебя найду, небом клянусь, найду и порешу, и никакие колдунства не помогут тебе, сука ядовитая!!! Ты поняла меня?!!

– Я слышу тебя, гадёныш. – Прошипела себе под нос Барр, глядя на него из подворотни проходного двора, где чувствовала себя в безопасности. – Только зря ты бахвалишься... – И всё же слова Гэбриэла её взбесили, не меньше, чем ловкость и сила, с которыми он прикончил карга, которых, как она знала, простым оружием убить было невероятно сложно. Если честно, она надеялась, что карг натворит дел, покусает и порвёт несколько человек прежде, чем его прикончат, хотела и рассчитывала на это. Гэбриэл вновь разрушил её планы. Быстрый, тварёныш, сильный и наглый... и всегда был таким! А Гарета она недооценила... Умён, гадёныш, ничего не скажешь, как блестяще переиграл их с Марком комбинацию... А ведь так отлично всё было задумано! Она с кривой усмешкой презрения, но и бешенства, слушала, как Гарет сам, лично, перечисляет её приметы, называет её имена: Александра Барр, мать Августа, паломница из святой земли, – и объявляет за её голову награду: триста золотых дукатов за живую, и сто – за мёртвую. Да, она им по-прежнему не по зубам, так же, как и прежде, и всё-таки это очень осложнит её жизнь. Братья умны и упрямы: Гарет заявил во всеуслышание, что отныне этот его приказ будет оглашаться каждые три дня во всех городах и посёлках Поймы, вместе с приметами колдуны. То есть, в таверне не заночуешь и спокойно не поешь. Понятное дело, посещать Гранствилл это ей не помешает, но определённые трудности создаст... Барр решила встретиться со Штормом. У того, кажется, есть какой-то дом?..

– Нет. – Отрезал Шторм, когда она нашла его и заговорила о том, чтобы использовать его дом в качестве своего убежища. – Мне там Чуха не нужна.

– Если ты, эльфийский поскрёбыш, ещё раз посмеешь назвать меня чухой...

– То что? – Скривился Шторм. – Не нужна ты мне там. Ты вообще мне не нужна. Хозяин имеет право верить тебе и пользоваться тобой, а мне тебя не надо. Ни тебя, ни твоей твари. – Кивнул он на собаку. – Выкручивайся сама.

– Как бы тебе не пожалеть об этом! – В бешенстве Барр только что не кидалась на Шторма: её магия на эльдара не действовала, и она могла бы щёлкать перед ним пальцами сколько угодно, Шторм только сморщился презрительно. – Хозяин прикажет тебе, и ты будешь подчиняться мне и защищать меня, как миленький!

– Когда прикажет, тогда и буду. – Бестрепетно ответил Шторм. – Всё? Ты меня достала. – Повернулся и пошёл. Несколько секунд Барр готова была натравить на него пса, но сдержалась: Шторм вполне мог убить её собаку, а пса Барр искренне и нежно любила, наплатила его своей магией, создав в нём резерв магических сил. Пёс был не только питомцем и другом, но и талисманом, даже оберегом. Рисковать им Барр не могла... Но и спустить это наглому элдару так просто она не могла тоже.

Впрочем, это потом... А пока – она в тупике, и что бы сегодня ни пыталась сделать, всё не получалось или получалось кое-как... Ну, это ещё не конец света. Хотя мысль о том, что проклятая девка по-прежнему готовится к свадьбе и торжествует про себя, была противна.

Помимо страха перед Аяксом и желания получить сотню дукатов, Доктора очень грела мысль о том, что какую бы судьбу ни уготовил Аякс Марии, смерть девушки в любом случае будет страшной и долгой. И вот что удивительно: он был уверен, что дитя Марии – от Гора; но ни на секунду не допустил и мысли, что Гор может что-то испытывать к своему ребёнку. Доктор считал, что жестокость по отношению к «дристунам», его презрение к ним, как-то возвышает его над лицемерно сюсюкающим быдлом. Отрицая всякую нежность и даже снисходительность к детям он, Доктор, проявляет ум, смелость, оригинальность мышления и некий обаятельный цинизм, некий интеллектуальный шарм, чёрт возьми. Властелин его сердца по определению должен был быть солидарен с ним в этом, и, представляя, как будет, смеясь, рассказывать Гору о страшной судьбе Марии и его ребёнка, Доктор уверен был, что тот посмеётся вместе с ним.

Пока же он развлекался тем, что каждый день по несколько раз рассказывал Марии, кто такой Аякс, что он делает со своими жертвами, и какая судьба ждёт её саму и её дитя. Делал он это, не жалея красок и подробностей, и доводил девушку до иступления. Это было жутко: ощутить своё материнство, ощутить ребёнка в себе, как нечто драгоценное, самое важное во Вселенной, и знать, какая гибель его ожидает, и быть бессильной что-либо изменить! Мария старалась зажмуриться так, чтобы появился звон в ушах, и заглушил бы глумливый голос, но он впивался в мозг, в сердце, причиняя невероятные страдания. Казалось, что это страдание само по себе должно убить её, потому, что нельзя было так жить и так чувствовать, это было чудовищно само по себе. Когда в один день – прекрасным любой день в Садах Мечты назвать было нельзя, – Доктор торжественно объявил ей, что пора: за ней сегодня приплывёт её новый хозяин. Впервые с тех пор, как очутилась в Садах Мечты, девушка по его приказу оделась не в бутафорское одеяние нимфы или монахини, а в добротные, хоть и уродливые, юбку и деревенскую рубашку. Всё сильнее чувствуя неудобство из-за отсутствия Паскуды, Доктор сильно злился, отказываясь признать, что Чуха могла оказаться нужной и даже незаменимой, и его злобу чувствовали на себе все девушки до единой, и особенно – Саманта и Марта, тоже беременные и теперь ставшие помощницами Доктора по Девичнику. Он орал и бил их, а Мария, одеваясь, жадно вглядывалась во всё, что её окружало. Сознывая, что отправляется на смерть, она, как ни странно, сожалела обо всём, что оставляла тут. Как бы то ни было, а это место почти полгода было её домом. На лежанке за решётчатой дверью Мария находила какой-никакой покой и отдых, здесь оставались Марта, Саманта и бедняжка Клэр, здесь ещё ощущалось незримое присутствие Трисс и её ночного друга, Гэбриэла... Это было всё, что ещё оставалось Марии в этом мире – а теперь она теряла и это, чтобы следом потерять и саму жизнь. Оцепенев

от отчаяния, Мария обводила глазами помещение, бассейн, даже отвратительные барельефы, и слёзы бежали двумя ручейками по щекам и дрожащим губам. И получила очередную безжалостную оплеуху от Доктора:

– Не смей пялить зенки, паскуда писежолая!!! Быстро в пол опустила, тварь!!!

И что-то в Марии взорвалось. С бешеным животным воплем она бросилась на Доктора, который, не ожидая такой атаки, рухнул навзничь и заверещал по-бабьи, и принялась кусать и царапать его – нет, рвать ногтями и зубами, чувствуя привкус его поганой крови во рту! Вся дрожа от яростного желания убить его, порвать, уничтожить, Мария не чувствовала ударов, которые наносил ей стражник, пытаясь оттащить от Доктора, не обращала внимания на сопротивление самого Доктора, бешенство и отчаяние придало ей сил. Стражник – это был Клык, – облил её водой из бассейна, и только тогда смог оттащить в сторону, причём девушка извивалась, рычала, как взбесившееся животное, и пыталась кусать и его руки. Доктор вскочил, схватил палку, намеренный забить её насмерть, но тут Клык заметил, что девушка с животом, и бросился между ними:

– Не дам беременную девку бить!

– Чего?! – И без того некрасивое, лицо Доктора, все исцарапанное, в крови, с вытаращенными глазами и ощеренными зубами, было чудовищно. Клык сжал кулаки, в одном из которых был короткий меч:

– Не дам, и всё! Пошёл в жопу, придурок!!! Ветер!!!

Второй стражник, приятель Клыка, развлекающийся с Клэр, бросил своё занятие и подбежал к Клыку:

– Чего вы тут?!

– Сторожи этого... Я девку заберу отсюда!

– Сдурел?!

– Да, сдурел. – Клык был бледен, но настроен был решительно. – Достало меня – смотреть на это всё!

– Ты ви... – Доктора трясло, – ви...

– Видел; и чё?! – С вызовом спросил Клык. – Сам просишь! Они когда-нибудь все вместе набросятся на тебя да и порвут на хрен – и правильно сделают!!!

– Да я тебя... я те... – У Доктора, от изумления, от шока, сделался припадок: глаза закатились, его затрясло, меж посиневшими губами появилась пена.

– Эй, – испугался Ветер, – а он не сдохнет?!..

– Да и хрен с ним. – Клык глянул на Марию со смесью жалости, досады и замешательства:

– Вот с девкой что?

– на хрен она тебе сдалась?

– Да ни на хрен... – Клык снова покосился на Доктора:

– Скажем ему, когда очнётся, – если очнётся, – что девка сдохла...

– И куда её?

– В ту конуру, где солома. – Клык подхватил на руки безвольно поникшую девушку. Она была так слаба, что этот всплеск совершенно опустошил её, Мария больше не в силах была не только шевелиться, но даже что-то чувствовать. На неё накатило спасительное оцепенение; она отказывалась слышать, видеть и чувствовать, замкнулась в себе.

– А потом? – Не отставал Ветер, пока Клык нес по коридорам Марию.

– Чего пристал?! – Огрызнулся тот. – Не знаю, что потом! Да ты посмотри на неё, она и так скоро сдохнет... Пусть хоть в покое полежит это время. А потом потихоньку скинем её в море, да и всё. – Он пристроил девушку на солому в небольшом чуланчике, где было прохладно, но зато довольно света, присыпал соломой:

– Ну, вот. Надо воды ей поставить, и хлеба краюху, что ли... А я пойду, скажу этому жирдяю, Аяксу, что девка сдохла. Скажу, что Клизма её палкой отхерачил, и она того... дуба дала.

– ОН же потом Клизму сам того...

– Ага. Пожалей его, валяй! – Фыркнул Клык, которому когда-то, пока он был молоденьким пацаном в Конюшне, здорово доставалось от Доктора, так как он был в его вкусе, и Клык этого не забыл и не простил. – Может, жопу ему подотрёшь?..

– Нужен он мне... – Хмыкнул Ветер. – Просто зря ты это затеял!

– Сам знаю, что зря – Пожал плечами Клык, который и в самом деле уже раскаивался в том, что сделал. Но назад пути уже не было – не отдавать же девку Аяксу! Тот ещё поганей Доктора, и подумать, и то мерзко, для чего ему именно беременная нужна! У Клыка, не смотря на Сады Мечты, сохранились нормальные, живые чувства и инстинкты, и младенцев он жалел, хоть и побаивался. Но страх его шёл не от ненависти или неприятия, а от боязни по неосторожности причинить этим хрупким крошечным созданиям вред. Считая это проявлением мужественности, он, вслед за Доктором, называл их «дристунами» и «гномиками», но в душе был нормальным, обычным, и довольно неплохим парнем. Марию саму по себе он, может, и не пожалел бы, точнее, не вступился, но беременная девушка – это было уже другое.

– ТО есть, как – сдохла?! – У Аякса от ярости дыбом встали короткие рыжие толстые волосы на загривке, как у зверя. – Как это: сдохла?!

– Доктор напоследок решил ей люлей дать, она взбесилась, бросилась на него, царапаться стала, и он её палкой забил. – Бестрепетно глядя ему в маленькие бешеные глазки, отвечивал Клык. – Спроси у Ветра, он там был, подтвердит. Мы его пытались остановить, а он как сбесился, аж пена изо рта пошла...

– Где труп?! – Прошипел Аякс.

– В колодец скинули. На фига ей там лежать, вонять?.. Жарко стало, так-то.

– Убью уроды!!! – заревел Аякс в бешенстве. – Убью паскуду!!! – Рванулся мимо Клыка в грот, но порыв его тут же и остыл: в лабиринте гротов и естественных пещер, не зная дороги, заблудиться ничего не стоило. – Пусть только высунется из норы своей, падла... Убью!!! – Он ещё долго ревел и крушил камни, вымещая ярость на всём, что попадалось под руку, пока Клык благоразумно спрятался от него в гроте и про себя от души злорадствовал: надо же, как удачно всё вышло! Вот Клизма встрял, гад ползучий! Аякс его точно порешит, точно – этот отморозок слов на ветер не бросает! И оправданиям Клизмы он не поверит, Клизма врёт, как дышит, и это все знают!!! Вот свезло! А он ещё, болван, сомневался...

За три дня до помолвки в Хефлинуэлл начали подтягиваться гости. Первыми приехали дворяне Поймы и Королевской дороги, в том числе граф Ригстауна Морис Дрю и Вэйлы, управляющий Июсским замком с супругой, которая привезла свой знаменитый пирог, и, розовея, вручила его Гэбриэлу. Тот, до того момента встречавший гостей с привычно холодным и суровым лицом, улыбнулся ей своей сказочной улыбкой, принимая пирог:

– Благодарю! Пирог у вас волшебный, я его помню до сих пор! – И не одно девичье и женское сердце дрогнуло при виде этой улыбки!

Гостей разместили в Золотой и Девичей башнях, часть свиты – в Гранствилле. Вечером накрыли столы уже в Малом Рыцарском зале – зал, где ужинал в кругу семьи его высочество, был для всех маловат, а Большой зал готовили к новому пиршеству, которое обещало стать даже пышнее и роскошнее, чем предыдущее. Габи, страшно недовольная и вечно ко всему придирающаяся, таки приняла участие в подготовке, хотя, по словам Глэдис, «лучше б уж просто не лезла!». Зато в подготовке так же приняла участие и Алиса; ей активно помогала Тильда, деятельная натура которой просто не могла смириться с тем, что кругом кипеш, а она в нем не участвует. И вот они обе помогали Глэдис куда больше, настолько, что в этот раз даже не

дёртали поминутно Гарета. Алиса храбро взяла на себя многие моменты, требовавшие финансовых затрат и особого разрешения, записывала все и показывала Гарету – пока он не сказал, что полностью доверяет ей в этом вопросе, так как убедился, что она ответственно и разумно подходит к делу. После этого дело у них пошло веселее. Тильда оказалась просто незаменима в вопросе экономии времени и средств, её советы помогли сократить бюджет мероприятия ровно в половину и страшно расстроили этим купцов и торговцев Гранствилла, которые собирались хорошо заработать на помолвке – даже больше, чем получилось в прошлый раз. Алиса, полная решимости стать для Гэбриэла идеальной женой, училась у Тильды, училась у Глэдис, про себя поражаясь, как велики и важны обязанности женщин – хозяйек замка! Те, кто считал, что госпожа только сидит, вышивает да ждёт домой своего господина, фатально заблуждались. На ней было огромное хозяйство, множество слуг и служанок, организация обедов, завтраков, ужинов, досуга и комфорта, бельё, посуда, еда, запасы. Если в замке плохо принимали гостей, если гости и их слуги остались чем-то недовольны, или, не дай Бог, их плохо покормили – позор ложился на хозяйку такого замка, и, не смотря на наличие слуг, управляющего, экономки и прочего полезного люда, она должна была лично за всем проследить и всё проконтролировать, а потом ещё встретить гостей и всем уделить внимание, всем дать почувствовать себя желанными гостями и объектами искренней заботы. Первый общий ужин организовывала под надзором Глэдис и Тильды как раз Алиса, и волновалась при этом так, что даже побледнела и осунулась. Каждому гостю следовало отвести место сообразно его статусу и амбициям, найти компромисс там, где на одно место получалось и два, и три кандидата, соблюсти сервировку, учесть даже их аппетиты и манеры!

– Хозяин из Малой Горки, – говорила Глэдис, – жрёт, как свинья, стол после него потом весь грязный и залитый вином и подливом, но Боже упаси подстелить ему лишнюю салфетку поплотнее, заметит и обидится... Надо его усадить так, чтобы рядом не оказалось девицы какой впечатлительной или аккуратиста какого вроде хозяина Малого Города... И салфетку сунуть под скатерть, чтобы не видно было её... И скатерть на этот стол постелем ту, что уже почти прохудилась, после и выбросим. – Всё это началось за час до того, как гости начали усаживаться за столы, нахваливая убранство Малого Рыцарского Зала, над которым работала сама Алиса. И как же девушке было приятно! Её старания не пропали даром, её оценили и хвалили, правда, не зная, что это она – но ей всё равно было приятно, а что дивиденды собирала официальная хозяйка дома Габриэлла – так и Бог с нею! Алиса была уверена, что её от неё не уйдет. Не сейчас, так в будущем! А Гэбриэл, его брат и батюшка всё равно знают, чья всё это заслуга, и Алиса ловила на себе их одобрительные взгляды и розовела от счастья. Клеветника вычислили вовремя: теперь в Гранствилле рассказывали о триумфе Гарета, о том, как убил на глазах у всех чудовище Гэбриэл Хлоринг, о том, как опозорился горе-купец, которого загрызло вызванное ведьмой-некроманткой чудовище, о самой этой ведьме – и никто и не помышлял пачкать в грязи имя Алисы. Марчелло постарался и тут: оплаченные Гаретом ваганты, менестрели и жонглёры пели и рассказывали на площадях городков и деревень Поймы о ведьме, уме герцога и доблести его брата, и бдительно пресекали даже самые нейтральные попытки обсудить Алису Манфред. Его высочество посоветовал Алисе заняться благотворительностью и помощью бедным и сиротам, чтобы создать себе прочную репутацию и завоевать уважение, Гэбриэл пообещал всё это профинансировать, и после помолвки девушке предстояла настоящая работа.

Но пока что – она наслаждалась. На ужин в Малый Рыцарский она надела первый из своих новых нарядов, горчично-бело-золотой, с набором специально для неё заказанных украшений, сотворённых эльфами из золота, горного хрусталя, рубинов и алмазов, бесподобную шляпку и умопомрачительные туфельки. К этому великолепию прилагалась изящная сумочка со всем необходимым, и Алиса чувствовала себя прекрасно. У неё был отменный вкус, и своим новым обликом она осталась довольна; что же касается гостей, те просто столбенели при виде

девушки, облик которой заставлял скончаться в страшных корчах всякую предвзятость, всякую веру в сплетни и в то, что Гэбриэл женится на ней по воле брата. В последнее не поверил бы ни один мужчина в возрасте от пяти до пятисот лет, так как каждый, кто видел её сегодня, готов был, не раздумывая, взять её замуж на радость и на горе любую, даже босую и опозоренную. Ужин прошёл великолепно, все, кроме Габи, остались довольны. Поздно вечером, у него в покоях, Гэбриэл, Иво и Алиса съели роскошный пирог, который удался экономке Июсского замка даже лучше, чем достопамятный пирог, съеденный Гэбриэлом единолично, о чём он, смеясь и краснея, и рассказал, уплетая его на этот раз с другом и невестой.

– А я бы слопал тоже. – Кивнул Иво. – Ум-м-м, вкуснотища!

– Очень вкусный пирог. – Согласилась Алиса. – Хорошо, что это моя экономка так его готовит! Они очень хорошие, я сегодня с нею уже поговорила, и она, между прочим, радуется, что у Июсского замка есть теперь графиня. И ждёт меня в гости!

– А чё, съездим. – Кивнул Гэбриэл. – Как-нибудь соберёмся, да и съездим... Я так-то не очень хорошо всё помню, но замок красивый, да.

– Скорее бы помолвка. – Вздохнула Алиса. – Все эти хлопоты, и все эти гости... В Девичьей башне столько людей! Столько служанок, и просто ещё не знаю, кого! А завтра приедут ещё посол и его жена...

– Ну, они-то скоро не уедут. – Пообещал Гэбриэл. – Брат говорит, они месяца два будут гостить, как минимум. Как и этот... консул?

– Консорт. – Чопорно поправил его Иво. – Это муж королевы, который отвечает только за появление наследника, но не имеет никаких прав ни на престол, ни... да вообще никаких прав не имеет.

– Самец, короче. – Фыркнул Гэбриэл. – Ну-ка, ну-ка! Убери ручонки свои от моего куска! Это мой!!!

Посла с супругой, консорта Фридриха и кардинала встречали в порту, все, даже его высочество. В последнее время он выезжал всё чаще, чувствуя себя великолепно, и его подданные постепенно привыкали к тому, что их принц вновь принадлежит им. В это время верили, что прикосновение королевской особы священо и может излечить любую самую страшную болезнь, а в прикосновения принца Гарольда Элодисского верили вдвойне, и вдоль дороги к Гранствиллу, от Брыльского перекрёстка и до самого города, толпились нищие и убогие всех мастей, с набором всех мыслимых и немыслимых хворей и увечий. Самое удивительное, что исцеления и в самом деле случались, так как эффект плацебо – вещь реальная. Особенно часто исцелялись хромые и парализованные.

Посол, кастильский граф с умопомрачительным именем Хуан Франсиско Мария Луси-энес-и-Гассет де Карвахаль, прибыл в сопровождении супруги, Амалии Лауры Консепсьон, или просто Амалии, переводчика, телохранителя-мавра, здоровенного темнокожего воина с внимательными чёрными, как южная ночь, глазами, не уступающего ни братьям в росте, ни Нэшу – в комплекции, в золочёной броне и с экзотическим оружием, и секретаря – итальянца. Сам граф ехал на андалузском боевом коне, мужчины его свиты – тоже, а вот Амалия восседала на прекрасной арабской кобылице, лёгкой, изящной, маленькой на фоне рыцарских лошадей, но бесподобно красивой. С ними прибыла достойная таких знатных особ свита, которую, как теперь знала Алиса, предстояло разместить, никого не обидев, хозяйке дома. Его высочество, встретив гостей, приветствовал графа по-испански, а Фридриха – по-немецки, а затем представил им членов своей семьи, настоящих и будущую. Фридрих так и впился глазами в Габи, и вправду – копию Изабеллы, только юную, но такую же стервозную на вид. А красавица Амалия не сводила глаз с братьев, поминая про себя нехорошим словом Ангела: полукровка, ночевавший на острове Мёртвой Королевы, всё-таки оказался Гэбриэлом Хлорингом! Но, с другой стороны... Может, и к лучшему?.. Братья были сказочно красивы. Амалия, молодая и очень

красивая брюнетка, статная, высокая, гибкая, с большими карими южными глазами и нежной кожей, необычайно заинтересовалась эльфами, утверждая, что до приезда в Нордланд вообще не верила в их существование, а здесь постоянно слышит о них, но до сих пор ни одного не видела.

– Один эльф, Старшей Крови, сейчас гостит в Хефлинуэлле. – Сообщил Гарет, с интересом поглядывающий на привлекательную графиню. – Он не присутствует обычно на многочисленных человеческих сборищах, но позже я вас познакомлю, и вы сами убедитесь, что слухи правдивы.

– А ваши... простите мне, я, может быть, бестактна... ваши глаза и уши – от эльфов?..

– Я бы даже бестактность простил такой очаровательной даме, но нет, меня это вовсе не трогает. Да, это от эльфов. Мы с братом очень похожи на маму.

– Тогда она была редкостная красавица!

– Все эльфы красивы. – Усмехнулся Гарет, ничуть не смущённый комплиментом. – В этом ничего удивительного нет.

«Самодовольный, самоуверенный, избалованный! – Подумала Амалия. – Хорош, ничего не скажешь, но как же я таких ненавижу! Такой и пальцем не шевельнёт, чтобы добиться благосклонности женщины. Выбирает, небось, из тех, кто за ним бежит, копается в них, как в куче апельсинов... А его брат – совсем иное. Даже, пожалуй, не пойму пока, что».

Одно стало понятно очень быстро: он весь поглощён своей невестой. Он не сводил глаз с этой маленькой девушки, слышал каждый её вздох, и как только после праздничного ужина начались танцы, их было уже не оторвать друг от друга. Амалию охватило уже знакомое ей ревнивое и азартное чувство. Она была шпионкой и работала на Ватикан, но кроме того, она была из тех привлекательных женщин, которые считают делом чести соблазнить именно того мужчину, который влюблён в кого-то, считается верным мужем, кем-то сильно увлечён. Правда, ей было уже двадцать семь лет – возраст, когда у женщин Нордланда появляются внуки, – но выглядела она едва ли на двадцать с небольшим, и выглядела великолепно. До сих пор ей удавалось всё, что она затевала, и за нею вился шлейф семейных скандалов, разбитых сердец, даже самоубийств, чем она откровенно гордилась и при случае хвасталась, правда, сопровождая воспоминания о самоубийцах обоего пола лицемерным вздохом: «Бедняжка, но что тут было поделать? Или: бедолага, он так меня любил!». На самом деле она не испытывала ни жалости, ни раскаяния, а свои трофеи лелеяла в памяти и сердце, как охотник чучела убитых им зверей. На Алису, влюблёнными сияющими глазами глядящую на Гэбриэла, Амалия поглядывала именно, как на будущий трофей, самодовольно, не без злорадства. Да, девочка дивно хороша. Но кто она такая против неё, опытной, хладнокровной и прекрасной?! Даже с её очаровательным пением?.. Да, Гарет – дичь знатная, и сложная, но, в конце концов, и не такие зубы падали к её прекрасным ногам. А вот Гэбриэл и его невеста... И Амалия, не раздумывая, пошла на штурм.

От Дрэда она знала всю историю Гэбриэла: как он был похищен, где был, что делал, как сбежал, и полагала, что ему, не избалованному, как брат, да ещё сознающему в глубине души свой позор, внимание и авансы такой, как она, будут за счастье. Вот только она многого не знала; например, как и Кенка, Дрэд верил, что Гэбриэлу помог бежать епископ Гранствиллский, которого до сих пор усиленно искали и Далвеганцы, и Рим. Они даже допустить не могли, что Гэбриэл бежал сам, бежал оттуда, откуда бежать было просто невозможно. С их точки зрения, у Гэбриэла и епископа была связь, и именно из-за страсти епископ и рискнул всем, вытащив своего любовника и вернув его в семью. Именно так и смотрела на Гэбриэла Амалия, в то же время отмечая для себя, что он выглядит, по крайней мере, внешне, гораздо серьёзнее и опаснее своего брата. Дрэд не верил, что Гэбриэл сам убил вампиришу – считал, что это брат куёт для своего брата легенду, которая принесла бы ему популярность. Амалия и сама не верила... И всё же женская интуиция вступила в противоречие с тем, что она слышала и в

чём только что была уверена. Она колебалась: какой тактики придерживаться? Той, которую продумала прежде, чем увидела этого юношу, слишком красивого, слишком непроницаемого для того, каким его описывали? Он казался сдержанным и неприветливым, но в этом не было ни грамма неуверенности в себе, напротив, он был холоден и спокоен, как спокойны только очень сильные и уверенные в себе люди. И лишь своей невесте он улыбался с нежностью, преобразившей его холодное красивое лицо, которое становилось таким простым и даже трогательным, что делалось завидно. Амалия решила начать с того, чтобы заставить его улыбнуться так ей.

– С которого из двух ты решила начать? – Спросил Хуан Фернандо по-испански, приблизившись к ней.

– С графа. – Ответила Амалия.

– Он скоро женится.

– Тем более. Представляешь, каким выйдет скандал, если невеста застукает его у моих ног?..

– Но нам-то что с того? Опять взялась за свои игры?! Забыла, что нам нужно спровоцировать дуэль из ревности?!

– Но если она приревнует, то ты и подавно можешь это сделать! Ты просто обязан будешь это сделать.

– Смотри! – Он резко повернул голову. Он тоже был красив, в его красоте было что-то резкое, ястребиное, он вздёргивал и поворачивал голову, как хищная птица, и глаза его, коньячного цвета, тоже были похожи на птичьи, безжалостные и пустые. У него был очень аристократический профиль, потому он и выдавал себя за кастильского гранда; на самом деле он был простолюдин, бывший разбойник, Хуанито Эль Камборьо, в своё время пойманный властями Севильи и завербованный доминиканцами. Дон Хуан Фернандо славился тем, что убивал неугодных Риму титулованных особ, провоцируя дуэли и поединки, убирал чисто и блестяще, так, что придаться ни к чему было нельзя. На Амалии он и в самом деле был женат, но смотрел на её игры сквозь пальцы, изображая ревность лишь тогда, когда этого требовали интересы дела. Среди северных народов существовало стойкое убеждение, что испанцы – страстный, гордый и неистовый в чувствах народ, поэтому вспышки его ревности и следующие за этим дуэли никого не удивляли и не вызвали лишних подозрений. А держался он так, что позавидовал бы сам король Кастилии, столько в нём было достоинства, высокомерия и аристократизма. Даже его высочество ничего не заподозрил, беседуя с ним о мавританском завоевании и о борьбе с захватчиками. Он был абсолютно уверен, что беседует с потомственным дворянином.

Супруга дона Хуана в этот момент, наконец-то дождавшись, пока Гэбриэл останется один, незаметно приблизилась к нему и встала поодаль. Ей и в голову не могло прийти, что полуэльфу её соседство не особенно приятно. После нескольких танцев от неё ощутимо пахло потом, вдобавок, бани она, как большинство европейцев в это время, не признавала и не считала мытьё таким уж необходимым действием. Она воспользовалась дорогими арабскими духами и считала это вполне достаточным; во всяком случае, никто прежде на это внимания не обращал.

– Простите, – обратилась она к Гэбриэлу с милой улыбкой, – вы не подскажете, кто этот дворянин? – Указав на какого-то рыцаря с незнакомым Гэбриэлу гербом.

– Нет. – Ответил он лаконично. Он чувствовал, что даме зачем-то хочется пообщаться, но не испытывал ни малейшего желания к этому. И не только потому, что от неё пахло, как и от остальных дайкин. Он боялся, что сейчас вернётся Алиса, и в её ревнивую головку что-нибудь взбредёт... Накануне помолвки это было, ну вообще, не нужно!

– Простите, – повторила она, словно невзначай, дотрагиваясь кончиками тонких пальцев до рукава его камзола, – я вам, наверное, кажусь невежливой?

– Почему? – Приподнял Гэбриэл тёмную бровь. Его взгляд Амалию неприятно удивил. В его тёмно-серых глазах не было ни капли интереса, ни мужского, ни какого бы то ни было ещё. Он смотрел на неё не как на привлекательную женщину, а как... на какую-то помеху, досадную мелочь.

– Вы, кажется, не расположены общаться. – Она попыталась сломать лёд, улыбнувшись мило и беспомощно. Гэбриэл чуть смягчился, по крайней мере, взгляд слегка потеплел, когда он сказал:

– Я просто не особенно это умею. Все эти светские беседы, вся эта хрень куртуазная... прошу прощения, видите: слова грубые так и прут. Не принимайте на свой счёт, миледи, я вообще вот такой.

– Со своей невестой вы иной. – Интимно произнесла Амалия, опрометчиво приближаясь к нему. Гэбриэл собрал в кулак всю свою волю, чтобы не выдать, до чего ему неприятно. – Я весь день люблюсь вами: вы такая прелестная пара! Вы такой... сильный, высокий... – Она провела пальчиком по его рукаву, – а она такая хрупкая... Позвольте вас поздравить!

– Спасибо. – Лаконично ответил Гэбриэл и поискал глазами Алису. Та ушла с Авророй и Юной, чтобы привести себя в порядок, как она сказала; пока что её нигде не было видно. Тогда он нашёл взглядом брата и тот мгновенно его понял, извинился перед дамами, с которыми о чём-то разговаривал, и подошёл к ним:

– Донна Амалия! – Поцеловал руку красавице, ненавязчиво и очень искусно увлекая её от брата, который тут же поспешил присоединиться к другим гостям, которые что-то оживлённо обсуждали за своим столом.

– Я имел честь и удовольствие видеть вас пару раз в Дании, в Копенгагене, но тогда мы не были представлены. – Гарет говорил и откровенно разглядывал Амалию, не скрывая, что оценивает её. Как она ненавидела этот мужской взгляд! Словно она вещь на витрине, к которой прицениваются: взять, не взять?.. Стоит она того, или нет? Глянула на него в ответ с вызовом, дерзко, поправила кружево на шее:

– Неужели вы меня запомнили? Я думала, вы смотрите только на то, что дышит под женским платьем!

– Большинству женщин на то, что выше, и смотреть не стоит! – Хладнокровно рассмеялся Гарет. – Но вы другое дело, и сами это знаете!

– У меня ревнивый муж.

– А я знаю. – Он перестал улыбаться. – Я был в Дании, когда он прикончил этого... как его звали?.. Он хороший боец.

– Только через чур ревнив. – Амалия скромно потупила глаза.

– Я только хотел вам сказать, что ревнив не только он. Невеста моего брата ревнива тоже, и вам лучше не провоцировать её.

Амалия ахнула от неожиданности, потом расхохоталась:

– Да вы что?! И что она делает со своими соперницами: живьём ест?!

– Не говорите потом, что вас не предупреждали. – На лице Гарета не дрогнул ни один мускул. – Возможно, в этот раз ваш муж не успеет даже моргнуть, как вступаться ему станет не за кого. Дело в том, что мой брат помешан на этой девушке. И если что-то встанет между ним и ею, он не посмотрит ни на пол, ни на красоту, ни на приличия.

– Какой-то странный у нас разговор получается. – Сузила глаза Амалия, голос утратил нежность и слащавость.

– Да бросьте, графиня! – Хмыкнул Гарет. – Я ни за что не поверю, что тот поединок был вызван ревностью! Уж больно он был своевременным кое-для кого. Только здесь ваш номер не пройдёт. Забудьте, и просто наслаждайтесь приятным времяпрепровождением. Вы хотели знать побольше про эльфов?.. Вот вам информация к размышлению: эльфы женщинами людей брезгуют.

– Что?! – Амалия не поверила своим ушам. А герцог, мерзавец, весело рассмеялся, ещё раз поцеловал её руку и отошёл, уступая место дону Хуану, который вернулся к жене, заметив непривычное выражение её лица.

– Что случилось? – Спросил, бросив обжигающий взгляд на усмевающегося Гарета.

– Негодяй! – Амалия бурно дышала, стараясь взять себя в руки. – Какой... какой мерзавец!!!

– Он тебя обидел?! Тебя?! – Дон Хуан Фернандо был искренне изумлён.

– Обидел?.. Он меня с грязью смешал... Он знает, зачем мы здесь. Дрэд идиот! Эти братья не так просты, о, нет!!!

– Откуда он может знать?

– Он был в Дании, когда ты убил того маркиза. И сообразил, что к чему. Но это ничего не значит. – Амалия успокоилась и азартно раздула ноздри. – Это ерунда. Он бросил мне вызов – он получит то, что хочет! Сначала его братец, потом он!!!

– Вы так похожи на её величество! – Фридрих в это самое время пытался флиртовать с Габи. – Я даже не подозревал, что такое возможно.

– Что именно? – Высокомерно спросила Габи.

– Существование двух таких ангелов, конечно.

– Не всем женщинам нравится, когда их считают ангелами. И особенно нам не нравится, когда нас сравнивают с кем-то. Даже с родной тётей. Но вам повезло: я люблю тётю и восхищаюсь ей, а потому можете и дальше меня с нею сравнивать, мне это приятно. – Фридрих был здоровенный, красивый, а главное – он был ей ровня, и европеец к тому же! Наконец-то Габи чувствовала, что может флиртовать и кокетничать в своё удовольствие и не чувствовать себя дура-дурицей среди своих придворных дам! И Иво хотелось заставить ревновать, а то он-то не стесняется, собрал вокруг себя кружок аж из пяти дам и вешает им лапшу на уши так, что они аж утираются от радости, хихикают, глядят на него коровьими глазами с поволокой... Габи это бесило, бесило, бесило!!!

– Вы когда-нибудь были во Франции? – Обратила она сияющий взгляд на Фридриха.

– Ваше высочество! – С немецкой торжественностью заявил Фридрих. – О Франции я знаю всё!

Принц Элодисский увлечённо беседовал с кардиналом – они были старыми друзьями и давно не виделись. Его высокопреосвященство искренне был рад тому, что видит своего друга почти здоровым, а главное – стряхнувшим с себя глубокую апатию.

– Ты не знаешь, какой это мальчик! – Говорили они, естественно, про Гэбриэла. – Какой это прекрасный мальчик! Я каждый день не устаю благодарить Бога за то, что вернул его мне! Страдания, которые выпали на его долю, не сломили и не озлобили его; он по-прежнему добрый, любящий, искренний, совсем, как тот малыш, которого так рано и так жестоко отняли у нас!

– Я ехал сюда с мыслью хорошенько разобраться, не новый ли это самозванец... Но, только увидев его и услышав его голос, отбросил эти мысли. – Кардинал чуть пригубил вино. – У него не только твои глаза, у него твой взгляд... Хоть порой и более жесткий.

– Это хорошо. Это правильно. Я всегда был слишком мягок, это плохое качество для правителя. Надеюсь, сыновья не сделают моих ошибок...

– Не волнуйся, они наделают своих. – Усмехнулся кардинал. – Гарет уже начал им счёт, в Блэкбурге.

– Да, он поступил странно и неучтиво, согласен. Теперь даже не знаю, как подступиться к Анвалонцу с разговором о марьяже между Седриком и Габи. Девочке пора замуж. Она слишком избалована и не умеет ограничивать себя ни в чём, я боюсь, как бы не совершила какую-нибудь глупость...

– Да, я этого не исключал бы. Посмотри, как она флиртует с этим болваном. О, королева прислала его не просто так! Может, отправишь её на время в Разъездное?

– Боже меня упаси! Сюда скоро приедет Алиса, вот она сладит с этим прелестным монстром одной левой, а я и пытаться не стану! – Шутливо махнул рукой принц. – Девичьи истерики – это мой персональный кошмар!

– Какая прелестная невеста у твоего сына. Я не видал девушки прекраснее... Просто ангел. Но такой, знаешь, с бесовщиной, с чёртиком в прекрасных глазках...

– Маленькая жёнушка при великане-муже – это всегда тиран и деспот. – С удовольствием глядя на Гэбриэла и Алису, кивнул принц. – Его брат говорит, что Алиса его даже колотит порой!

– И ужасно ревнива. – Добавил Тиберий на правах старого приятеля и принца, и кардинала. – Об этом говорит уже весь замок.

– То есть, твоему младшему повезло! – С довольной усмешкой заметил кардинал. – А что старший? Что он думает насчёт своей женитьбы?

– С ним трудно говорить на эту тему. Как я понял, он хотел бы жениться на Софии Эльдебринк, и это отнюдь не только расчёт – девушка ему нравится. Но разговаривать об этом он не хочет, уходит в себя, злится. Не могу до конца понять его поступок. Как он мог так неучтиво поступить, да что там неучтиво – оскорбительно?.. Он ведь не такой, и воспитан отменно.

– И как он это объясняет? – задумчиво спросил кардинал.

– Никак! – Махнул рукой принц с недовольной гримасой. – Говорит: «Да, я болван, и не будем об этом!». Он всегда был неуправляем и своеволен, а из Европы вернулся законченным бунтарём. Там он не только набрался опыта и повзрослел, как я надеялся, но и стал слишком уж уверен в себе, решил, что сам всё знает и со всем справится. Давить на него бесполезно, остаётся надеяться на его здравый смысл да на то, что я пока пользуюсь у него каким-никаким, но авторитетом.

– Гэбриэл другой?

– Да, Гэбриэл другой. – С нежностью посмотрел на своего сына принц. – Но тут, друг мой, надеяться и вовсе не на что. Это скала, это... монолит. Тут можно только верить в него и молиться.

– Кстати, о молитвах... Не хочется говорить о неприятных вещах, но это правда – что он возмнил себя схизматиком?

– Да. К сожалению, правда. Он ходит на службы в домашнюю церковь, посещает с братом мессу, но не скрывает, что тяготеет к византийской церкви.

– Он исповедуется?

– Нет. Говорит, что ему не нравятся ни отец Северин, ни каноник Кейр. Ты бы поговорил с ним, как ты умеешь?.. В теологических диспутах я не силен, книги, которые я мог бы ему порекомендовать, написаны на латыни, а он её ещё не знает, и учит, надо признаться, неохотно. Читать и писать по-нордски он выучился почти мгновенно, а вот латынь... Говорю же, он цельный, сильный и непоколебимый, как скала над морем. Он не спорит, не злится и не раздражается, как его брат, который порой уступает, даже если не хочет. Гэйб молчит. Молчит и делает по-своему.

– Отец с этим тощим дядькой точно обо мне говорит. – Заметил в этот момент Гэбриэл. Они с Алисой сделали перерыв в танцах, и пили холодный глинтвейн, чтобы освежиться. – Судя по тому, что это священник, говорят они о моей вере.

– Твой батюшка очень переживает по этому поводу.

– Тут не о чём переживать. – Отрезал Гэбриэл. – Ты знаешь, почему я ненавижу католиков.

– Да, Гэбриэл, но...

– И без всяких но! Отцу я это объяснить не могу, но надеюсь на его любовь ко мне. Он знает, что я люблю его, какой бы мы с ним веры ни были, и рано или поздно смирится. Только вот сначала он наверняка натравит на меня этого дядьку... – Гэбриэл оценивающе присмотрелся к кардиналу. – Что ты о нём думаешь?

– Он хороший. – Быстро ответила Алиса. – И несчастный.

– Несчастный?..

– Да. Это у него внутри, глубоко. Он кого-то любит, и несчастен от этого. Мне его очень жаль.

Ранним утром, едва взошло солнце, Гарет провожал кардинала к епископу, переведённому в отдельную башню, фонарём прилепившуюся к Казарменной. Он немножко нервничал – вроде бы, епископ полностью смирился со своей судьбой и каялся, писал что-то целыми днями и молился, ничего не ел, кроме черствого хлеба и не пил, кроме воды; но кто его знает, что он скажет кардиналу, оставшись с ним наедине?.. Но волновался герцог зря: епископ каялся совершенно искренне. Сам признался кардиналу, что вожделеет к мужчинам и полон греховных желаний, и потому не может больше служить епископом. Просит, даже умоляет, отпустить его в самый суровый северный монастырь, славящийся самым жёстким уставом, чтобы он, Олаф, мог бы там бороться с соблазнами плоти и искупать свои грехи. Кардинал исповедовал его, наложил на него епитимью и отпустил на Север; вернувшись к ожидавшему его Гарету, заговорил о том, кого назначить епископом в Грантвилл и о том, что делать с Гэбриэлом и его еретическими намерениями.

– Ничего. – Коротко ответил на это Гарет, после того, как они обсудили кандидатуру Карла Бергквиста, настоятеля монастыря святого Аскольда Равноапостольного, дальнего родственника Хлорингов и Стотенбергов. – Тут ничего не поделаешь. Вы не знаете Гэйба, а я успел его узнать. Уговаривать его бесполезно, шантажировать – опасно, давить и угрожать – ещё опаснее. Он ничего не боится, кроме, разве что, болезни отца и ревности своей невесты.

– Но ты же понимаешь, Гарет, что его ересь только усугубит ситуацию?

– Он это тоже понимает. Просто ему всё равно. – Ответил Гарет. – Что я могу сделать?.. Наорать на него? Угрожать? Может, морду ему набить? Так это не так-то легко. Он сильнее меня. Поговорите с ним. Мне кажется, что он принял это решение под чьим-то влиянием. Ему понравился какой-то священник, который ехал с русскими вместе с братом по Королевской Дороге, произвёл на него впечатление своими речами... Может, вы сумеете его очаровать сильнее.

Кардинал подумал. Они прогуливались по открытой галерее вдоль сада, в котором буйно цвели розы и сирень, воздух, влажный, свежий с утра, был перенасыщен их ароматами, в кустах взахлёб пели соловьи.

– А что его невеста?

– Она католичка. Её воспитатели не обращали большого внимания на её религиозность, но она серьёзная девушка и дисциплинированная, очень скрупулёзно выполняет все положенные церемонии.

– А что с её душой? Церемонии и внутренняя религиозность – не одно и то же.

– Поверьте, она правильная девушка.

– Но ересь её жениха её не смущает?

– Смущает. Она надеется, как и я, что это у него пройдёт, и он забудет эту блажь.

Кардинал потрепал по голове Нору, любимую собаку Гарета, которая подбежала и ткнулась длинной узкой мордой в его ладонь.

– Я попробую с ним поговорить. Как я понимаю, он не исповедуется?..

– Не хочет. Не нравятся ему ни отец Северин, ни каноник.

– Я попытаюсь с ним поговорить. Это очень важно. Его вера может быть ещё одним оружием против вас, ты ведь меня понимаешь?..

– Понимаю. – Вздыхнул Гарет.

В обед в Хефлинуэлл с малой свитой прибыла настоятельница монастыря святой Бригитты, в свите которой была и сестра Таис – молочная сестра Гарета и Гэбриэла и давняя знакомая Алисы. Обнявшись с матерью и представившись Гэбриэлу, которого не видела двадцать лет, Таис поспешила на хутор Твидлов, а настоятельница, в миру графиня Камилла Карлфельдт, тайная возлюбленная кардинала Стотенберга и мать его дочери, встретилась с его высочеством. И с кардиналом.

С кардиналом они были ровесниками, но не ровней. Стотенберги были знатной семьей, потомки одного из двенадцати сподвижников Бьёрга Чёрного, старейшей и знатнейшей фамилией королевства, но после того, как их предки поддерживали бунтовщика Райдегурда и потерпели поражение, их род почти угас и едва не прервался. О былых богатстве и славе им можно было только мечтать, и во времена юности кардинала, тогда ещё Эрика Стотенберга, они были бедны, как церковные мыши. А Карлфельдты, благодаря связям с Хлорингами и Еннерами, были одной из богатейших семей Острова, и свою красавицу-дочь Юстас Карлфельдт видел невестой кого угодно, но не нищего долговязого парня, пусть и очень хороших кровей. Тогда случилась одна из удивительных и путаных историй, которыми изобилует жизнь, и которых боятся серьёзные романисты, так как это больше смахивало на водевиль. Эрл Карлфельдт мечтал выдать свою дочь за Аскольда Эльдебринка, будущего герцога Анвалонского, но вышло всё так, как он и не планировал. Громогласный, яркий, бесперемонный и нахрапистый Аскольд, к изумлению всего острова, влюбился в бледную, тощую, невзрачную Эффемию Стотенберг, и влюбился так, что сбежал вместе с нею от навязанной отцом и его другом невесты в Элодис, к юному герцогу Элодисскому, Гарольду Хлорингу, с которым и сдружился не разлей вода. Карлфельдт в ярости обвинил Стотенбергов в сводничестве и чуть ли не в колдовстве, а герцог Анвалонский, отец Аскольда, пригрозил сыну, что лишит его наследства и титула. Безумно на тот момент влюблённые друг в друга Эрик и Камилла даже заикнуться боялись о своей страсти. Камилла была готова всем рискнуть и даже бежать с возлюбленным куда угодно, хоть в смертельно опасный Ивеллон, но её возлюбленный переживал за сестру и боялся усугубить её положение неосмотрительным проступком. Да и за возлюбленную переживал: она просто не знает, полагал он, что её ждёт, ей кажется, что жизнь вообще штука лёгкая и приятная.

Роль «бога из машины» в этот раз сыграл Гарольд Хлоринг: он уговорил сестру, королеву Изабеллу, простить Стотенбергам давнюю измену короне, и вернуть им часть их владений, и сам дал приданое Эффемии, вернув Анвалону Пригорск и Рочестер. На таких условиях герцог Анвалонский блудного сына простил и благословил его брак, который его и в остальном не разочаровал: он дожил до шестого внука, и лично облобызал тогда Эффемию, которую, не смотря ни на что, много лет недолюбливал, заявив, что лучшей невестки ему нечего было и желать! Камилла, глядя на такое счастливое завершение всех этих перипетий с влюблёнными, побегом и сказочным разрешением всех трудностей, решила, что теперь её возлюбленный богат и в родстве с герцогами Анвалонскими, а значит, преград её счастью нет – и ошиблась. Её отец так был зол, что едва услышав о её чувствах к Эрику, пришёл в буйную ярость. В итоге Эрик постригся в монахи, а потом в монастырь ушла и Камилла, назло отцу в основном. Тот от злости слёг и вскоре умер, не успев раздуть искру бешеной вражды к Гарольду Хлорингу в своем сыне, Тибальде, который, будучи лучшим другом Аскольда, сдружился и с Гарольдом, и с Эриком Стотенбергом. Влюблённым всего-то следовало подождать четыре года, но за это время многое произошло, и пути назад у них не было.

И семнадцать лет назад они встретились, встретились в Элиоте, и поняли, что чувство не только не угасло, но, как старое вино, только настоялось и окрепло. И итогом этой встречи стала София. Все их последующие встречи за это время можно было сосчитать по пальцам одной руки, и каждая была драгоценной. Они продолжали любить друг друга и теперь, уже не молодые, каждый со сложившейся карьерой и не сложившейся жизнью. Его высочество знал об

этом, знал об их отношениях, о том, что София – плод их любви, и не осуждал, и не поощрял, а просто принимал всё, как есть, за что оба ему были благодарны.

После торжественного обеда в честь желанной гостьи – его высочество и мать настоятельница уважали и любили друг друга, – её проводили в предоставленные ей роскошные покои с выходом в небольшой садик, и там, перед ужином, она наконец-то встретилась наедине со своим возлюбленным. И была счастлива.

К вечеру, в урочный час, двери Большого Рыцарского зала распахнулись для всех приглашённых. На саму помолвку были приглашены, помимо дворян, и горожане, были Нэш с Мартой, ювелиры, богатые купцы, главы цехов и гильдий. Большой Зал сверкал огнями нескольких тысяч свеч и светильников, благоухал охапками, гирляндами и венками трав и цветов, блескел отполированными полами и серебром, медью и бронзой. Столы в этот раз поставили иначе: на возвышении теперь стоял стол для жениха с невестой, и украсили его белыми цветами и зеленью, красно-золотой парчой и кружевной белоснежной верхней скатертью. Приборов и блюд ещё не было: на пир должны были остаться только самые именитые гости, остальных ждало пиршество в городе. В честь помолвки графа Валенского и Алисы Манфред, без пяти минут графини Июсской, Хлоринги предоставили Гранствиллу одного быка, четырех поросят, десять баранов, двадцать корзин хлеба, столько же коробов с бутылками сидра и три бочки пива. Остальное несли на столы сами горожане, и на турнирной площадке готовилось народное гуляние – в ожидании гостей из замка хозяйки и их помощники суеились, дожаривая быка, поросят, гусей и прочую домашнюю птицу, выставляя на столы пироги, пирожные – кто чем горазд, и гоняя от столов ребятню.

По этикету следовало считать, будто о помолвке гости не знают, и его высочество объявит великую новость. Когда он появился, в сопровождении членов своей семьи – Гарета, Гэбриэла, Габи и Алисы, и почётных гостей, – его вновь встретили бурей оваций и приветственных возгласов. В то же время гости пожирала глазами Алису. Девушка была в платье цвета слоновой кости, эльфийского морозного шёлка, сшитого по смелой бургундской моде: платье плотно облегалo фигуру, подчёркивая все её изгибы, – и цвет этого платья очень шёл к её волосам и глазам, так же, как и сочно-вишнёвая нижняя юбка, просвечивающая в разрезах, и такого же цвета длинные узкие рукава, доходящие до самых пальчиков и вышитые золотом. Платье было с длинным, графским шлейфом, который нёс молоденький паж. На голове у Алисы была таблетка из накрахмаленных белоснежных кружев с вуалью из тончайшего газа, мерцающего алмазной пылью – такие пока умели делать только эльфы, и стоило это безумно дорого. Стоит ли упоминать об изящных эльфийских туфельках?.. Алиса навсегда запомнила свои слёзы по поводу тех, страшненьких, бедных туфелек, в которых танцевала первый свой танец с Гэбриэлом! Завершали образ украшения из гранатов и алмазов, в том числе роскошный пояс, концы которого, тиснённые золотом и украшенные гранатами, свисали почти до самого пола. На локте одной руки висела новая сумочка в тон вишнёвому шёлку, вышитая золотом и украшенная мелкими алмазами, в другой руке был положенный по этикету кружевной платок. В сумочке покоилось вожаделенное сокровище: подаренный ей женихом к помолвке молитвослов, изготовленный эльфами. Эльфы сделали обложку, украшенную серебром, костью и камнями, расписали сценами времён года и рамочками из цветочно-травяной вязи страницы дорогой плотной бумаги, а отец Северин, славившийся каллиграфическим почерком, написал тексты молитв и псалмов. Такого молитвенника не было даже у Габи! Фасон платья, выбранного Алисой на этот случай, был слишком смелым и даже дерзким, его пока не осмеливались носить нордландские дамы, настолько он был беспощаден к малейшему несовершенству фигуры, и любой недостаток выставлял напоказ. Но у лавви недостатков не было, и её фигурой любовались все присутствующие, даже женщины. Маленькая, но изящная и длинноногая, тоненькая, но со всеми положенными изгибами во всех положенных местах, Алиса, как говорил Гарет, была похожа на прелестную эльфийскую куколку. Даже Амалия должна была признать, скрепя

сердце, что соперница у неё нынче достойная. Впрочем... юная, неискушённая, глупенькая – что она могла противопоставить Амалии?.. Красоту?.. Но красоты было мало, Амалия прекрасно знала это и готовилась уже на этом пиру отвоевать у девчонки пару позиций.

Когда его высочество объявил о помолвке своего младшего сына и Алисы Манфред, которой величайшим соизволением был дарован замок Июс и титул графини Июсской, и которую с этой минуты следовало именовать «ваше сиятельство», вновь раздались крики, приветствия, поздравления и аплодисменты. Его высочество соединил руки жениха и невесты, и они, краснея, повернулись к присутствующим и трижды поклонились, не разнимая рук, после чего их проводили за стол, накрытый только для них двоих. К ним подходили, поздравляли и подносили подарки, желали счастья и детей, уходили... В конце концов, торжественная часть закончилась, большая часть гостей удалась, заиграла музыка, почётные гости уселись за столы, и вереница слуг понесла блюда и напитки. И пир начался, ещё более пышный, ещё более роскошный, чем предыдущий. То и дело кто-нибудь вставал и поздравлял жениха и невесту, то торжественно, то шуточно, то на грани приличий, но всем было весело. Улыбался даже Гэбриэл, отбросив привычную холодную сдержанность – он был счастлив и чуть напуган происходящим. Ну, а когда первые блюда были съедены и все тосты сказаны, начались танцы. Амалия готовилась к этому моменту, намереваясь перехватить инициативу и начать совращение Гэбриэла...

И, к её величайшему изумлению, у неё ничего не вышло. Гэбриэл просто не обращал на неё никакого внимания; он видел только свою Алису, разговаривал только с нею, танцевал – тоже только с ней. А вот Алиса манёвры красивой испанки заметила, и напряглась. В её ревнивом сердечке тут же возникло подозрение – не нацелилась ли эта противная тётка на её жениха?.. В паузе между танцами она даже спросила Аврору, не кажется ли той, что жена посла слишком уж пялится на её Гэбриэла?..

– Ха! – Воскликнула Аврора. – И не только она! Твой жених, конечно, не красавчик Иво, но гораздо его привлекательнее! И богаче, Лисочка, богаче! Большинство этих гадюк Мирмидонских спит и видит, как бы переманить его... Вы что-то хотели, сквайр Кайрон?

К ним приблизился Кевин Кайрон, один из оруженосцев, симпатичный молодой человек очень необычной наружности – говорили, что его мать была знатной арабкой, или мавританкой, или вообще эфиопкой – отец Кайрона привёз её из Константинополя. Хрупкая экзотическая красавица быстро зачахла в сыром и холодном климате, но успела произвести на свет сына, красивого странной, мрачноватой, диковатой красотой, стройного, худощавого, очень смуглого, с огненным взглядом мрачных чёрных глаз. Он явно «чего-то хотел», но надменный тон Авроры лишил его дара речи. Пока он собирался с силами, к девушкам подошли братья, и Гэбриэл увел Алису, а Гарет – Аврору. Больше уж Кайрон так и не собрался с духом, чтобы подойти к Авроре. Кто он был против блестящего герцога?.. Тем более что девушка, заподозрив, что симпатичный сквайр неровно дышит в её сторону, сделала все возможное, чтобы его помучить. Девушки вообще это занятие обожали, обожают и будут обожать во все времена... Проверая исподволь, смотрит ли сквайр в её сторону, Аврора сделалась чрезвычайно весела и мила с Гаретом, с Иво, который частенько приглашал её на танец, и со всеми прочими кавалерами, недостатка в которых у красавицы не было.

Закончился праздник грандиозным фейерверком. Но, как и положено таким праздникам, одним днём он не ограничился. Три дня гуляли город и замок; в течение этих трёх дней были и прогулки на лодках, и небольшой турнир, и выезд в Элодисский лес, и бесконечные танцы и развлечения, и снова фейерверки, и снова танцы. Во время этих праздников Гэбриэл всё-таки ухитрился встретиться с Нэшем, чтобы обсудить с ним свой план по спасению Марии.

– Команду и корабль я нанял, – ответил Нэш, – «Речная жемчужина», контрабандисты, ребята рискованные и сравнительно честные. Но одного я вас не пушу – наша феечка мне этого потом не простит. Дело вы задумали благородное, и я ваш, даже не сомневайтесь. – Он потянулся так, что хрустнули кости, подвигал шеей:

– Эх, и засиделся же я в трактире! Вот, думал, вернусь, спрячу топор, а лучше в землю его зарю, и буду самым скучным и добропорядочным трактирщиком на всём белом свете... А вот поманили вы меня, и аж взыграло внутри-то, как у старого боевого коня! Эх, грешник я, грешник, и нет для меня покаяния!

– Мне помощь ой, как нужна. – Признался Гэбриэл, не скрывая облегчения. – Я и один поеду, потому, что иначе не могу, но твоя помощь мне просто дар небес.

– Этот ваш... как его – Кабан?

– Вепрь.

– Он самый, – он парень надежный?

– Нет. Он подонок конченный. Главарь той самой Дикой Охоты, что брат выловил и на колья посадил. Но он всё, что у меня есть. Никто больше пути в Сады Мечты не знает, и я не знаю тоже. Всё, что я помню, это тайный ход в очаге, но как до него добраться, как открыть – я понятия не имею. Не помню просто. Я пообещал Вепрю большие деньги и корабль на Север, и он клюнул. Точнее, Терновник говорит, что он клюнул, он это проверил колдунством каким-то эльфийским. Это всё, что у меня есть. – Повторил Гэбриэл, словно оправдываясь.

Говорили они в тени большого дуба, одного из знаменитых многовековых Гранствиллских дубов, которые, если верить легендам, помнили Остров до Бьёрга Чёрного. Лужайка у восточной стены Гранствилла пестрела разноцветными палатками, яркими одеждами – здесь проходил турнир, первый за десять без малого лет. Первыми сразились Гарет Хлоринг и Фридрих, который из присутствующих единственный был ровней Хлорингам по крови и мог бросить им вызов. Немец оказался отличным бойцом, и даже Гарет, который, естественно, победил, тем не менее признал в нем достойного соперника и под одобрительный гул толпы пожал ему руку. Боевая доблесть в эти времена ценилась выше, чем ум и талант, а потому с этого момента Фридрих приобрёл в глазах братьев и рыцарей должный авторитет и был окончательно принят в мужской круг Хефлинуэлла. Сейчас с лужайки доносились звон оружия, возгласы толпы, музыка, конское ржание, собачий лай и женский смех. Гэбриэл не умел биться конным, не желал носить доспехи и ещё не был посвящён в рыцари, а вот элфу бросали вызов то один рыцарь, то другой, и Терновник эти вызовы принял. Алиса была Дамой турнира, и сидела подле его высочества, судившего поединки вместе с кардиналом и пожилыми рыцарями, и Гэбриэл получил относительную свободу действий. Гарет увлечённо что-то обсуждал с Фридрихом и графом из Малого Города, то и дело посматривая, правда, на брата. И Гэбриэл отлично понимал, что будет подвергнут допросу с пристрастием, потому, что Гарет понимал его с полвздоха, и от него обтекаемым враньём не отделаешься. Придётся сказать, что обсуждал с Нэшем нечто важное... Что?..

– Я, ваше высочество, хочу патент на продажу русского мёда получить от вас. – Усмехнулся Нэш. – И это истинная правда. Есть у меня выход на купца русса, а мёд у них знатный, сидру не уступает, даже превосходит. Крепче, ядрёнее, почти, как можжевельовка, а голова с него не болит...

Гэбриэл мучительно поморщился, вспомнив свое похмелье.

– А помимо того, – продолжил Нэш, – есть у меня и ещё к вам предложение. Стратегическое. За Черемуховым прежде застава была, со сторожкой, калиткой, всё, как положено. Пошлину там снимали с проезжающих, имена спрашивали... Возродить бы её. Шастать там часто стали людишки какие-то, мне с трактира не видно, но оживление это мне не нравится. Дорогу эту знают только местные, она через лес угол срезает, и прежде по ней хорошо, если в неделю два-три раза кто проходил или проезжал. А теперь на ней оживлённо, прям, как на Королевской. Понимаете меня?

– да. – Гэбриэл покусал губы. – Нужно обсудить это с братом.

– Вот-вот. – Кивнул Нэш и приложился к кружке с пивом. – И его высочеству врать не придётся.

– Как думаешь, кто это? – Спросил Гэбриэл, напряжённо обдумывающий слова Нэша.

– Всяко думаю. – Пожал плечами Нэш. – И все эти мысли мне не нравятся. Ни одна. После того, что чуть было не случилось, я про клевету на нашу феечку, мысля о том, что ещё что-то затевается в том же духе, она прям-таки просится, прям-таки навязывается сама собою.

– Барр не видел?

– Как вам сказать? – Нэш почесал в затылке. – Кажется, видел. Знаете, морок такой произошёл... Смотрю утром: по дороге шагом идёт чёрный олджернон, рядом собака бежит, тоже чёрная, а на коне дамочка сидит. Смотрит мне прямо в глаза, усмехается эдак гадостно, и вдруг я вижу не её, а крестьянина на муле. И вот хоть убейте, не помню я, как эта дамочка выглядела, а вот как глаза мне отвела – помню. Но ехала она, как все, с Королевской дороги, вдоль Ригины. И пока оно мимо не проехало и не скрылось, я так и стоял столбом, ни двинуться, ни вздохнуть даже.

– Ведьма... – Процедил сквозь зубы Гэбриэл. – С-сука!

– Не купите ли чего у бедной женщины? – раздался рядом мягкий голос с итальянским акцентом, показавшийся Гэбриэлу знакомым. Он оглянулся и чертыхнулся: перед ним была торговка Лаура, в которой почти невозможно было узнать Лодо. Гэбриэл узнал его только потому, что у него был отличный слух и взгляд, ужасавший его брата: он видел всё, как есть, ему не важны были ни украшения, ни увечья, ни одежда, ни грим. Возможно, этому его тоже научили Сады Мечты, ведь там увечья, маски, раны и шрамы были обычным делом. Он привык не замечать всего наносного и лишнего, сразу глядя в суть. Что касается Нэша, который видел Лодо несколько дней назад, в роли священника, так тот ничего даже не заподозрил.

– Что у тебя есть, красавица? – Поинтересовался он, смягчаясь: он любил высоких фактурных женщин.

– Чётки из Ватикана, освящённые самим Папой, – Лодо принялся откровенно кокетничать с Нэшем, который отвечал ему, грубовато, немного неумело, и так забавно! Гэбриэл, не вмешиваясь, созерцал происходящее с долей недоумения и тревоги, но и не без удовольствия. – Огниво, кресала, оселки для ножей и мечей, чётки, крестики...

– Сходи-ка, – перебил его Гэбриэл, – предложи свои товары моему брату! Узнает, нет?.. – И пояснил Нэшу, когда «Лаура» пошла к герцогу, кто это.

– Мужик?! – Нэш был потрясён и слегка раздосадован. – А я ему глазки строю, тьфу!

– А здорово у него это получается. – Протянул Гэбриэл, глядя, как Гарет оборачивается к торговке, и заговаривает с нею по-итальянски, улыбаясь и явно тоже не подозревая, кто перед ним. Даже покупает у неё чётки.

– Да нет! – Переживал Нэш. – Да баба это! Идёт от бедра, на мужиков смотрит, улыбается... Нет, баба это!

– Это ассасин. – Пояснил Гэбриэл. – Как-то так.

– Ну-у, тогда понятно. – Протянул Нэш. – Страшные они люди, наёмники эти.

– Ты про них знаешь?

– Знаю. Кто был на Востоке, все про них знают, и только плохое. Они люди без лиц, или люди с тысячей лиц. Ассасин, задание выполняя, перевоплощается полностью в того, кого изображает. Он не играет монаха – он в самом деле монах, или женщина, или старик, или торговец, или калека... Я так слыхал, а теперь воочию вижу.

– Ему можно верить?

– Как вам сказать?.. Не знаю. Сначала надобно знать, кому он служит и на кого работает.

– Он говорит, что хочет работать на меня.

– Ну... не знаю даже, что и сказать-то вам. Я бы отказался. Но с другой стороны, лучше иметь его на глазах, чем в тылу или на службе у врагов ваших...

– Вот и брат то же говорит.

– ...если, конечно, он их задание не выполняет.

– Но что ему может быть нужно?.. Убить нас он мог уже давно. Украсть что-то? Тоже. С его-то талантами!

– Не знаю. – Повторил Нэш. – Не скажу. Могу только посоветовать: будьте начеку. И к его предложениям и советам относитесь крайне осторожно! Заманить вас в ловушку – это прям-таки напрашивается.

– Да... – Протянул Гэбриэл. – Ночью сегодня я заберу Вепря и буду с ним в порту. – Встал, ставя на легкий деревянный столик пустую глиняную кружку из-под сидра. – Не могу тянуть больше, мне с каждым днём всё тяжелее.

– Я жду вас с лодкой, ваше высочество.

– Жди.

Гарет, любезничающий с «Лаурой», был потрясён не меньше Нэша, когда брат познакомил его с торговкой получше.

– Тала-ант.. – Протянул уже без улыбки. – Самородок. Так значит, это ты собирався давать показания в качестве свидетельницы?

– Да, сеньор. Рад, что они не понадобились, вы справились блестяще. Снимаю шляпу!

– Я знаю, что гениален. – Без ложной скромности возразил Гарет. – Брат решил взять тебя на службу. Я, чтобы ты знал, против и не верю тебе. Помни об этом.

– Вы измените своё мнение, сеньор. – Поклонился Лодо.

– Всяко бывает. – Отрезал Гарет, и Лодо понял, что больше герцог обсуждать с ним эту тему не станет. Вспомнилось, как Дрэд называл юного герцога «идиотом». Как бы эта ошибка не стала для него фатальной... Ему стоило самому приехать в Хефлинуэлл и познакомиться с братьями поближе, а не доверять слухам и мнению герцога Далвеганского. Тот, конечно, очень умен, но тоже не встречался с Хлорингами лично.

Первое задание, которое Гэбриэл Хлоринг озвучил ему под сенью всё того же древнего дуба, Лодо, в общем-то, ожидал. Гэбриэл велел ему узнать имена и титулы тех, кто посещал Сады Мечты под именами Агамемнона, Нерона, Клавдия, Ахилла, Брута, Аякса и нескольких других.

– Пятьсот дукатов сразу. – Сказал Лодо. – Тысячу – потом. Тысяча – за мою работу и за результат, пятьсот – на расходы и подкуп нужных людей.

– Получишь. – Не моргнув и глазом, пообещал Гэбриэл, хоть уже отлично понимал, какую сумму просит ассасин. – За результат я готов это выложить, чего там.

– Может быть, кого-то из них следует убрать?

– Не сейчас. Может, никогда. – Отрывисто бросил Гэбриэл. Воровато глянул на Гарета, кивнул Лодо:

– Пошли, расписку накатаю...

Встретившись ночью в саду с Алисой, Гэбриэл признался ей, что собирается удрать из замка на несколько дней.

– Я только тебе это говорю. – Сказал умоляюще. – Солнышко, завтра ты скажешь отцу и Гарету, чтобы не злились на меня и не волновались обо мне: со мной Терновник и Нэш, и целая команда контрабандистов...

– Гэбриэл, куда ты собрался?! – Насторожилась Алиса.

– Я должен, понимаешь?.. – Гэбриэл боялся произнести имя Марии, вообще упомянуть о ней. – Я обязан кого-нибудь спасти, хоть кого-то... Хочу выловить Доктора и узнать от него, где они прячут детей.

– Гэбриэл!!!

– Тише! Пойми меня, пожалуйста, пойми меня!!! Хоть ты!

– Я понимаю. – Алиса нежно коснулась ладонью его щеки. – Я понимаю, Гэбриэл! Мне очень не хочется тебя отпускать, и я очень за тебя боюсь... Но держать не буду. – Она всхлинула. – Только знай, – зажмурившись, выпалила она, – знай, Гэбриэл Персиваль, я ужасно,

ужасно боюсь, я не сплю, скучаю и страдаю... Ты понял меня?! Я тебя жду каждую минуту, страдаю и боюсь... – Не в силах больше ничего сказать, она уткнулась ему в грудь и расплакалась.

– Всё будет хорошо, Солнышко. – Гэбриэл, растроганный, чувствовал себя виноватым и сам страдал от этого. – Я не один, я с эльфом, и с Нэшем... Что со мной может случиться?.. Доктор – трус и тварь, вот уж кто-кто, а он мне ничего не сделает... – Он ещё долго утешал плачущую Алису, они целовались, снова и снова Гэбриэл обещал вернуться как можно скорее живым и невредимым, а Алиса снова и снова требовала, чтобы он ни в коем случае не позволил никому себя обидеть. У себя девушка так и не смогла уснуть – всё придумывала, как скажет всё его высочеству и Гарету, особенно опасаясь реакции последнего. А Гэбриэл в это время забрал из тюрьмы Вепря и через ворота Хозяйственного двора, договорившись заранее со стражниками, вместе с эльфом и Иво покинул замок.

Замок Северная Звезда, фамильное гнездо Еннеров, эрлов Фьёсангervена, стоял на высокой скале над Сайской бухтой, в пяти милях от города. Скала имела форму неправильного трилистника, и такую же форму имел замок, получивший своё имя не только из-за формы. К его постройке приложили руку не только эльфы, но и проживающие ещё тогда, триста лет назад, в Сае гномы, и в замке имелось редкостное в Европе чудо: водопровод. Стены Северной Звезды вырастали прямо из отвесных скал, узкая извилистая дорога, вившаяся по скале, упиралась в глубочайшую пропасть, через которую опускался подъёмный мост. Если мост был поднят, замок становился абсолютно неприступен. Северная Звезда никогда не была захвачена врагом. Более того: ни один враг до сих пор и не помышлял об осаде или приступе этого замка, понимая всю нереальность этого.

Со стороны моря никакой нужды в мощных стенах и маленьких окнах не было, и эльфы превратили эту часть замка в волшебный дворец с огромными окнами, просторными террасами, уютными галереями и просторными двориками. Полы были выложены узорной плиткой, вдоль перил стояли керамические вазоны с розовыми и жасминовыми кустами, по карнизам вились хмель и девичий виноград. С каждой террасы открывался божественно красивый вид на Сайскую бухту. Владельцы Северной Звезды вот уже более трехсот лет заслуженно гордились своим домом, который достался им в знак благодарности эльфов за помощь Еннеров при заключении перемирия в Десятилетней войне, которое закончилось подписанием Священного мира. Который Еннеры не нарушали никогда и следили, чтобы он соблюдался на территории их доменов, неукоснительно.

На террасу, где коротали летний день супруга эрла и две его дочери, солнце заглядывало только утром, и в остальное время долгого, жаркого летнего дня здесь было чудо, как хорошо. Жена Лайнела Еннера, Луиза, француженка, урождённая Д'Эвре, и две его дочери, Фиби и Флёр, именно здесь предпочитали проводить время, посвящённое рукоделию и прочим ежедневным занятиям, включая и отдых. Фиби играла на лютне, десятилетняя Флёр развлекалась с собакой и, попеременно, тем, что доставала старшую сестру, а их мать ткала гобелен с изображением Северной Звезды. Работала она над ним уже больше десяти лет; женщина была очень талантлива: восхитительный её труд не уступал эльфийским. Работа близилась к завершению: закончив башни и стены, Луиза подобралась к подъёмному мосту и скалам, и, желая поскорее завершить её, работала сутки напролёт. Даже утром, едва позавтракав и исполнив обременительные обязанности хозяйки богатого замка, она немедленно бралась за свой труд, и не прерывалась даже для полуденного отдыха.

Вопреки общему мнению о француженках, Луиза не была красавицей: суховатая, носатая, с большим ртом. Но очарование её было беспредельно. У неё были чудесные большие черные глаза и ослепительная улыбка, а так же легкий весёлый нрав и неподражаемое чувство юмора. Никто и никогда не видел её брюзжащей, злой или унылой. Глаза её всегда сияли,

а рот постоянно улыбался, сверкая крупными, но ровными и целыми, не смотря на возраст, белыми зубами. Прожив в Нордланде больше двадцати лет, Луиза так и не избавилась от лёгкого акцента и французской картавости, но это лишь добавляло ей шарма. И в то же время госпожи графини боялись: юмор её, обычно искромётный, мог становиться безжалостным, и её язычка опасался даже муж. Но при этом Еннер обожал жену, и нередко хвастал в мужском кругу, что Господь благословил его брак: его супруга никогда не доставляла ему ни печали, ни проблем. Старший их сын, Лайнел-младший, погиб три года назад на охоте, но младший, Гарольд, был жив, здоров и давал повод родителям гордиться собой. Он унаследовал крупные, мужественно-приятные черты лица от своего отца, и рот и улыбку – от матери, и это сочетание скандинавского и французского в нем уже лет пять, с тех пор, как ему исполнилось пятнадцать, сводило с ума десятки девушек всех сословий. Такие же рот и улыбка достались Флёр, а вот семнадцатилетняя Фиби пошла в Хлорингов – её бабка по отцу была урождённая Хлоринг. От них девушка унаследовала высокий рост, изящное сложение, точёные черты и синие глаза с эльфийским разрезом. Сами мать и отец порой смотрели на своё дитя с трепетным чувством, близким к обожанию: неужели эту красавицу породила их любовь?.. Фиби была божественно хороша. Выющиеся от природы волосы были светлого, соломенного цвета с лёгким золотым блеском, но брови и ресницы, напротив, были тёмными и очень густыми. Взгляд синих, ярких глаз, обрамлённых пушистыми тёмными ресницами, повергал людей в шок, и Фиби с детства привыкла прятать глаза, стесняясь внимания и восторга окружающих. Несмотря на ослепительную красоту, девушка казалась застенчивой и нежной, но при том не простушкой, а напротив, таинственно-загадочной, и это сводило с ума и заставляло мужчин стремиться не просто обладать ею, но сделать её своей навсегда, защищать, ограждать от всего мира, баловать и опекать. К ней сватались все, кто только видел; некоторые друзья и соседи Еннеров доходили до того, что обещали отправить в монастырь своих жён, только чтобы заполучить юную красавицу. Но эрл об этом и слышать не хотел. Он безумно любил дочь и считал, что чем позже она покинет родительский дом, тем лучше, рассматривая при этом в качестве возможных женихов Карла Бергквиста, старших Эльдебринков или, возможно, и Гарета или Гэбриэла Хлорингов, чем чёт не шутит?.. Кого он категорически не желал видеть супругом своей дочери, так это никого из Сулстадов и не Бергстрема. Последний, хоть и был ещё одним потомком соратника Бьёрга Чёрного, хоть и имел родственные связи с королевскими родами и Нордланда, и Европы, но больно уж не нравился Еннеру сам по себе.

Но законы природы не обмануть, и семнадцатилетние девушки влюбляются в полном согласии со своим естеством, игнорируя родительские мечты и планы. И когда на террасу ступили Гарри Еннер, его кузен и ровесник Кирнан Бергквист и Марк Эльдебринк, Фиби покраснела, опустил глаза, и от волнения взяла пару неверных нот. Её сестра запрыгала на одной ноге и закричала:

– Ой, ой, смотри, Фиби, смотри, кто пришёл!!! – И её сестра воскликнула гневно:

– Молчи, ты, дурочка!!!

Марк тоже зарделся, а его приятели заухмылялись. Считалось, что никто не знает, что происходит между Фиби и пятым сыном герцога Анвалонского, но противная маленькая девчонка вечно всё портила!

Марк среди своих рослых и, мягко говоря, дородных братьев, статью, аппетитом и манерами пошедших в своего отца, выглядел чужим. Он был настоящий Стотенберг: худощавый, высокий, крупный в кости, с длинным породистым лицом, не красивым, но полным обаяния несомненной мужественности, с очень умными и серьёзными серыми сумеречными глазами. И по характеру он был иной: Марк любил уединение, лес, охоту, дальние лесные странствия. Частенько, став совершеннолетним, то есть, достигнув двадцати лет, он стал уходить из дома и из города, и в одиночку бродить по горам и ущельям, неделями не давая о себе знать и не возвращаясь в замок. Братья сначала в шутку, а потом и всерьёз начали обвинять брата в дружбе

с эльфами и прочими лесными тварями, а Марк и не отрицал, и не подтверждал. Он был молчалив, спокоен, задумчив и нелюдим, и мать его очень переживала за него, а отец, любя, как он любил всех своих детей, частенько от непонимания злился и даже выходил из себя. С одной стороны, Марк давал повод для гордости: он был великолепным лучником и непревзойдённым мечником, на мече он был на равных со старшими братьями, неразлучными погодками Седриком и Хильдебрандом. А с другой – чёрт его знает, этого мальчишку, чего ему надо, о чём он думает и какие планы на будущее строит! Из братьев он был особенно дружен с младшим, Вэлом, который, казалось бы, был полной его противоположностью, а вот смотри ты! И крепко дружил с Софией – возможно, это и помогло ему сблизиться с красавицей Фиби, которая, как и София, любила читать, была рассудительной, серьёзной и умненькой девушкой. Прочие ухажёры или сюсюкались с нею, как с малым ребёнком, или вели себя с откровенным превосходством и покровительством. А Марк заговорил с нею, как равный, как он привык говорить с Софи – и этим мгновенно покорила сердце девушки. А Фиби поразила его не только красотой, которая, чего уж там, в первые мгновения просто ослепила его и обеспечила перебои с дыханием, но и своим неподдельным интересом ко всему, что владело его помыслами: к лесной жизни, к горным ущельям и тропам, к суровой красоте северных гор и фьордов. Она часами слушала его рассказы, переспрашивала, восторженно признавалась, что мечтает так же уйти в горы и бродить там с луком и стрелами. А Марк, вот чудо, не говорил, что это не женское занятие. Он, напротив, считал, что раз изящные воздушные эльфийки-Фанна, которых он и в самом деле встречал порой в своих странствиях, могут поступать подобным образом, то почему и ей нельзя? Эльдебринкам принадлежал замок Лосиный Лог, в одноимённом ущелье, и Марк давно превратил его в свою постоянную резиденцию. Три горных деревни и пара гостиниц – вот и вся цивилизация, до ближайшего города четыре дня пути. Когда он рискнул и, мучительно краснея и старательно кромсая охотничьим ножом ножны, заговорил с Фиби о том, как мало ему надо, и как скромно он привык жить, а она такая... прекрасная, и ей столько всего надо... – как девушка, перебив его, воскликнула: «Я хочу только одного: жить с тобой в горах, охотиться, странствовать, и никогда, никогда, никогда не сидеть в клетке!!!», Марк обрадовался так, что несколько секунд не мог произнести ни слова, не веря своему счастью. А Фиби горячо продолжила: «Я хочу быть свободной, как ты... как эльфийки... Я ненавижу свою жизнь! Всю жизнь считать простыни и бутылки вина, ругаться со служанками и ткать дурацкие гобелены, чтобы хоть так придать смысл своему существованию! Я задыхаюсь, я готова с обрыва броситься от такой жизни! Сделай меня свободной, Марк, и я буду любить тебя всю свою жизнь!!!». В общем, молодые люди обручились, и теперь ждали только возвращения эрла, чтобы узнать свою судьбу. Впрочем, Фиби была полна решимости: если отец откажет, она бежит с Марком, и будь, что будет! У родителей есть Гарри и Флёр, ничего, как-нибудь они её побег переживут! Если любят её хоть немного – то со временем поймут и простят.

Луиза Эннер прекрасно видела, что происходит, и понимала, что муж вряд ли будет рад этому. Но девочка любит Марка, а Марк – прекрасный юноша, серьёзный и надёжный. Да, пятый сын. Что, учитывая богатырское здоровье и Эльдебринков, и Стотенбергов, совершенно перечеркивает любые надежды для него подняться выше графа. Но всё-таки Эльдебринк! Любовь между равными – такая драгоценная вещь! Луиза хотела дочери счастья, и очень боялась, что девочка, с её характером и амбициями, будет очень несчастна в браке. Даже её отец не понимал, насколько внешность застенчивой прелестной блондиночки не соответствует её гордому, строптивому и неуступчивому нраву! Она либо превратит своего мужа в комнатное животное, которым будет помыкать и презирать его за это, либо начнётся война, которая её рано или поздно сломает... А Марк – это тот редкостный, словно белый единорог, мужчина, который и подчинить себя не позволит, и ломать её не станет. И Луиза всё решила про себя ещё до того, как к этому пришли сами влюблённые. И тоже ждала мужа, чтобы первой

поговорить с ним об этом и убедить его дать благословение на брак. Она была уверена, что ей это удастся.

– Я слышал, – волнуясь, спросил Марк, – его сиятельство вернулся?

– О, да, пхиводит себя в похядок. – Охотно ответила Луиза, ослепительно улыбаясь будущему зятю. – За обедом мы все встхетимся.

– Я хотел... – Марк сглотнул, – у меня к нему...

– О, я понимаю! И очень хада! – Радостно перебила его Луиза. – Я сама поговохю с ним, хохохо?

– Тили-тили-тесто!!! – Не выдержав, Флёр отбежала в сторону и заплясала в совершеннейшем восторге. – Жених и невеста, жених и невеста!!!

Фиби бросила лютню, вскочила, вся малиновая от смущения:

– Замолчи, ты, дурочка!!! – И бросилась прочь. Луиза рассмеялась, поцеловала Марка в разжумянившуюся щёку, и ушла, прихватив с собой кривляющуюся Флёр. А Гарри и Кирнан принялись хлопать Марка по плечам и спине, и всячески выражать своё мужское одобрение.

– Он пятый сын! – Еннер, только что из бани, румяный, с мокрыми волосами, в удобной домашней рубашке навывпуск, поднялся из-за стола, где закусывал свое любимое холодное токайское кусочками сёмги в кляре, заходил по комнате.

– Он Эльдебхинк. – Напомнила жена.

– И что? Что Фиби с ним светит – замок в глуши?

– Если Седхик женится на Габхиэль Хлохинг – то Эдесса. Наша девочка станет гхафиной Эдесской.

– Если! – Фыркнул Лайнел. – Анвалонец об этом и слышать не хочет!

– А у тебя появится шанс их пхимиричь! – Мурлыкнула Луиза, ластясь к мужу и запуская узкую ладошку за ворот его рубашки. – Тебе же хочется этого!

– Ну... второй хотя бы... Или ладно уж: третий!

– Но что делать? Наша Фиби полюбила пятого... А он полюбил её!

Лайнел любил жену, скучал по ней, и её ласка была ему приятна. Да и Марк ему нравился. На самом деле он не хотел бы, чтобы Фиби стала женой какого-нибудь волосатого рыжего верзилы с лужёной плоткой и манерами дикого медведя. Поэтому он поломался ещё только для вида, чтобы Луиза немного поласкалась к нему, уговаривая. В конце концов, он вздохнул и согласился, целуя жену:

– Ладно, перед обедом я с ними поговохю, с негодниками... А пока... – И Луиза восторженно взвизгнула, оторванная от пола и брошенная на постель.

Глава четвёртая: Принцесса эльфов

Утром Алиса, не выспавшаяся и проплакавшая всю ночь, умылась, переоделась и пошла к его высочеству, чтобы рассказать про Гэбриэла. Она очень переживала, думая о реакции Гарета, и хотела сначала посоветоваться с отцом близнецов.

Принц Гарольд перечитывал письмо Изабеллы – то, что принесла отвратительная летучая мышь. То письмо, что вручил ему консорт, принц уже прочёл, но если Фридрих верил, что переданные с ним слова королевы к нему и относятся, то его высочество сразу понял, что будет ещё письмо, доставленное каким-то колдовским способом. Он знал, что в своё время Изабелла не брезговала ничем и никем, чтобы родить ребёнка. Что связывалась с самыми отвратительными существами и участвовала в самых грязных и опасных ритуалах, и это наложило свой отпечаток на её душу. Тот самый, что влетел в его окно ночью и ощерился в свете свечи, поставленной на окно, прежде чем растаять. Принц знал, что это за магия – в своё время Лара много рассказывала ему о таких вещах...

– Надеюсь, ты откупаешься от него только золотом и каплей крови, Белла. – Прошептал он, забирая тонкий свиточек. – Бога молю о тебе и о том, что это только золото и твоя кровь...

Но начав читать, он забыл даже об этом. Изабелла была очень умна и очень наблюдательна; более того – у неё была просто сверхъестественная интуиция, которая всегда его впечатляла, а порой пугала. «Я знаю, – писала она, – что Тиберий и твой сын скрывают от тебя большую часть правды, опасаясь за твоё здоровье. Ты знаешь, как я люблю тебя, хоть и не веришь мне. Ты прав – я порой сама себе не верю. Но в то, что ты мне нужен, нужен, как воздух, как соль и вода, ты веришь, я знаю, ты не глуп, Гарри, ты умнее нас всех, умнее меня, хоть в детстве и казалось, что это не так. Просто я была острее на язык и скорее на ответ, вот и казалось, что у меня более живой ум и я сообразительнее. Но я всегда знала, что это не так. Я всегда знала, насколько ты глубже, умнее и лучше меня. Видит Бог, я не вру сейчас. Я тоже боюсь за твоё здоровье, и я тоже тебе лгала в своих письмах. Но сейчас всё так сложилось, что я не могу уже скрывать от тебя правды. В Междуречье бунт, он уже начался, он уже набирает обороты. Туда нужно послать людей, возможно, под началом моего маршала, Пера Кюрмана, но ни в коем случае не отправляй туда никого из своих сыновей! И поверь в мои намерения относительно Габи. Гарри, дорогой, отдай её мне. Девочка нужна здесь. Да, в Пойме она в безопасности, но время кончилось, понимаешь? Наше время, оно кончилось, всё, начался отсчёт новой эпохи, и возможно, как никогда, что это будет эпоха без Хлорингов. Я выдам её замуж и назначу её детей, любого пола, своими наследниками, это наш единственный шанс! О марьяже Гарета и Елизаветы я написала в своём предыдущем письме, и это хороший план, но на его осуществление требуется времени больше, чем есть у нас, тогда как мой план с Габи реален прямо сейчас. Я прошу тебя, нет, я умоляю тебя – отнесись к моей просьбе серьёзно! Я всё продумала, и если ты волнуешься насчёт того, что путешествие до Элиота будет для девочки опасно – не волнуйся! Я знаю способ, с помощью которого она окажется в Сансет в мгновение ока, а наши враги смогут сколько угодно поджидать её на Королевской Дороге». Писала она ещё, писала о герцоге Далвеганском и его брате, писала о состоянии дел на Юге, в Пустошах. Его высочество не спал всю ночь, обдумывая написанное, и утром, до завтрака, принялся читать опять, перечитывать те места, где Изабелла писала об их отношениях. «У нас с тобой никого нет, кроме друг друга. Да, есть твои сыновья, и Алиса, с её пустой головой и золотым сердцем, но по-настоящему есть только ты и я, и те, кого мы любим и стараемся уберечь. Тебе повезло: у тебя есть сыновья. Мне не повезло, Господь отнял у меня главное женское счастье, по причинам, ведомым ему одному. Мне не довелось даже понять своих племянников, хоть Алиса могла бы... Но не хочу об этом. Мою боль, моё горе никому не понять и ничем не искупить. Я совершила много такого, за что гореть мне

в аду вечно, но разве могла я пренебречь малейшей надеждой, даже такой ценой?! Со временем я разочаровалась во всём и во всех, и больше всего – в себе самой. Но ты, Гарольд, ты – мой маяк, поднятый над бурей, ты тот, кому я свято верю и на кого надеюсь всегда. Верь мне, пожалуйста! Я с тобой, пока ты со мной!».

– Я не верю тебе, Белла. – Покачал головой его высочество, бережно сворачивая письмо. – Ты и сама на это не надеешься. Ты не лжёшь, но ты предашь в тот же миг, как только почувствуешь, что это тебе выгодно. Я тебя и такую люблю... Но не верю. Ведь своего консорта ты прислала, чтобы он сманил Габи, если я не отпущу!

Алису он согласился принять сразу же, как только Тиберий сообщил о её приходе. Едва взглянув на заплаканное лицо девушки, принц понял, что говорить она будет про Гэбриэла. Сердце сжалось.

– Ваше высочество...

– Я же просил называть меня отцом. – Возразил он, протягивая ей руку. – Иди, поцелуй меня, наше солнышко.

– Простите, батюшка... – Прошептала Алиса. – Я... я не знаю, что мне делать. Я очень... – она поцеловала его, и он сжал обе её руки в своих ладонях:

– Что произошло? Вы поссорились?

– Нет! – Она вскинула низко опущенную голову. – Я не стала бы беспокоить вас нашими ссорами! Просто Гэбриэл – он... Он поступил так, что это может сделать больно Гарету, я боюсь, что ОНИ поссорятся! Вы тоже можете рассердиться на него, но я очень вас прошу, очень-очень: не сердитесь на него! Ему очень больно, всё время... он всё время думает о том, что творится в замке Драйвера, и о детях, которые ещё могут попасть туда. И он...

– Он помчался их спасать. – Прошептал принц Гарольд. – Помчался на Юг, сейчас, когда... – Сердце сжалось так, что стало больно, он зажмурился, и Алиса, вскрикнув, обвила его шею руками:

– Не надо, не надо, не волнуйтесь так!!! Он не так глуп, он не собирается нападать на замок Редстоун!!! И с Драйвером он пока встречаться не хочет... Просто есть один отвратительный человек, и Гэбриэл хочет встретить его и выпытать, где они прячут детей... только это! И с ним Терновник, и Нэш, и Иво!!!

– Спасибо тебе... – Прошептал принц, по-прежнему с закрытыми глазами, сунув руку за пазуху, к сердцу. – Спасибо, моя девочка... Сейчас пройдёт.

– Я позову Тиберия, врача!

– Не надо. Всё... уже все. – Он заставил себя открыть глаза и улыбнуться. – Проходит.

– Не проходит. – Алиса глядела на него своими огромными глазами, в которых вдруг заплескали золотые искры. – Вы обманываете. – Голос её как-то странно завибрировал. – *Но это не важно... Это в самом деле сейчас пройдёт.* – Она протянула руку, и положила на его ладонь, прикрывающую грудь. – *У вас больше никогда не заболит сердце.* – И боль волшебным образом ушла, растаяла, стало легко, он вздохнул полной грудью, впервые за долгое время, не почувствовав ни стеснения в груди, ни нехватки воздуха.

– Ты благословение Божье, Алиса. – Произнёс принц Гарольд чуть дрогнувшим голосом. – Благодарю тебя!

– Это я вас благодарю! – Тихо, но горячо воскликнула девушка. – Вы дали мне любовь и семью, вы дали мне Гэбриэла! Без этого мне ничего не нужно!

– Но почему он уехал тайно, и именно сейчас? – Успокоившись сам и успокоив Алису, задумчиво спросил его высочество. – Почему не спросил меня, брата? Мы помогли бы ему.

– Он боялся, что вы будете отговаривать его, откладывая эту поездку, под предлогом того, что нужно подготовиться, узнать что-то. А ему кажется, что времени нет.

«Кончилось наше время» – Эхом прозвучали в голове слова Изабеллы, и вновь сжалось сердце – только уже без боли.

– Вы сердитесь, и вы правы. Я тоже сержусь, я очень сержусь, и я *обижена* на него... Понимаю его, и всё же не могу не сердиться. Он порой такой...

– да. – Кивнул принц. – Он как скала.

– Да! – Обрадовалась Алиса. – Его нельзя сдвинуть, если он так решил. Это и хорошо, и плохо.

– У всего на свете есть две стороны. Одно и то же качество нашего ума и сердца – это и порок, и добродетель.

– Я знала, что вы поймёте... и если и рассердитесь, это не помешает вам, потому, что вы такой... вы – такой! Но Гарет...

– Гарет боится новой потери. – Задумчиво кивнул принц. – Этот страх – он огнём выжжен в его сердце. Он не желает признаваться в этом даже самому себе, но он нежнее, чем Гэбриэл, легче, тоньше. Смех помогает ему быть сильным, потому, что порой ему нелегко таким быть. Он боится потерять брата, он боится любить. Та потеря... она перевернула его душу и поселила в ней страх и чувство вины. Я ничего не смог с этим сделать в своё время – я и сам... – Он вздохнул. – Я и сам не мог это пережить. Лишь теперь я понимаю, что именно происходило с моим сыном на моих глазах, пока я предавался своей печали. Он считал и считает себя виноватым в том, что случилось с его матерью и братом. Что если бы он не опрокинул котёл с кипятком, ничего бы не было. Гэбриэл вернулся, и только увеличил чувство вины, потому, что теперь Гарет знает, что он пережил. Что с ним было, пока Гарет жил в семье, покое и безопасности. Гарет верил, что если найдёт брата, спасёт его, то это искупит его вину... Не вышло. Я не знаю теперь, как ему помочь. Он не легкомысленный, каким всем кажется. Напротив – он слишком серьёзен и нежен душой, вот в чём его беда.

– Я понимаю. – Призналась Алиса. – И я очень боюсь, что он... он отнесётся к поездке Гэбриэла... так, что они сильно поссорятся. Я всю ночь думала, как сказать ему правильно, как сделать так, чтобы не поссорить их совсем... но ничего не придумала!

– И плакала, бедная крошка, – его высочество привлёк её к себе и обнял, баюкая. – Какая же ты нежная, любящая, разумная и милая девочка! Как нам повезло с тобой! Не переживай... Я возьму это на себя. Пусть Гарет злится на меня – меня он простит скорее, и больно ему так не будет. А мы маленько схитрим. – Он подмигнул ей. – Изобразим, что плохо с сердцем, и он мгновенно забудет о своей злости. Коварный я, а?! – И Алиса тихо засмеялась, всхлипывая. – Позавтракаешь со мной?

– Да.

– Тогда умойся, смой слёзки и улыбнись. Никто из слуг не должен знать, что у нас что-то случилось. У нас всё прекрасно и замечательно. Да?

– Да! – Алиса, тряхнув головой, улыбнулась, глаза заблестели. – У нас всё прекрасно!

Королевская Дорога, во всяком случае, та её часть, что проходила по герцогству Элодисскому, была очень удобной, безопасной и комфортной трассой. Вся она была ещё во времена Генриха Великого выровнена, и вымощена булыжником или плитняком; повсюду на дороге были заставы, которые не только взимали пошлину за проезд, на которую содержались и рабочее, и сама дорога, но и следили за состоянием дороги и за безопасностью. Отрезков дороги, на которых от одного населённого пункта до другого было настолько далеко, что за пару часов от одного до другого не добраться, попадалось не так уж и много, особенно в Междуречье. И если такие и попадались, то на полпути всегда строились гостиницы или постоялые дворы. Один из таких, постоялый двор «Говорящий ворон», располагался на полпути между Анвиллом и Лавбургом. Название его заставляло путника недоумевать ровно до того момента, как он входил в общий зал и бывал встречен раскатистым:

– Воррон Кррош! Воррон Кррош! Кррош воррон! Давай жррать, давай водку жррать!

Говорили, что этот ворон был здесь при отце теперешнего хозяина, при его деде, и даже при деде деда. В клетке его не держали; ворон был умнющий, хитрый, важный и наглый. Одно его крыло когда-то очень давно было сломано и срослось криво, летать он не мог, но мог вспархивать со стола на подоконник, с подоконника на лавки и так далее, чем и занимался как хотел, и сколько хотел, и куда хотел. На него никто не обижался даже тогда, когда он в наглую воровал мясо или рыбу со стола клиента, и он очень оживлял атмосферу в таверне, настолько, что сюда приходили и из ближайших деревень, и из Лавбурга, только чтобы послушать, как Крош ругается, словно портовый грузчик, самыми распоследними словами. Это почему-то вызывало у посетителей, особенно у мужчин, приступы просто гомерического хохота. Материться Крош начинал, если у него что-нибудь отнять, к примеру, ложку, до которых он был почему-то большой охотник. Кто-нибудь сначала подсовывал ему ложку, а потом отнимал, и Крош начинал наскакивать на наглеца и при том так смачно выражаться, что никаких скоморохов уже не нужно было, Крош собирал аншлаг в одиночку.

Артур Девлин остановился на этом постоялом дворе уже не в первый раз, заранее предвкушая отличный ужин, развлечение и хороший отдых. Здесь были чистые комнаты, отличные постели и никаких клопов и блох, что вообще-то на постоялых дворах Междуречья было огромной редкостью. Он ехал со слугой, вдвоем, потому, что требовалось ехать быстро, не афишируя ни себя, ни цель своей поездки. Вёз он устное послание эрла Еннера Гарету Хлорингу. Требовалось рассказать ему про эльфов, про Бергстрема, про возможные провокации и готовность эльфов вступить в войну. Еннер предлагал примерно то же, что Изабелла: братьям ни в коем случае не покидать Пойму Ригины, где они находились под защитой Элодисского леса, Мириэль и обожавших принца Элодисского подданных, а в Междуречье отправить наёмников, к которым присоединится он, Еннер, и Бергквисты, давние друзья и родственники принца Элодисского. Про самостоятельное герцогство, пусть даже и под властью самого Еннера, эрл думал так же, как Гарет: это породит цепную реакцию, которая приведёт к полной катастрофе. Здесь он считал ситуацию не такой уж и страшной: многие рыцари не хотят конфликтовать с принцем, многие колеблются; очень многие не любят Бергстрема и фон Берга и не хотят, чтобы ими правил кто-то из них. В общем, надежда, по мнению Еннера, была. Главное, чтобы Бергстрем с приятелями не спровоцировали эльфов – тогда уже ничто не поможет Междуречью, а там и всему острову! Чтобы предупредить возможные провокации, следовало действовать как можно скорее, и Девлин мчался со всей скоростью, на которую были способны кони, меняя их на постоялых дворах – с некоторых пор такая услуга появилась в герцогстве Элодисском, первом на Острове.

Как и ожидал Девлин, его встретил грассирующий возглас Кроша:

– Кррош воррон! Кррош воррон! Жррать водку будем!

– Жив, старичок?! – Воскликнул Девлин весело, отряхиваясь – шёл дождь, и с плаща брызгала вода. – Давненько я здесь не был!

– Давненько. – Протирая стаканы, кивнул хозяин, лысый, как женская коленка, финн. – Давненько вы у нас не были, сэр Девлин!

– И как ты всех помнишь? – Девлин сбросил плащ на руки слуге и прошёл к стойке, справа от которой топился очаг. Хоть и конец мая, но от долгого дождя было прохладно, да и путники входили мокрые и стремились обсушиться у живого огня.

– Не всех. – Философически заметил финн. – Но многих.

– Ты, наверное, мог бы уже книгу о постояльцах написать, а?

– Разве что о ваших предпочтениях. – Усмехнулся больше глазами, чем губами и остальным лицом хозяин. – Вы, например, тёмное пенное предпочитаете, со специями.

– Ах ты... – Погрозил ему пальцем, смеясь, Девлин. – Даже это помнишь! – Ему было приятно. Тёмное пенное было отличное, и специй хозяин добавил в самый раз. В зале было ещё трое путников, двое ехали в Лионес, один – в Саю. Они как-то быстро собрались за один стол

и очень весело провели время до ужина. К ужину подъехали ещё двое, одноштитный рыцарь, одетый бедно, даже более, чем бедно, но ужасно спесивый и сильно озабоченный своим престижем, покушение на который он видел буквально в каждом слове, жесте или взгляде, и его спутник, по виду – или школяр, или студизус, из благородных, так как имел кинжал такого солидного вида, что мог бы считаться даже небольшим мечом. Они сели отдельно, рыцарь не имел никакого желания общаться с другими постояльцами. Даже ворон Крош его ухитрился оскорбить.

– Хозяин! – Громко сказал он. – Уйми свою курицу, ибо оскорбляет она мои уши своим жаргоном! Что за непотребство!

– Эх, вот появится один такой, – вздохнул тихо Девлин с усмешкой, – и всё настроение испортит...

– Ты это в мой адрес говоришь? – Напыжился рыцарь. Слов он не разобрал, но ему вечно мерещилось, что говорят о нем, насмеваются на счёт его бедных лат и протёртого до дыр лентнера, либо подвязанных носков сапог.

– Да помилуй меня Бог, – мягко усмехнулся Девлин. – Зачем мне оскорблять такого достойного рыцаря?

– Нет, по-моему, ты меня пытаешься оскорбить! – Рыцарь встал, схватившись за меч. – По-моему, ты меня уже оскорбил!!!

– Господа и сэры, – встревожился хозяин, – зачем ссориться? Всем хватит и еды, и постелей, и внимания! Милостивый сэр, может, вина – за счёт заведения?

– Ты думаешь, я нищий?! – Возопил рыцарь. – Ты думаешь, я в подачках твоих нуждаюсь?!

И как ни старались все присутствующие, но в зале разгорелась отвратительная трактирная драка. И – вот чудо! – и спесивый рыцарь, и его спутник оказались виртуозами клинка. Вдвоём они расправились и с Девлином, и двумя другими постояльцами, и со слугой Девлина в мгновение ока. Хозяин, сообразив, что пахнет жареным, схватил в охапку Кроша и скрылся так, что убийцы, поискав его, так и не нашли. Но они особо и не искали. Свое дело они выполнили. Через полчаса они мчались в сторону Лавбурга верхом на очень резвых конях – весьма резвых и очень породистых для бедного рыцаря.

Доктор, уверенный, что продал Марию Аяксу, обещанных ста дукатов так и не дождался, и, когда Хозяин на следующий день велел ехать за девчонкой для герцога Далвеганского, он собрался быстро, приказав Аресу вместе с Паскудой быть в Девичнике, чтобы Паскуда, если что, присмотрела за ранеными и побитыми и лечила их. Доктору так нужны были эти сто дукатов, он так много с ними связывал, что вся его судьба, казалось, сосредоточилась сейчас в этих золотых кружочках, вся Вселенная, весь мир! Он даже мысли не допускал, что Аякс его обманул или кинул. О том, что произошло, он из-за припадка помнил смутно; Клык, сообразив это, заявил, что отвёл Чуху Аяксу, а что там дальше, он не знает. Доктор ухватился за эту идею, решив, что, разумеется, Аякс деньги такие полукровке не доверит, и рвался в Сандвикен, где встретился с Аяксом в первый раз, всем своим существом. Ну, разумеется, – думал он, – Аякс там с ним и рассчитается! Об истинном положении вещей он и понятия не имел, но это и не удивительно. У всех, кто долго находился в Садах Мечты, жил там, искажалось восприятие реальности, настолько вывернутый, уродливый мир создал Драйвер. А Доктор, после тамошних рабов, был самым постоянным их жителем, покидая изредка и ненадолго. С нормальным человеком он, пожалуй, не знал бы, о чём и говорить.

Приехав в Сандвикен после полудня, он забрал девочку по имени Дора из дома, где она жила и заботилась о грудничках, и пошёл с нею в свою любимую гостиницу. Путь он выбрал кружной, через пристань, чтобы если что, заметить Аякса сразу или быть замеченным им. Девочка, слишком маленькая для такой длинной дороги, да ещё обутая в грубые уродливые

башмачки, которые терли её ножки, расплакалась, отказываясь идти. Доктор разорался на неё, дёргая за руку и шлёпая по щекам, чем вызвал дикий крик и плач. Именно на эти крики и плач и обернулся Гэбриэл с борта проплывающей мимо «Речной жемчужины».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.